

А. Н. ТОЛСТОЙ
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК
К. КОЛЛОДИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПИНОККИО

Свыше двухсот иллюстраций
Леонида Владимирского
и свыше ста иллюстраций
Чарльза Фолкарда

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Николаевич Толстой
(1883–1945)

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

●
КАРЛО КОЛЛОДИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПИНОККИО

*Перевод с итальянского
Нины Петровской*

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1+821.131.1
ББК 84(2Рос-Рус)1+84(4)
Т53+К60

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmego
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшониования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги
горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Т53+К60 Толстой А. Золотой ключик. Коллоди К. Приключения Пиноккио. — СПб.: СЗКЭО, 2021, — 304 с., ил.

Книга включает «Приключения Буратино» — классическую сказку Алексея Толстого, а также исходный текст К. Коллоди «Приключения Пиноккио», который писатель творчески переработал. Перевод с итальянского выполнен Н. Петровской и дан в литературной обработке того же А. Толстого. «Приключения Буратино» украшают хорошо знакомые многим цветные рисунки Л. Владимирского; иллюстрации к «Пиноккио» выполнены английским художником Чарльзом Фолкардом. Издание дополняют сто двадцать цветных кадров из известного советского диафильма «Приключения Буратино», выполненных по рисункам Л. Владимирского.

ISBN 978-5-9603-0668-3 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0669-0 (Кожанный переплет)

© СЗКЭО, 2021

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

*Иллюстрации
Леонида Владимировского*

Столяру Джузеппе попало под руку полено, которое пищало человеческим голосом

Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе, по прозвищу Сизый Нос.

Однажды ему попало под руку полено, обыкновенное полено для топки очага в зимнее время.

— Неплохая вещь, — сказал сам себе Джузеппе, — можно смастерить из него что-нибудь вроде ножки для стола...

Джузеппе надел очки, обмотанные бечевкой, — так как очки были тоже старые, — повертел в руке полено и начал его тесать топориком.

Но только он начал тесать, чей-то необыкновенно тоненький голосок пропищал:

— Ой-ой, потише, пожалуйста!

Джузеппе сдвинул очки на кончик носа, стал оглядывать мастерскую — никого...

Он заглянул под верстак — никого...

Он посмотрел в корзине со стружками — никого...

Он высунул голову за дверь — никого на улице...

«Неужели мне почудилось? — подумал Джузеппе. — Кто бы это мог пищать?»

Он опять взял топорик, и опять — только ударил по полену...

— Ой, больно же, говорю! — завыл тоненький голосок.

На этот раз Джузеппе испугался не на шутку, у него даже вспотели очки... Он осмотрел все углы в комнате, залез даже в очаг и, свернув голову, долго смотрел в трубу.

— Нет никого...

«Может быть, я выпил чего-нибудь неподходящего, и у меня звенит в ушах?» — размышлял про себя Джузеппе.

Нет, сегодня он ничего неподходящего не пил... Немного успокоясь, Джузеппе взял рубанок, стукнул молотком по задней его части, чтобы в меру — не слишком много и не слишком мало — вылезло лезвие, положил полено на верстак и только повел стружку...

— Ой, ой, ой, ой, слушайте, чего вы щиплетесь? — отчаянно запищал тоненький голосок.

Джузеппе уронил рубанок, попятился, попятился и сел прямо на пол: он догадался, что тоненький голосок шел изнутри полена.

Джузеппе дарит говорящее полено своему другу Карло

В это время к Джузеппе зашел его старинный приятель, шарманщик, по имени Карло.

Когда-то Карло в широкополой шляпе ходил с прекрасной шарманкой по городам и пением и музыкой добывал себе на хлеб.

Сейчас Карло был уже стар и болен, и шарманка его давно сломалась.

— Здравствуй, Джузеппе, — сказал он, зайдя в мастерскую. — Что ты сидишь на полу?

— А я, видишь ли, потерял маленький винтик... Да ну его! — ответил Джузеппе и покосился на полено. — Ну а ты как живешь, старина?

— Плохо, — ответил Карло. — Все думаю, чем бы мне заработать на хлеб... Хоть бы ты мне помог, посоветовал бы, что ли...

— Чего проще, — сказал весело Джузеппе и подумал про себя: «Отделаюсь-ка я сейчас от этого проклятого полена». — Чего проще: видишь — лежит на верстаке превосходное полено, возьми-ка ты это полено, Карло, и отнеси домой...

— Э-хе-хе, — уныло ответил Карло, — что же дальше-то? Принесу я домой полено, а у меня даже и очага в каморке нет.

— Я тебе дело говорю, Карло... Возьми ножик, вырежь из этого полена куклу, научи ее говорить всякие смешные слова, петь и танцевать, да и носи по дворам. Заработаешь на кусок хлеба и на стаканчик вина.

В это время на верстаке, где лежало полено, пискнул веселый голосок:

— Браво, прекрасно придумано, Сизый Нос!

Джузеппе опять затрясся от страха, а Карло только удивленно оглядывался: откуда голос?

— Ну, спасибо, Джузеппе, что посоветовал. Давай, пожалуй, твое полено.

Тогда Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.

— Ах вот какие твои подарки! — обиженно крикнул Карло.

— Прости, дружище, это не я тебя стукнул.

— Значит, я сам себя стукнул по голове?

— Нет, дружище, — должно быть, само полено тебя стукнуло.

— Врешь, ты стукнул...

— Нет, не я...

— Я знал, что ты пьяница, Сизый Нос, — сказал Карло, — а ты еще и лгун.

— Ах, ты ругаться! — крикнул Джузеппе. — Ну-ка, подойди ближе!

— Сам подойди ближе, я тебя схвачу за нос!

Оба старика надулись и начали наскакивать друг на друга. Карло схватил Джузеппе за сизый нос. Джузеппе схватил Карло за седые волосы, росшие около ушей.

После этого они начали здорово тузить¹ друг друга под микитки². Пронзительный голосок на верстаке в это время пищал и подначивал:

— Вали, вали хорошенько!

Наконец старики устали и запыхались. Джузеппе сказал:

— Давай помиримся, что ли...

Карло ответил:

— Ну что ж, давай помиримся...

Старики поцеловались. Карло взял полсно под мышку и пошел домой.

¹ *Тузить (иноск.)* — колотить кулаком (как бьют тузом другие карты).

² *Под микитки (прост.)* — место в нижней части груди под ребрами.

Карло мастерит деревянную куклу и называет ее Буратино

Карло жил в каморке под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага — в стене против двери.

Но красивый очаг, и огонь в очаге, и котелок, кипящий на огне, были ненастоящие — нарисованы на куске старого холста.

Карло вошел в каморку, сел на единственный стул у безногого стола и, повертев так и эдак полено, начал ножом вырезать из него куклу.

«Как бы мне ее назвать? — раздумывал Карло. — Назову-ка я ее Буратино. Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство — всех их звали Буратино: отец — Буратино, мать — Буратино, дети тоже Буратино... Все они жили весело и беспечно...»

Первым делом он вырезал на полене волосы, потом — лоб, потом — глаза...

Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...

Карло и виду не подал, что испугался, только ласково спросил:

— Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня?

Но кукла молчала, должно быть, потому, что у нее еще не было рта. Карло выстругал щеки, потом выстругал нос — обыкновенный.

Вдруг нос сам начал вытягиваться, расти, и получился такой длинный острый нос, что Карло даже крикнул:

— Нехорошо, длинен...

И начал срезать у носа кончик. Не тут-то было!

Нос вертелся, вывертывался, так и остался — длинным-длинным, любопытным, острым носом.

Карло принялся за рот. Но только успел вырезать губы — рот сразу открылся:

— Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

И высунулся из него, дразнясь, узенький красный язык.

Карло, уже не обращая внимания на эти проделки, продолжал стругать, вырезывать, ковырять. Сделал кукле подбородок, шею, плечи, туловище, руки...

Но едва окончил выстругивать последний пальчик, Буратино начал колотить кулачками Карло по лысине, щипаться и щекотаться.

— Послушай, — сказал Карло строго, — ведь я еще не кончил тебя мастерить, а ты уже принялся баловаться... Что же дальше-то будет... А?

И он строго поглядел на Буратино. И Буратино круглыми глазами, как мышь, глядел на папу Карло.

Карло сделал ему из лучинок длинные ноги с большими ступнями. На этом окончив работу, поставил деревянного мальчишку на пол, чтобы научить ходить.

Буратино покачался, покачался на тоненьких ножках, шагнул раз, шагнул другой, скок, скок — прямо к двери, через порог и — на улицу.

Карло, беспокоясь, пошел за ним:

— Эй, плутишка, вернись!

Куда там! Буратино бежал по улице, как заяц, только деревянные подошвы его — туки-тук, туки-тук — постукивали по камням...

— Держите его! — закричал Карло.

Прохожие смеялись, показывая пальцами на бегущего Буратино. На перекрестке стоял огромный полицейский с закрученными усами и в треугольной шляпе.

Увидев бегущего деревянного человечка, он широко расставил ноги, загородив ими всю улицу. Буратино хотел проскочить у него

*«Это я, Буратино», — сказала кукла, прыгнула на пол и давай плясать и прыгать.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

между ног, но полицейский схватил его за нос и так держал, покуда не подросел папа Карло.

— Ну, погоди ж ты, я с тобой уже расправляюсь, — отпихиваясь, проговорил Карло и хотел засунуть Буратино в карман куртки...

Буратино совсем не хотелось в такой веселый день при всем народе торчать ногами кверху из кармана куртки, — он ловко вывернулся, шлепнулся на мостовую и притворился мертвым...

— Ай, ай, — сказал полицейский, — дело, кажется, скверное!

Стали собираться прохожие. Глядя на лежащего Буратино, качали головами.

— Бедняжка, — говорили одни, — должно быть, с голоду...

— Карло его до смерти заколотил, — говорили другие, — этот старый шарманщик только притворяется хорошим человеком, он дурной, он злой человек...

Слыша все это, усатый полицейский схватил несчастного Карло за воротник и потащил в полицейское отделение.

Карло пылил башмаками и громко стонал:

— Ох, ох, на горе себе я сделал деревянного мальчишку!

Когда улица опустела, Буратино поднял нос, огляделся и вприпрыжку побежал домой.

Говорящий Сверчок дает Буратино мудрый совет

Прибежав в каморку под лестницей, Буратино шлепнулся на пол около ножки стула.

— Чего бы еще такое придумать?

Не нужно забывать, что Буратино шел всего первый день от рождения. Мысли у него были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые.

В это время послышалось:

— Кр-ри-кри, кр-ри-кри, кр-ри-кри...

Буратино завертел головой, оглядывая каморку.

— Эй, кто здесь?

— Здесь я, — кр-ри-кри...

Буратино увидел существо, немного похожее на таракана, но с головой как у кузнечика. Оно сидело на стене над очагом и тихо потрескивало — кр-ри-кри, — глядело выпуклыми, как из стекла, радужными глазами, шевелило усиками.

— Эй, ты кто такой?

— Я — Говорящий Сверчок, — ответило существо, — живу в этой комнате больше ста лет.

— Здесь я хозяин, убирайся отсюда.

— Хорошо, я уйду, хотя мне грустно покидать комнату, где я прожил сто лет, — ответил Говорящий Сверчок, — но, прежде чем я уйду, послушай полезный совет.

— Оч-ч-ч-чень мне нужны советы старого Сверчка...

— Ах, Буратино, Буратино, — проговорил Сверчок, — брось баловство, слушайся Карло, без дела не убегай из дома и завтра начинай ходить в школу. Вот мой совет. Иначе тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения. За твою жизнь я не дам и дохлой сухой мухи.

— Поч-ч-ч-чему? — спросил Буратино.

— А вот ты увидишь — поч-ч-ч-чему, — ответил Говорящий Сверчок.

— Ах ты, столетняя букашка-таракашка! — крикнул Буратино. — Больше всего на свете я люблю страшные приключения. Завтра чуть свет убегу из дома — лазить по заборам, разорять птичьи гнезда, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек... Я еще не то придумаю!

— Жаль мне тебя, жаль, Буратино, прольешь ты горькие слезы.

— Поч-ч-ч-чему? — опять спросил Буратино.

— Потому, что у тебя глупая деревянная голова.

Тогда Буратино вскочил на стул, со стула на стол, схватил молоток и запустил его в голову Говорящему Сверчку.

Старый умный Сверчок тяжело вздохнул, пошевелил усами и уполз за очаг, — навсегда из этой комнаты.

**Буратино едва не погибает
по собственному легкомыслию.
Папа Карло клеит ему одежду из цветной бумаги
и покупает азбуку**

После случая с Говорящим Сверчком в каморке под лестницей стало совсем скучно. День тянулся и тянулся. В животе у Буратино тоже было скучновато.

Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу на тарелке.

Живо открыл глаза — курица на тарелке исчезла.

Он опять закрыл глаза — увидел тарелку с манной кашей пополам с малиновым вареньем.

Открыл глаза — нет тарелки с манной кашей пополам с малиновым вареньем.

Тогда Буратино догадался, что ему ужасно хочется есть.

Он подбежал к очагу и сунул нос в кипящий на огне котелок, но длинный нос Буратино проткнул насквозь котелок, потому что, как мы знаем, и очаг, и огонь, и дым, и котелок были нарисованы бедным Карло на куске старого холста.

Буратино вытащил нос и поглядел в дырку: за холстом в стене было что-то похожее на небольшую дверцу, но там все было так затянато паутиной, что ничего не разобрать.

Буратино пошел шарить по всем углам: не найдется ли корочки хлеба или куриной косточки, обглоданной кошкой?

Ах, ничего-то, ничего-то не было у бедного Карло запасено на ужин!

Вдруг он увидел в корзинке со стружками куриное яйцо. Схватил его, поставил на подоконник и носом — тук-тук — разбил скорлупу.

Внутри яйца пискнул голосок:

— Спасибо, деревянный человечек!

Из разбитой скорлупы вылез Цыпленок с пухом вместо хвоста и с веселыми глазами.

— До свиданья! Мама Кура давно меня ждет на дворе.

И Цыпленок выскочил в окно — только его и видели.

— Ой, ой, — закричал Буратино, — есть хочу!

День наконец кончил тянуться. В комнате стало сумеречно.

Буратино сидел около нарисованного огня и от голода потихоньку икал.

Он увидел: из-под лестницы, из-под пола, показалась толстая голова. Высунулось, понюхало и вылезло серое животное на низких лапах.

Не спеша оно пошло к корзине со стружками, влезло туда, нюхая и шаря, сердито зашуршало стружками. Должно быть, оно искало яйцо, которое разбил Буратино.

Потом оно вылезло из корзины и подошло к Буратино. Понюхало его, крутя черным носом с четырьмя длинными волосками с каждой стороны. От Буратино съестным не пахло, — оно пошло мимо, таща за собой длинный тонкий хвост.

Ну как его было не схватить за хвост! Буратино сейчас же и схватил.

Это оказалась старая злая крыса Шушара.

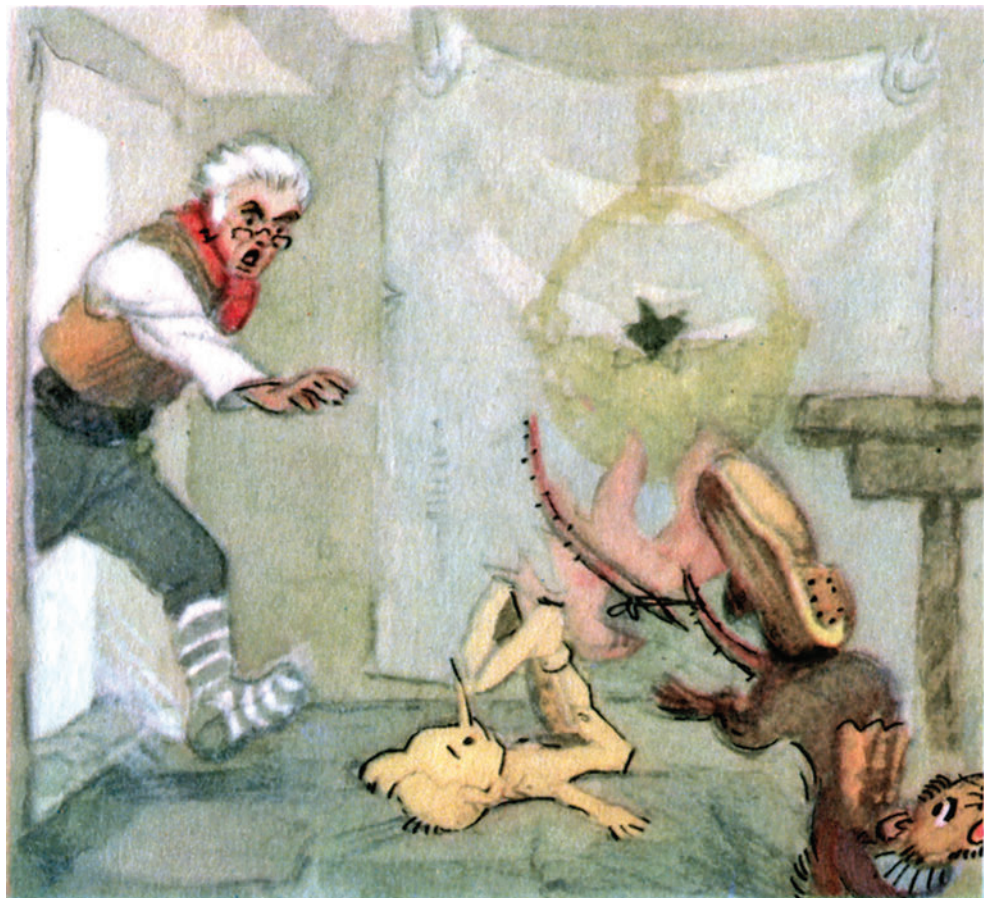
С испугу она, как тень, кинулась было под лестницу, волоча Буратино, но увидела, что это всего-навсего деревянный мальчишка, — обернулась и с бешеной злобой набросилась, чтобы перегрызть ему горло.

Теперь уж Буратино испугался, отпустил холодный крысиный хвост и вспрыгнул на стул. Крыса — за ним.

Он со стула перескочил на подоконник. Крыса — за ним.

С подоконника он через всю каморку перелетел на стол. Крыса — за ним... И тут, на столе, она схватила Буратино за горло, повалила, держа его в зубах, соскочила на пол и поволокла под лестницу, в подполье.

— Папа Карло! — успел только пискнуть Буратино.

— Я здесь! — ответил громкий голос.

Дверь распахнулась, вошел папа Карло. Стащил с ноги деревянный башмак и запустил им в крысу.

Шушара, выпустив деревянного мальчишку, скрипнула зубами и скрылась.

— Вот до чего доводит баловство! — проворчал папа Карло, поднимая с пола Буратино. Посмотрел, все ли у него цело. Посадил его на колени, вынул из кармана луковку, очистил. — На, ешь!

Буратино вонзил голодные зубы в луковицу и съел ее, хрустя и причмокивая. После этого стал тереться головой о щетинистую щеку папы Карло.

— Я буду умненький-благоразумненький, папа Карло... Говорящий Сверчок велел мне ходить в школу.

— Славно придумано, малыш...

— Папа Карло, но ведь я голенький, деревянненький, — мальчишки в школе меня засмеют.

— Эге, — сказал Карло и почесал щетинистый подбородок. — Ты прав, малыш!

Он зажег лампу, взял ножницы, клей и обрывки цветной бумаги. Вырезал и склеил курточку из коричневой бумаги и ярко-зеленые штанишки. Смастерил туфли из старого голенища и шапочку — колпачком с кисточкой — из старого носка. Все это надел на Буратино:

— Носи на здоровье!

— Папа Карло, — сказал Буратино, — а как же я пойду в школу без азбуки?

— Эге, ты прав, малыш...

Папа Карло почесал в затылке. Накинул на плечи свою единственную старую куртку и пошел на улицу.

Он скоро вернулся, но без куртки. В руке он держал книжку с большими буквами и занимательными картинками.

— Вот тебе азбука. Учись на здоровье.

— Папа Карло, а где твоя куртка?

— Куртку-то я продал. Ничего, обойдусь и так... Только ты живи на здоровье.

Буратино уткнулся носом в добрые руки папы Карло.

— Выучусь, вырасту, куплю тебе тысячу новых курток...

Буратино всеми силами хотел в этот первый в его жизни вечер жить без баловства, как научил его Говорящий Сверчок.

Буратино продает азбуку и покупает билет в кукольный театр

Рано поутру Буратино положил азбуку в сумочку и вприпрыжку побежал в школу.

По дороге он даже не смотрел на сласти, выставленные в лавках, — маковые на меду треугольнички, сладкие пирожки и леденцы в виде петухов, насаженных на палочку.

Он не хотел смотреть на мальчишек, запускающих бумажного змея.

Улицу переходил полосатый кот Базилио, которого можно было схватить за хвост. Но Буратино удержался и от этого.

Чем ближе он подходил к школе, тем громче неподалеку, на берегу Средиземного моря, играла веселая музыка.

- Пи-пи-пи, — пищала флейта.
- Ла-ла-ла-ла, — пела скрипка.
- Дзинь-дзинь, — звякали медные тарелки.
- Бум! — бил барабан.

В школу нужно поворачивать направо, музыка слышалась налево. Буратино стал спотыкаться. Сами ноги поворачивали к морю, где:

- Пи-пи, пи-и-и-и-и...
- Дзинь-ла-ла, дзинь-ла-ла...
- Бум!

— Школа же никуда же не уйдет же, — сам себе громко начал говорить Буратино, — я только взгляну, послушаю — и бегом в школу.

Что есть духу он пустился бежать к морю. Он увидел полотняный балаган, украшенный разноцветными флагами, хлопающими от морского ветра.

Буратино взял азбуку и пошел в школу.
По дороге он увидел кукольный театр Карабаса-Барабаса.
Ему ужасно захотелось посмотреть кукольное представление.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.

Наверху балагана, приплясывая, играли четыре музыканта.

Внизу полная улыбающаяся тетя продавала билеты.

Около входа стояла большая толпа — мальчики и девочки, солдаты, продавцы лимонада, кормилицы с младенцами, пожарные, почтальоны, — все, все читали большую афишу:

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР
ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ТОРОПИТЕСЬ!
ТОРОПИТЕСЬ!
ТОРОПИТЕСЬ!

Буратино дернул за рукав одного мальчишку:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит входной билет?

Мальчик ответил сквозь зубы, не спеша:

— Четыре сольдо, деревянный человечек.

— Понимаете, мальчик, я забыл дома мой кошелек... Вы не можете мне дать взаймы четыре сольдо?

Мальчик презрительно свистнул:

— Нашел дурака!

— Мне уж-ж-ж-ж-ж-жасно хочется посмотреть кукольный театр! — сквозь слезы сказал Буратино. — Купите у меня за четыре сольдо мою чудную курточку...

— Бумажную куртку за четыре сольдо? Ищи дурака.

— Ну, тогда мой хорошенький колпачок...

— Твоим колпачком только ловить головастика. Ищи дурака.

У Буратино даже похолодел нос — так ему хотелось попасть в театр.

— Мальчик, в таком случае возьмите за четыре сольдо мою новую азбуку...

— С картинками?

— С ч-ч-ч-чудными картинками и большими буквами.

— Давай, пожалуй, — сказал мальчик, взял азбуку и нехотя отсчитал четыре сольдо.

Буратино подбежал к полной улыбающейся тете и пропищал:
— Послушайте, дайте мне в первом ряду билет на единственное представление кукольного театра.

Во время представления комедии куклы узнают Буратино

Буратино сел в первом ряду и с восторгом глядел на опущенный занавес.

На занавесе были нарисованы танцующие человечки, девочки в черных масках, страшные бородатые люди в колпаках со звездами, солнце, похожее на блин с носом и глазами, и другие занимательные картинки.

Три раза ударили в колокол, и занавес поднялся.

На маленькой сцене справа и слева стояли картонные деревья. Над ними висел фонарь в виде луны и отражался в кусочке зеркала, на котором плавали два лебедя, сделанные из ваты, с золотыми носами.

Из-за картонного дерева появился маленький человечек в длинной белой рубашке с длинными рукавами.

Его лицо было обсыпано пудрой, белой, как зубной порошок.

Он поклонился почтеннейшей публике и сказал грустно:

— Здравствуйте, меня зовут Пьеро... Сейчас мы разыграем перед вами комедию под названием «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника». Меня будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия...

Из-за другого картонного дерева выскочил другой человек, весь клетчатый, как шахматная доска.

Он поклонился почтеннейшей публике:

— Здравствуйте, я — Арлекин!

После этого обернулся к Пьеро и отпустил ему две пощечины, такие звонкие, что у того со щек посыпалась пудра.

— Ты чего хнычешь, дуралей?

— Я грустный потому, что я хочу жениться, — ответил Пьеро.

- А почему ты не женился?
- Потому что моя невеста от меня убежала...
- Ха-ха-ха, — покотился со смеху Арлекин, — видели дураля! Он схватил палку и отколотил Пьеро.
- Как зовут твою невесту?
- А ты не будешь больше драться?
- Ну нет, я еще только начал.
- В таком случае ее зовут Мальвина, или девочка с голубыми волосами.

— Ха-ха-ха! — опять покотился Арлекин и отпустил Пьеро три подзатыльника. — Послушайте, почтеннейшая публика... Да разве бывают девочки с голубыми волосами?

Но тут он, повернувшись к публике, вдруг увидел на передней скамейке деревянного мальчишку со ртом до ушей, с длинным носом, в колпачке с кисточкой...

— Глядите, это Буратино! — закричал Арлекин, указывая на него пальцем.

— Живой Буратино! — завопил Пьеро, взмахивая длинными рукавами.

Из-за картонных деревьев выскочило множество кукол — девочки в черных масках, страшные бородачи в колпаках, мохнатые собаки с пуговицами вместо глаз, горбуны с носами, похожими на огурец...

Все они подбежали к свечам, стоявшим вдоль рампы, и, вглядываясь, затараторили:

— Это Буратино! Это Буратино! К нам, к нам, веселый плутишка Буратино!

Тогда он с лавки прыгнул на суфлерскую будку, а с нее на сцену. Куклы схватили его, начали обнимать, целовать, щипать... Потом все куклы запели «Польку-птичку»:

Птичка польку танцевала
На лужайке в ранний час.
Нос налево, хвост направо, —
Это «Полька-Карабас».

Два жука — на барабане,
Дует Жаба в контрабас.
Нос налево, хвост направо, —
Это «Полька-Барабас».

Птичка польку танцевала,
Потому что весела.
Нос налево, хвост направо, —
Вот так полечка была.

Зрители были растроганы. Одна кормилица даже прослезилась. Один пожарный плакал навзрыд.

Только мальчишки на задних скамейках сердились и топали ногами:

— Довольно лизаться, не маленькие, продолжайте представление!

Услышав весь этот шум, из-за сцены высунулся человек, такой страшный с виду, что можно было окоченеть от ужаса при одном взгляде на него.

Густая нечесаная борода его волочилась по полу, выпученные глаза вращались, огромный рот лязгал зубами, будто это был не человек, а крокодил. В руке он держал семихвостую плетку.

Это был хозяин кукольного театра, доктор кукольных наук синьор Карабас-Барабас.

— Га-га-га, гу-гу-гу! — заревел он на Буратино. — Так это ты помешал представлению моей прекрасной комедии?

Он схватил Буратино, отнес в кладовую театра и повесил на гвоздь. Вернувшись, погрозил куклам семихвостой плеткой, чтобы они продолжали представление.

Куклы кое-как закончили комедию, занавес закрылся, зрители разошлись.

Доктор кукольных наук синьор Карабас-Барабас пошел на кухню ужинать.

Сунув нижнюю часть бороды в карман, чтобы не мешала, он сел перед очагом, где на вертеле жарились целый кролик и два цыпленка.

Помуслив¹ пальцы, он потрогал жаркое, и оно показалось ему сырым.

В очаге было мало дров. Тогда он три раза хлопнул в ладоши.

Вбежали Арлекин и Пьеро.

— Принесите-ка мне этого бездельника Буратино, — сказал синьор Карабас-Барабас. — Он сделан из сухого дерева, я его подкину в огонь, мое жаркое живо зажарится.

¹ Помуслить (разг.) — слегка смочить слюной.

Арлекин и Пьеро упали на колени, умоляли пощадить несчастного Буратино.

— А где моя плетка? — закричал Карабас-Барабас.

Тогда они, рыдая, пошли в кладовую, сняли с гвоздя Буратино и приволокли на кухню.

**Синьор Карабас-Барабас,
вместо того, чтобы сжечь Буратино,
дает ему пять золотых монет и отпускает домой**

Когда куклы приволокли Буратино и бросили на пол у решетки очага, синьор Карабас-Барабас, страшно сопя носом, мешал кочергой угли.

Вдруг глаза его налились кровью, нос, затем все лицо собралось поперечными морщинами. Должно быть, ему в ноздри попал кусочек угля.

— А-ап... а-ап... а-ап... — завыл Карабас-Барабас, закатывая глаза, — а-ап-чхи!

И он чихнул так, что пепел поднялся столбом в очаге.

Когда доктор кукольных наук начинал чихать, то уже не мог остановиться и чихал пятьдесят, а иногда и сто раз подряд.

От такого необыкновенного чихания он обессилевал и становился добрее.

Пьеро украдкой шепнул Буратино:

— Попробуй с ним заговорить между чиханьем...

— А-ап-чхи! А-ап-чхи! — Карабас-Барабас забирал разинутым ртом воздух и с треском чихал, тряся башкой и топая ногами.

*Карабас-Барабас жарил цыпленка себе на ужин.
Он сказал: «В очаге мало дров, брошу в огонь Буратино».
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

На кухне все тряслось, дребезжали стекла, качались сковороды и кастрюли на гвоздях.

Между этими чиханьями Буратино начал подвывать жалобным тоненьким голоском:

— Бедный я, несчастный, никому-то меня не жалко!

— Перестань реветь! — крикнул Карабас-Барабас. — Ты мне мешаешь... А-ап-чхи!

— Будьте здоровы, синьор, — всхлипнул Буратино.

— Спасибо... А что — родители у тебя живы? А-ап-чхи!

— У меня никогда, никогда не было мамы, синьор. Ах, я несчастный! — И Буратино закричал так пронзительно, что в ушах Карабаса-Барабаса стало колоть, как иголкой.

Он затопал подошвами.

— Перестань визжать, говорю тебе! А-ап-чхи! А что — отец у тебя жив?

— Мой бедный отец еще жив, синьор.

— Воображаю, каково будет узнать твоему отцу, что я на тебе изжарил кролика и двух цыплят... А-ап-чхи!

— Мой бедный отец все равно скоро умрет от голода и холода. Я его единственная опора в старости. Пожалейте, отпустите меня, синьор.

— Десять тысяч чертей! — заорал Карабас-Барабас. — Ни о какой жалости не может быть и речи. Кролик и цыплята должны быть зажарены. Полезай в очаг!

— Синьор, я не могу этого сделать.

— Почему? — спросил Карабас-Барабас только для того, чтобы Буратино продолжал разговаривать, а не визжал в уши.

— Синьор, я уже пробовал однажды сунуть нос в очаг и только проткнул дырку.

— Что за вздор! — удивился Карабас-Барабас. — Как ты мог носом проткнуть в очаге дырку?

— Потому, синьор, что очаг и котелок над огнем были нарисованы на куске старого холста.

— А-ап-чхи! — чихнул Карабас-Барабас с таким шумом, что Пьеро отлетел налево, Арлекин — направо, а Буратино завертелся волчком.

— Где ты видел очаг, и огонь, и котелок нарисованными на куске холста?

— В каморке моего папы Карло.

— Твой отец — Карло?! — Карабас-Барабас вскочил со стула, взмахнул руками, борода его разлетелась. — Так, значит, это в каморке старого Карло находится потайная...

Но тут Карабас-Барабас, видимо не желая проговориться о какой-то тайне, обоими кулаками заткнул себе рот. И так сидел некоторое время, глядя выпученными глазами на погасающий огонь.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я поужинаю недожаренным кроликом и сырыми цыплятами. Я тебе дарю жизнь, Буратино. Мало того...

Он залез под бороду в жилетный карман, вытащил пять золотых монет и протянул их Буратино:

— Мало того... Возьми эти деньги и отнеси их Карло. Кланяйся и скажи, что я прошу его ни в коем случае не умирать от голода и холода и, самое главное, не уезжать из его каморки, где находится очаг, нарисованный на куске старого холста. Ступай выпись и утром пораньше беги домой.

Буратино положил пять золотых монет в карман и ответил с вежливым поклоном:

— Благодарю вас, синьор. Вы не могли доверить деньги в более надежные руки...

Арлекин и Пьеро отвели Буратино в кукольную спальню, где

куклы опять начали обнимать, целовать, толкать, щипать и опять обнимать Буратино, так непонятно избежавшего страшной гибели в очаге.

Он шепотом говорил куклам:

— Здесь какая-то тайна.

По дороге домой Буратино встречает двух нищих — кота Базилио и лису Алису

Рано утром Буратино пересчитал деньги, — золотых монет было столько, сколько пальцев на руке, — пять.

Зажав золотые в кулаке, он вприпрыжку побежал домой и напевал:

— Куплю папе Карло новую куртку, куплю много маковых треугольничков, леденцовых петухов на палочках.

Когда из глаз скрылся балаган кукольного театра и развевающиеся флаги, он увидел двух нищих, уныло бредущих по пыльной дороге: лису Алису, ковыляющую на трех лапах, и слепого кота Базилио.

Это был не тот кот, которого Буратино встретил вчера на улице, но другой — тоже Базилио и тоже полосатый. Буратино хотел пройти мимо, но лиса Алиса сказала ему умильно:

— Здравствуй, добренький Буратино! Куда так спешишь?

— Домой, к папе Карло.

Лиса вздохнула еще умильнее:

— Уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от голода и холода...

— А ты это видела? — Буратино разжал кулак и показал пять золотых.

Увидев деньги, лиса невольно потянулась к ним лапой, а кот вдруг широко раскрыл слепые глаза, и они сверкнули у него, как два зеленых фонаря.

Но Буратино ничего этого не заметил.

— Добренький, хорошенький Буратино, что же ты будешь делать с этими деньгами?

— Куплю куртку для папы Карло... Куплю новую азбуку...

— Азбуку, ох, ох! — сказала лиса Алиса, качая головой. — Не доведет тебя до добра это ученье... Вот я училась, училась, а — гляди — хожу на трех лапах.

— Азбуку! — проворчал кот Базилио и сердито фыркнул в усы. — Через это проклятое ученье я глаз лишился...

На сухой ветке около дороги сидела пожилая Ворона. Слушала, слушала и каркнула:

— Врут, врут!

Кот Базилио сейчас же высоко подскочил, лапой сшиб ворону с ветки, выдрал ей полхвоста, — едва она улетела. И опять представился, будто он слепой.

— Вы за что так ее, кот Базилио? — удивленно спросил Буратино.

*Буратино взял пять червонцев и побежал домой.
Но по дороге ему попались двое нищих — лиса Алиса и кот Базилио.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

— Глаза-то слепые, — ответил кот, — показалось — это собачонка на дереве...

Пошли они втроем по пыльной дороге.

Лиса сказала: — Умненький, благоразумненький Буратино, хотел бы ты, чтобы у тебя денег стало в десять раз больше?

— Конечно, хочу! А как это делается?

— Проще простого. Пойдем с нами.

— Куда?

— В Страну дураков.

Буратино немного подумал.

— Нет, уж я, пожалуй, сейчас домой пойду.

— Пожалуйста, мы тебя за веревку не тянем, — сказала лиса, — тем хуже для тебя.

— Тем хуже для тебя, — проворчал кот.

— Ты сам себе враг, — сказала лиса.

— Ты сам себе враг, — проворчал кот.

— А то бы твои пять золотых превратились в кучу денег...

Буратино остановился, разинул рот...

— Врешь!

Лиса села на хвост, облизнулась:

— Я тебе сейчас объясню. В Стране дураков есть волшебное поле, — называется Поле чудес... На этом поле выкопай ямку, скажи три раза: «Крекс, фекс, пекс», положи в ямку золотой, засыпь землей, сверху посыпь солью, полей хорошенько и иди спать. Наутро из ямки вырастет небольшое деревце, на нем вместо листьев будут висеть золотые монеты. Понятно?

Буратино даже подпрыгнул:

— Врешь!

— Идем, Базилио, — обиженно свернув нос, сказала лиса, — нам не верят — и не надо...

— Нет, нет, — закричал Буратино, — верю, верю! Идемте скорее в Страну дураков!

В харчевне «Трех пескарей»

Буратино, лиса Алиса и кот Базилио спустились под гору и шли, шли — через поля, виноградники, через сосновую рощу, вышли к морю и опять повернули от моря, через ту же рощу, виноградники...

Городок на холме и солнце над ним виднелись то справа, то слева...

Лиса Алиса говорила, вздыхая:

— Ах, не так-то легко попасть в Страну дураков, все лапы сотрешь...

Под вечер они увидели сбоку дороги старый дом с плоской крышей и с вывеской над входом:

ХАРЧЕВНЯ ТРЕХ ПЕСКАРЕЙ

Хозяин выскочил навстречу гостям, сорвал с плешивой головы шапочку и низко кланялся, прося зайти.

— Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой, — сказала лиса.

— Хоть коркой хлеба угостили бы, — повторил кот.

Зашли в харчевню, сели около очага, где на вертелах и сковородках жарилась всякая всячина.

Лиса поминутно облизывалась, кот Базилио положил лапы на стол, усатую морду — на лапы, уставился на пищу.

— Эй, хозяин, — важно сказал Буратино, — дайте нам три корочки хлеба.

Хозяин едва не упал навзничь от удивления, что такие почтенные гости так мало спрашивают.

— Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, — захихикала лиса.

— Он шутит, — буркнул кот.

— Дайте три корочки хлеба и к ним... вон того чудно зажаренного барашка, — сказала лиса, — и еще того гусенка, да парочку голубей на вертеле, да, пожалуй, еще печеночки...

— Шесть штук самых жирных карасей, — приказал кот, — и мелкой рыбы сырой на закуску.

Короче говоря, они взяли все, что было на очаге; для Буратино осталась одна корочка хлеба.

Лиса Алиса и кот Базилио съели все вместе с костями. Животы у них раздулись, морды залоснились.

— Отдохнем часок, — сказала лиса, — а ровно в полночь выйдем. Не забудьте нас разбудить, хозяин.

Лиса и кот завалились на двух мягких кроватях, захрапели и зашвистели. Буратино прикорнул в углу на собачьей подстилке.

Ему снилось деревце с кругленькими золотыми листьями... Только он протянул руку...

— Эй, синьор Буратино, пора, уже полночь...

В дверь стучали. Буратино вскочил, протер глаза. На кровати — ни кота, ни лисы, — пусто.

Хозяин объяснил ему:

— Ваши почтенные друзья изволили раньше подняться, подкрепились холодным пирогом и ушли.

— Мне ничего не велели передать?

— Очень даже велели, — чтобы вы, синьор Буратино, не теряя ни минуты, бежали по дороге к лесу...

Буратино кинулся к двери, но хозяин стал на пороге, прищурился, руки упер в бока:

— А за ужин кто будет платить?

— Ой, — пискнул Буратино, — сколько?

— Ровно один золотой...

Буратино сейчас же хотел прошмыгнуть мимо его ног, но хозяин схватил вертел, — щетинистые усы, даже волосы над ушами у него встали дыбом.

— Плати, негодяй, или проткну тебя, как жука!

Пришлось заплатить один золотой из пяти. Пошмыгивая от огорчения, Буратино покинул проклятую харчевню.

Ночь была темна — этого мало, — черна, как сажа. Все кругом спало. Только над головой Буратино неслышно летала ночная птица Сплюшка¹.

Задевая мягким крылом за его нос, Сплюшка повторяла:

— Не верь, не верь, не верь!

Он с досадой остановился:

— Чего тебе?

— Не верь коту и лисе...

— А ну тебя!

Он побежал дальше и слышал, как Сплюшка верещала вдогонку:

— Бойся разбойников на этой дороге...

На краю неба появился зеленоватый свет, — всходила луна.

¹ *Сплюшка* — ночная птица семейства совиные.

На Буратино нападают разбойники

Впереди стал виден черный лес.
Буратино пошел быстрее. Кто-то позади него тоже пошел быстрее.
Он припустился бегом. Кто-то бежал за ним вслед бесшумными скачками.

Он обернулся.

Его догоняли двое, — на головах у них были надеты мешки с прорезанными дырками для глаз.

Один, пониже ростом, размахивал ножом, другой, повыше, держал пистолет, у которого дуло расширилось, как воронка...

— Ай-ай! — завизжал Буратино и, как заяц, припустился к черному лесу.

— Стой, стой! — кричали разбойники.

Буратино хотя и был отчаянно перепуган, все же догадался, — сунул в рот четыре золотых и свернул с дороги к изгороди, заросшей ежевикой... Но тут двое разбойников схватили его...

— Кошелек или жизнь!

Буратино, будто бы не понимая, чего от него хотят, только часто-часто дышал носом. Разбойники трясли его за шиворот, один грозил пистолетом, другой обшаривал карманы.

— Где твои деньги? — рычал высокий.

— Деньги, парш-ш-шивец! — шипел низенький.

— Разорву в клочки!

— Голову отъем!

Тут Буратино от страха так затрясся, что золотые монеты зазвенели у него во рту.

— Вот где у него деньги! — завывали разбойники. — Во рту у него деньги...

Один схватил Буратино за голову, другой — за ноги. Начали его подбрасывать. Но он только крепче сжимал зубы.

Перевернув его кверху ногами, разбойники стукали его головой об землю. Но и это ему было нипочем.

Разбойник, тот, что пониже, принялся широким носком разжимать ему зубы. Вот-вот уже и разжал... Буратино изловчился — изо всей силы укусил его за руку... Но это оказалась не рука, а кошачья лапа. Разбойник дико взвыл. Буратино в это время вывернулся, как ящерица, кинулся к изгороди, нырнул в колючую ежевику, оставив на колючках клочки штанишек и курточки, перелез на ту сторону и помчался к лесу.

У лесной опушки разбойники опять нагнали его. Он подпрыгнул, схватился за качающуюся ветку и полез на дерево. Разбойники — за ним. Но им мешали мешки на головах.

Вскарабкавшись на вершину, Буратино раскачался и перепрыгнул на соседнее дерево. Разбойники — за ним...

Но оба тут же сорвались и шлепнулись на землю.

Пока они кричали и почесывались, Буратино соскользнул с дерева и припустился бежать, так быстро перебирая ногами, что их даже не было видно.

От луны деревья отбрасывали длинные тени. Весь лес был полосатый...

Буратино то пропадал в тени, то белый колпачок его мелькал в лунном свете.

Так он добрался до озера. Над зеркальной водой висела луна, как в кукольном театре.

Буратино кинулся направо — топко. Налево — топко... А позади опять затрещали сучья...

— Держи, держи его!

Разбойники уже подбегали, они высоко подскакивали из мокрой травы, чтобы увидеть Буратино.

— Вот он!

Ему оставалось только броситься в воду. В это время он увидел белого Лебедя, спавшего близ берега, засунув голову под крыло. Буратино кинулся в озерцо, нырнул и схватил Лебедя за лапы.

— Го-го, — гоготнул лебедь, пробуждаясь, — что за неприличные шутки! Оставьте мои лапы в покое!

Лебедь раскрыл огромные крылья, и в то время, когда разбойники уже хватали Буратино за ноги, торчащие из воды, Лебедь важно полетел через озеро.

На том берегу Буратино выпустил его лапы, шлепнулся, вскочил и по моховым кочкам, через камыши пустился бежать прямо к большой луне над холмами.

*Кот и лиса нагнали Буратино.
Но он увидел Лебедя, схватил его за лапы, и Лебедь понес его через озеро.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

Разбойники вешают Буратино на дерево

От усталости Буратино едва перебирал ногами, как муха осенью на подоконнике.

Вдруг сквозь ветки орешника он увидел красивую лужайку и посреди ее — маленький, освещенный луной домик в четыре окошка. На ставнях нарисованы солнце, луна и звезды. Вокруг росли большие лазоревые цветы.

Дорожки посыпаны чистым песочком. Из фонтана била тоненькая струя воды, в ней подплясывал полосатый мячик.

Буратино на четвереньках влез на крыльцо. Постучал в дверь. В домике было тихо. Он постучал сильнее, — должно быть, там крепко спали.

В это время из лесу опять выскочили разбойники. Они переплыли озеро, вода лила с них ручьями. Увидев Буратино, низенький разбойник гнусно зашипел по-кошачьи, высокий — затыкал по-лиси...

Буратино колотил в дверь руками и ногами:

— Помогите, помогите, добрые люди!

Тогда в окошко высунулась кудрявая хорошенькая девочка с хорошеньким приподнятым носиком.

Глаза у нее были закрыты.

— Девочка, откройте дверь, за мной гонятся разбойники!

— Ах, какая чушь! — сказала девочка, зевая хорошеньким ртом. — Я хочу спать, я не могу открыть глаза...

Она подняла руки, сонно потянулась и скрылась в окошке.

Буратино в отчаянии упал носом в песок и притворился мертвым.

Разбойники подскочили:

— Ага, теперь от нас не уйдешь!

Трудно вообразить, чего они только не выделывали, чтобы заставить Буратино раскрыть рот. Если бы во время погони они не обронили ножа и пистолета, — на этом месте и можно было бы закончить рассказ про несчастного Буратино.

Наконец разбойники решили его повесить вниз головой, привязали к ногам веревку, и Буратино повис на дубовой ветке... Они сели под дубом, протянув мокрые хвосты, и ждали, когда у него вывалятся изо рта золотые...

На рассвете поднялся ветер, зашумели на дубу листья. Буратино качался, как деревяшка. Разбойникам наскучило сидеть на мокрых хвостах...

— Повиси, дружок, до вечера, — сказали они зловеще и пошли искать какую-нибудь придорожную харчевню.

Девочка с голубыми волосами возвращает Буратино к жизни

За ветвями дуба, где висел Буратино, разлилась утренняя заря. Трава на поляне стала сизой, лазоревые цветы покрылись каплями росы.

Девочка с кудрявыми голубыми волосами опять высунулась в окошко, протерла и широко открыла заспанные хорошенькие глаза.

Эта девочка была самой красивой куклой из кукольного театра синьора Карабаса-Барабаса.

Не в силах выносить грубых выходок хозяина, она убежала из театра и поселилась в уединенном домике на сизой поляне.

Звери, птицы и некоторые из насекомых очень полюбили ее, — должно быть, потому, что она была воспитанная и кроткая девочка.

Звери снабжали ее всем необходимым для жизни.

Крот приносил питательные корни.

Мыши — сахар, сыр и кусочки колбасы.

Благородная собака пудель Артемон приносил булки.

Сорока воровала для нее на базаре шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

Лягушки приносили в ореховых скорлупах лимонад.

Ястреб — жареную дичь.

Майские жуки — разные ягоды.

Бабочки — пыльцу с цветов, — пудриться.

Гусеницы выдавливали из себя пасту для чистки зубов и смазывания скрипящих дверей.

Ласточки уничтожали вблизи дома ос и комаров...

Итак, открыв глаза, девочка с голубыми волосами сейчас же увидела Буратино, висящего вниз головой.

Она приложила ладони к щекам и вскрикнула:

— Ах, ах, ах!

Под окном, трепля ушами, появился благородный пудель Артемон. Он только что выстриг себе заднюю половину туловища, что делал каждый день. Кудрявая шерсть на передней половине туловища была расчесана, кисточка на конце хвоста перевязана черным бантом. На передней лапе — серебряные часы.

— Я готов!

Артемон свернул в сторону нос и приподнял верхнюю губу над белыми зубами.

— Позови кого-нибудь, Артемон! — сказала девочка. — Надо снять бедняжку Буратино, отнести в дом и пригласить доктора.

— Готов!

Артемон от готовности так завертелся, что сырой песок полетел от его задних лап... Он кинулся к муравейнику, лаем разбудил все население и послал четыреста муравьев — перегрызть веревку, на которой висел Буратино.

Четыреста серьезных муравьев поползли гуськом по узенькой тропинке, влезли на дуб и перегрызли веревку.

Артемон подхватил передними лапами падающего Буратино и отнес его в дом. Положив Буратино на кровать, собачьим галопом помчался в лесную заросль и тотчас привел оттуда знаменитого доктора Сову, фельдшерицу Жабу и народного знахаря Богомола, похожего на сухой сучок.

Сова приложила ухо к груди Буратино.

— Пациент скорее мертв, чем жив, — прошептала она и отвернула голову назад на сто восемьдесят градусов.

Жаба долго мяла влажной лапой Буратино. Раздумывая, глядела выпученными глазами сразу в разные стороны. Прошлепала большим ртом:

— Пациент скорее жив, чем мертв...

Народный лекарь Богомол сухими, как травинки, руками начал дотрагиваться до Буратино.

— Одно из двух, — прошелестел он, — или пациент жив, или он умер. Если он жив — он останется жив или он не останется жив. Если он мертв — его можно оживить или нельзя оживить.

— Ш-ш-шарлатанство, — сказала Сова, взмахнула мягкими крыльями и улетела на темный чердак.

У Жабы от злости вздулись все бородавки.

— Ка-како-кое отвр-р-ратительное невежество! — квакнула она и, шлепая животом, запрыгала в сырой подвал.

Лекарь Богомол на всякий случай притворился высохшим сучком и вывалился за окошко.

Девочка всплеснула хорошенькими руками:

— Ну, как же мне его лечить, граждане?

— Касторкой, — квакнула Жаба из подполья.

— Касторкой! — презрительно захохотала Сова на чердаке.

— Или касторкой, или не касторкой, — проскрежетал за окном Богомол.

Тогда ободранный, в синяках, несчастный Буратино простонал:

— Не нужно касторки, я очень хорошо себя чувствую!

Девочка с голубыми волосами заботливо наклонилась над ним:

— Буратино, умоляю тебя: зажмурься, зажми нос и выпей.

— Не хочу, не хочу, не хочу!

— Я тебе дам кусочек сахару...

Тотчас же по одеялу на кровать взобралась белая Мышь, она держала кусочек сахару.

— Ты его получишь, если будешь меня слушаться, — сказала девочка.

— Один са-а-а-ахар дайте...

— Да пойми же, — если не выпьешь лекарства, ты можешь умереть.

— Лучше умру, чем пить касторку...

Тогда девочка сказала строго, взрослым голосом:

— Зажми нос и гляди в потолок... Раз, два, три.

Она влила касторку в рот Буратино, сейчас же сунула ему кусочек сахара и поцеловала.

— Вот и все.

Благородный Артемон, любивший все благополучное, схватил зубами свой хвост, вертелся под окном, как вихрь из тысячи лап, тысячи ушей, тысячи блестящих глаз.

Девочка с голубыми волосами хочет воспитывать Буратино

Наутро Буратино проснулся веселый и здоровый как ни в чем не бывало.

Девочка с голубыми волосами ждала его в саду, сидя за маленьким столом, накрытым кукольной посудой.

Ее лицо было свежевымыто, на вздернутом носике и щеках — цветочная пыльца.

Ожидая Буратино, она с досадой отмахивалась от надоевших бабочек:

— Да ну вас, в самом деле...

Оглянула деревянного мальчишку с головы до ног, поморщилась. Велела ему сесть за стол и налила в крошечную чашечку какао.

Буратино сел за стол, подвернул под себя ногу. Миндальные пирожные он запихивал в рот целиком и глотал не жуя.

В вазу с вареньем залез прямо пальцами и с удовольствием их обсасывал.

Когда девочка отвернулась, чтобы бросить несколько крошек пожилой Жужелице, он схватил кофейник и выпил все какао из носика. Поперхнулся, пролил какао на скатерть.

Тогда девочка сказала ему строго:

— Вытащите из-под себя ногу и опустите ее под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки.

От возмущения она хлопала ресницами.

— Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?

— Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.

— Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.

«Вот так влип!» — подумал Буратино.

На траве вокруг дома носился пудель Артемон за маленькими птичками. Когда они садились на деревья, он задира голову, подпрыгивал и лаял с подвыванием.

«Здорово птиц гоняет», — с завистью подумал Буратино.

От приличного сидения за столом у него по всему телу ползли мурашки.

Наконец мучительный завтрак окончился. Девочка велела ему вытереть с носа какао. Оправила складочки и бантики на платье, взяла Буратино за руку и повела в дом — заниматься воспитанием.

А веселый пудель Артемон носился по траве и лаял; птицы, нисколько не боясь его, весело свистали; ветерок летал над деревьями.

— Снимите ваши лохмотья, вам дадут приличную куртку и штанишки, — сказала девочка.

*Буратино увидел в чернильнице муху, сунул туда нос и посадил на бумагу кляксу.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

Четверо портных — мастер-одиночка, угрюмый рак Шепталло, серый Дятел с хохолком, большой жук Рогач и мышь Лизетта — шили из старых девочкиных платьев красивый мальчишеский костюм. Шепталло кроил, Дятел клювом протыкал дырки и шил. Рогач задними ногами сучил нитки, Лизетта их перегрызала.

Буратино было стыдно надевать девчонкины обноски, но пришлось все-таки переодеться. Сопя носом, он спрятал в карман новой куртки четыре золотые монеты.

— Теперь сядьте, положите руки перед собой. Не горбитесь, — сказала девочка и взяла кусочек мела. — Мы займемся арифметикой... У вас в кармане два яблока...

Буратино хитро подмигнул:

— Врете, ни одного...

— Я говорю, — терпеливо повторила девочка, — предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

— Два.

— Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился, — так здорово подумал.

— Два...

— Почему?

— Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

— У вас нет никаких способностей к математике, — с огорчением сказала девочка. — Займемся диктантом.

Она подняла к потолку хорошенькие глаза.

— Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот.

Нам уже известно, что Буратино никогда даже не видел пера и чернильницы.

Девочка сказала: «Пишите», и он сейчас же сунул в чернильницу свой нос и страшно испугался, когда с носа на бумагу упала чернильная клякса.

Девочка всплеснула руками, у нее даже брызнули слезы.

— Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны!

Она высунулась в окошко:

— Артемон, отведи Буратино в темный чулан!

Благородный Артемон появился в дверях, показывая белые зубы. Схватил Буратино за курточку и, пятась, потащил в чулан, где по углам в паутине висели большие пауки. Запер его там, порычал, чтобы хорошенько напугать, и опять умчался за птичками.

Девочка, бросившись на кукольную кружевную кровать, зарыдала оттого, что ей пришлось поступить так жестоко с деревянным мальчиком. Но, если уж взялась за воспитание, дело нужно довести до конца.

Буратино ворчал в темном чулане:

— Вот дура девчонка... Нашлась воспитательница, подумаешь... У самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое...

В чулане слышался тоненький скрип, будто кто-то скрежетал мелкими зубами:

— Слушай, слушай...

Он поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой Летучую Мышь.

— Тебе чего?

— Дождись ночи, Буратино.

— Тише, тише, — шуршали пауки по, углам, — не качайте наших сетей, не отпугивайте наших мушек...

Буратино сел на сломанный горшок, подпер щеку. Он был в пределах и похуже этой, но возмущала несправедливость.

— Разве так воспитывают детей? Это мучение, а не воспитание... Так не сиди да так не ешь... Ребенок, может, еще букваря не освоил, — она сразу за чернильницу хватается... А кобель, небось, гоняет за птицами, — ему ничего...

Летучая Мышь опять пискнула:

— Дождись ночи, Буратино, я тебя поведу в Страну дураков, там ждут тебя друзья — кот и лиса, счастье и веселье. Жди ночи.

Буратино попадает в Страну дураков

Девочка с голубыми волосами подошла к двери чулана.

— Буратино, мой друг, вы раскаиваетесь наконец?

Он был очень сердит, к тому же у него совсем другое было на уме.

— Очень нужно мне раскаиваться! Не дожидетесь...

— Тогда вам придется просидеть в чулане до утра...

Девочка горько вздохнула и ушла.

Настала ночь. Сова захохотала на чердаке. Жаба выползла из подполья, чтобы шлепать животом по отражениям луны в лужах.

Девочка легла спать в кружевную кровать и долго огорченно всхлипывала, засыпая.

Артемон, уткнув нос под хвост, спал у дверей ее спальни.

В домике часы с маятником пробили полночь.

Летучая Мышь сорвалась с потолка.

— Пора, Буратино, беги! — пискнула ему над ухом. — В углу чулана есть крысиный ход в подполье... Жду тебя на лужайке.

*Буратино крисиным ходом вылез из чулана. Летучая Мышь повела его через лес.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

Она вылетела в слуховое окно. Буратино кинулся в угол чулана, путаясь в паутиновых сетях. Вслед ему злобно шипели пауки.

Он пополз крысиным ходом в подполье. Ход был все уже и уже. Буратино теперь едва протискивался под землей... И вдруг вниз головой полетел в подполье.

Там он едва не попал в крысоловку, наступил на хвост ужу, только что напившемуся молока из кувшина в столовой, и через кошачий лаз выскочил на лужайку.

Над лазоревыми цветами бесшумно летала Мышь.

— За мной, Буратино, в Страну дураков!

У летучих мышей нет хвоста, поэтому Мышь летает не прямо, как птицы, а вверх и вниз — на перепончатых крыльях, вверх и вниз, похожая на чертика; рот у нее всегда открыт, чтобы, не теряя времени, по пути ловить, кусать, глотать живьем комаров и ночных бабочек.

Буратино бежал за ней по шею в траве; мокрые кашки хлестали его по щекам.

Вдруг Мышь высоко метнулась к круглой луне и оттуда крикнула кому-то:

— Привела!

Буратино сейчас же кубарем полетел вниз с крутого обрыва. Катился, катился и шлепнулся в лопухи.

Исцарапанный, полон рот песку, с вытаращенными глазами сел.

— Ух ты!

Перед ним стояли кот Базилио и лиса Алиса.

— Храбренький, отваженький Буратино, должно быть, свалился с луны, — сказала лиса.

— Странно, как он жив остался, — мрачно сказал кот.

Буратино обрадовался старым знакомым, хотя ему показалось подозрительным, что у кота перевязана тряпкой правая лапа, а у лисы весь хвост испачкан в болотной тине.

— Нет худа без добра, — сказала лиса, — зато ты попал в Страну дураков...

И она лапой указала на сломанный мост через высохший ручей. По ту сторону ручья среди куч мусора виднелись полуразвалив-

шиеся домишки, чахлые деревья с обломанными ветвями и колокольни, покосившиеся в разные стороны...

— В этом городе продаются знаменитые куртки на заячьем меху для папы Карло, — облизываясь, пела лиса, — азбуки с раскрашенными картинками... Ах, какие продаются сладкие пирожки и леденцовые петушки на палочках! Ты ведь не потерял еще твои денежки, чудненький Буратино?

Лиса Алиса помогла ему встать на ноги; помуслив лапу, почистила ему курточку и повела через сломанный мост. Кот Базилио угрюмо ковылял сзади.

Была уже середина ночи, но в Городе дураков никто не спал.

По кривой, грязной улице бродили тощие собаки в репьях, зевали от голода:

— Э-хе-хе...

Козы с драной шерстью на боках щипали пыльную траву у тротуара, трясли огрызками хвостов.

— Б-э-э-э-да...

Повесив голову, стояла корова; у нее кости торчали сквозь кожу.

— Му-у-учение... — повторяла она задумчиво.

На кочках грязи сидели общипанные воробьи, — они не улетали — хоть дави их ногами...

Шатались от истощения куры с выдеранными хвостами...

Зато на перекрестках стояли навытяжку свирепые Бульдоги-полицейские в треугольных шляпах и в колючих ошейниках.

Они кричали на голодных и шелудивых жителей:

— Пр-р-роходи! Держи пр-р-раво! Не задерррживайся!

Лиса тащила Буратино дальше по улице. Они увидели гуляющих под луной по тротуару сытых котов в золотых очках, под руку с кошками в чепчиках.

Гулял толстый Лис — губернатор города, важно подняв нос, и с ним — спесивая Лисица, державшая в лапе цветок ночной фиалки.

Лиса Алиса шепнула:

— Это гуляют те, кто посеял деньги на Поле чудес... Сегодня последняя ночь, когда можно сеять. К утру соберешь кучу денег и купишь всякой всячины... Идем скорее.

Лиса и кот привели Буратино на пустырь, где валялись битые горшки, рваные башмаки, дырявые калоши и тряпки... Перебивая друг друга, затараторили:

- Рой ямку.
- Клади золотые.
- Посыпь солью.
- Зачерпни из лужи, полей хорошенько.
- Да не забудь сказать «крекс, фекс, пекс»...

Буратино почесал нос, испачканный в чернилах.

- А вы уйдите все-таки подальше...

— Боже мой, да мы и смотреть не хотим, где ты зароешь деньги! — сказала лиса.

- Боже сохрани! — сказал кот.

Они отошли немного и спрятались за кучей мусора.

Буратино выкопал ямку. Сказал три раза шепотом: «Крекс, фекс, пекс», положил в ямку четыре золотые монеты, засыпал, из кармана вынул щепотку соли, посыпал сверху. Набрал из лужи пригоршню воды, полил.

И сел ждать, когда вырастет дерево...

Полицейские хватают Буратино и не дают ему сказать ни одного слова в свое оправдание

Лиса Алиса думала, что Буратино уйдет спать, а он все сидел на мусорной куче, терпеливо вытянув нос.

Тогда Алиса велела коту остаться караулить, а сама побежала в ближайшее полицейское отделение.

Там в накуренной комнате, за столом, закапанным чернилами, густо храпел дежурный Бульдог.

Лиса самым благонамеренным голосом сказала ему:

— Господин мужественный дежурный, нельзя ли задержать одного беспризорного воришку? Ужасная опасность грозит всем богатеньким и почтенненьким гражданам этого города.

Спросонок дежурный Бульдог так рывкнул, что под лисой со страха оказалась лужа.

— Вор-р-ришка! Гам!

Лиса объяснила, что опасный воришка Буратино обнаружен на пустыре.

Дежурный, все еще рыча, позвонил. Ворвались два добермана-пинчера, сыщики, которые никогда не спали, никому не верили и даже самих себя подозревали в преступных намерениях.

Дежурный приказал им доставить опасного преступника живым или мертвым в отделение.

Сыщики ответили коротко:

— Тяф!

И помчались на пустырь особым хитрым галопом, заноса задние ноги вбок.

Последние сто шагов они ползли на животах и враз кинулись на Буратино, схватили его под мышки и потащили в отделение. Буратино болтал ногами, умолял сказать — за что? за что? Сыщики отвечали:

— Там разберут...

Лиса и кот, не теряя времени, выкопали четыре золотые монеты. Лиса так ловко начала делить деньги, что у кота оказалась одна монета, у нее — три.

Кот молча вцепился когтями ей в рожу.

Лиса плотно обхватила его лапами. И они оба некоторое время катались клубком по пустырю. Кошачья и лисья шерсть летела клочками в лунном свете.

Ободрав друг другу бока, они разделили монеты поровну и в ту же ночь скрылись из города.

Тем временем сыщики привели Буратино в отделение.

Дежурный Бульдог вышел из-за стола и сам обыскал его карманы.

Не обнаружив ничего, кроме кусочка сахара и крошек миндального пирожного, дежурный кровожадно засопел на Буратино:

— Ты совершил три преступления, негодяй: ты — беспризорный, беспаспортный и безработный. Отвести его за город и утопить в пруду.

Сыщики ответили:

— Тяф!

Буратино пытался рассказать про папу Карло, про свои приключения. Все напрасно! Сыщики подхватили его, галопом оттащили за город и с моста бросили в глубокий грязный пруд, полный лягушек, пиявок и личинок водяного жука.

Буратино шлепнулся в воду, и зеленая ряска сомкнулась над ним.

Буратино знакомится с обитателями пруда, узнает о пропаже четырех золотых монет и получает от черепахи Тортилы золотой ключик

Не нужно забывать, что Буратино был деревянный и поэтому не мог утонуть. Все же он до того испугался, что долго лежал на воде, весь облепленный зеленой ряской.

Вокруг него собрались обитатели пруда: всем известные своей глупостью черные пузатые головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, личинки, которые ели все, что попадалось, вплоть до самих себя, и, наконец, разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на колпаке. Пиявки заползли в карман курточки. Один водяной жук несколько раз влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду — ласточкой.

Мелкие инфузории, извиваясь и торопливо дрожа волосками, заменявшими им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам водяного жука.

Буратино это наконец надоело, он зашлепал пятками по воде:

— Пошли прочь! Я вам не дохлая кошка.

Обитатели шарахнулись кто куда. Он перевернулся на живот и поплыл.

На круглых листьях водяных лилий под луной сидели большеротые лягушки, выпученными глазами глядели на Буратино.

— Какая-то каракатица плывет, — квакнула одна.

— Нос как у аиста, — квакнула другая.

— Это морская лягушка, — квакнула третья.

Буратино, чтобы передохнуть, вылез на большой лист водяной лилии. Сел на нем, плотно обхватил коленки и сказал, стуча зубами:

— Все мальчики и девочки напились молока, спят в теплых кроватках, один я сижу на мокром листе... Дайте поесть чего-нибудь, лягушки.

Лягушки, как известно, очень хладнокровны. Но напрасно думать, что у них нет сердца. Когда Буратино, мелко стуча зубами, начал рассказывать про свои несчастные приключения, лягушки одна за другой подскочили, мелькнули задними ногами и нырнули на дно пруда.

Они принесли оттуда дохлого жука, стрекозиное крылышко, кусочек тины, зернышко рачьей икры и несколько гнилых корешков.

Положив все эти съедобные вещи перед Буратино, лягушки опять вспрыгнули на листья водяных лилий и сидели как каменные, подняв большеротые головы с выпученными глазами.

Буратино понюхал, попробовал лягушиное угощение.

— Меня стошнило, — сказал он, — какая гадость!

Тогда лягушки опять — все враз — бултыхнулись в воду...

Зеленая ряска на поверхности пруда заколебалась, и появилась большая, страшная змеиная голова. Она поплыла к листу, где сидел Буратино.

У него дыбом встала кисточка на колпаке. Он едва не свалился в воду от страха.

Но это была не змея. Это была никому не страшная, пожилая черепаха Тортила с подслеповатыми глазами.

— Ах ты, безмозглый, доверчивый мальчишка с коротенькими мыслями! — сказала Тортила. — Сидеть бы тебе дома да прилежно учиться! Занесло тебя в Страну дураков!

— Так я же хотел же добыть побольше золотых монет для папы Карло... Я оч-ч-чень хороший и благоразумный мальчик...

— Деньги твои украли кот и лиса, — сказала черепаха. — Они пробегали мимо пруда, остановились попить, и я слышала, как они хвастались, что выкопали твои деньги, и как подрались из-за них... Ох ты, безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями!

— Не ругаться надо, — проворчал Буратино, — тут помочь надо человеку... Что я теперь буду делать? Ой-ой-ой! Как я вернусь к папе Карло? Ай-ай-ай!

Он тер кулаками глаза и хныкал так жалобно, что лягушки вдруг все враз вздохнули:

— Ух-ух... Тортила, помоги человеку.

Черепаха долго глядела на луну, что-то вспоминала...

— Однажды я вот так же помогла одному человеку, а он потом из моей бабушки и моего дедушки наделал черепаховых гробов, — сказала она. И опять долго глядела на луну. — Что ж, посиди тут, человечек, а я поползаю по дну, — может быть, найду одну полезную вещицу.

Она втянула змеиную голову и медленно опустилась под воду.

Лягушки прошептали:

— Черепаха Тортила знает великую тайну.

Прошло долгое-долгое время.

Луна уже клонилась за холмы...

Снова заколебалась зеленая ряска, появилась черепаха, держа во рту маленький золотой ключик.

Она положила его на лист у ног Буратино.

— Безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями, — сказала Тортила, — не горюй, что лиса и кот украли у тебя золотые монеты. Я даю тебе этот ключик. Его обронил на дно пруда человек с бородой такой длины, что он ее засовывал в карман,

*«Я дарю тебе этот золотой ключик. Его обронил Карабас-Барабас.
Этим ключиком открывается волшебная дверца», — сказала черепаха Тортила.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

чтобы она не мешала ему ходить. Ах, как он просил, чтобы я отыскала на дне этот ключик!

Тортила вздохнула, помолчала и опять вздохнула так, что из воды пошли пузыри...

— Но я не помогла ему, я тогда была очень сердита на людей за мою бабушку и моего дедушку, из которых наделали черепаховых гребенок. Бородатый человек много рассказывал про этот ключик, но я все забыла. Помню только, что нужно отворить им какую-то дверь и это принесет счастье...

У Буратино забилося сердце, загорелись глаза. Он сразу забыл все свои несчастья. Вытащил из кармана курточки пиявок, положил туда ключик, вежливо поблагодарил черепаху Тортилу и лягушек, бросился в воду и поплыл к берегу.

Когда он черненькой тенью показался на краю берега, лягушки ухнули ему вслед:

— Буратино, не потеряй ключик!

Буратино бежит из Страны дураков и встречает товарища по несчастью

Черепаша Тортила не указала дороги из Страны дураков.

Буратино бежал куда глаза глядят. За черными деревьями блестяли звезды. Над дорогой свешивались скалы. В ущелье лежало облако тумана.

Вдруг впереди Буратино запрыгал серый комочек. Сейчас же послышался собачий лай.

Буратино прижался к скале. Мимо него, свирепо сопя носами, промчались два полицейских Бульдога из Города дураков.

Серый комочек метнулся с дороги вбок — на откос. Бульдоги — за ним.

Когда топот и лай ушли далеко, Буратино припустился бежать так быстро, что звезды быстро-быстро поплыли за черными ветвями.

Вдруг серый комочек опять перескочил дорогу. Буратино успел разглядеть, что это заяц, а на нем верхом, держа его за уши, сидит бледный маленький человечек.

С откоса посыпались камешки, — Бульдоги вслед за Зайцем перескочили дорогу, и опять все стихло.

Буратино бежал так быстро, что звезды теперь как бешеные неслись за черными ветвями.

В третий раз серый Заяц перескочил дорогу. Маленький человечек, задев головой за ветку, свалился с его спины и шлепнулся прямо под ноги Буратино.

— Р-р-р-гаф! Держи его! — проскакали вслед за Зайцем полицейские Бульдоги: глаза их были так налиты злостью, что не заметили ни Буратино, ни бледного человечка.

— Прощай, Мальвина, прощай навсегда! — плаксивым голосом прощал человечек.

Буратино наклонился над ним и с удивлением увидел, что это был Пьеро в белой рубашке с длинными рукавами.

Он лежал головой вниз в колесной борозде и, очевидно, считал себя уже мертвым и прощал загадочную фразу: «Прощай, Мальвина, прощай навсегда!», расставаясь с жизнью.

Буратино начал его тормозить, потянул за ногу — Пьеро не шевелился. Тогда Буратино отыскал завалявшуюся в кармане Пиявку и приставил ее к носу бездыханного человечка.

Пиявка, недолго думая, цапнула его за нос. Пьеро быстро сел, замотал головой, отодрал Пиявку и простонал:

— Ах, я еще жив, оказывается!

Буратино схватил его за щеки, белые, как зубной порошок, целовал, спрашивал:

— Как ты сюда попал? Почему ты скакал верхом на сером Зайце?

— Буратино, Буратино, — ответил Пьеро, пугливо оглядываясь, — спрячь меня поскорее... Ведь собаки гнались не за серым зайцем, — они гнались за мной... Синьор Карабас-Барабас преследует меня день и ночь. Он нанял в Городе дураков полицейских собак и поклялся схватить меня живым или мертвым.

Вдали опять затаивали псы. Буратино схватил Пьеро за рукав и потащил его в заросли мимозы, покрытой цветами в виде круглых желтых пахучих пупырышков.

Там, лежа на прелых листьях, Пьеро шепотом начал рассказывать ему:

— Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра...

Пьеро рассказывает, каким образом он, верхом на Зайце, попал в Страну дураков

— Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра. Синьор Карабас-Барабас сидел около очага и курил трубку. Все куклы уже спали. Я один не спал. Я думал о девочке с голубыми волосами...

— Нашел о ком думать, вот дурень! — перебил Буратино. — Я вчера вечером убежал от этой девчонки — из чулана с пауками...

— Как? Ты видел девочку с голубыми волосами? Ты видел мою Мальвину?

— Подумаешь — невидаль! Плакса и приставала...

Пьеро вскочил, размахивая руками.

— Веди меня к ней... Если ты мне поможешь отыскать Мальвину, я тебе открою тайну золотого ключика...

— Как?! — закричал Буратино радостно. — Ты знаешь тайну золотого ключика?

— Знаю, где ключик лежит, как его достать, знаю, что им нужно открыть одну дверцу... Я подслушал тайну, и поэтому синьор Карабас-Барабас разыскивает меня с полицейскими собаками.

Буратино ужасно захотелось сейчас же похвастаться, что таинственный ключик лежит у него в кармане. Чтобы не проговориться, он стащил с головы колпачок и запихал его в рот.

Пьеро умолял вести его к Мальвине. Буратино при помощи пальцев объяснил этому дуралею, что сейчас темно и опасно, а вот когда рассветет — они побегут к девчонке.

Заставив Пьеро опять спрятаться под кусты мимозы, Буратино проговорил шерстяным голосом, так как рот его был заткнут колпачком:

— Шашкаживай...

— Так вот, — однажды ночью шумел ветер...

— Про это ты уже шашкаживал...

— Так вот, — продолжал Пьеро, — я, понимаешь, не сплю и вдруг слышу: в окно кто-то громко постучался.

Синьор Карабас-Барабас заворчал:

— Кого это принесло в такую собачью погоду?

— Это я — Дуремар, — ответили за окном, — продавец лечебных пиявок. Позвольте мне обсушиться у огня.

Мне, понимаешь, очень захотелось посмотреть, какие бывают продавцы лечебных пиявок. Я потихоньку отогнул угол занавески и просунул голову в комнату. И — вижу:

Синьор Карабас-Барабас поднялся с кресла, наступил, как всегда, на бороду, выругался и открыл дверь.

Вошел длинный, мокрый-мокрый человек с маленьким-маленьким лицом, таким сморщенным, как гриб сморчок. На нем

было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, крючки и шпильки. В руках он держал жестяную банку и сачок.

— Если у вас болит живот, — сказал он, кланяясь, будто спина у него была сломана посередине, — если у вас сильная головная боль или стучит в ушах, я могу вам приставить за уши полдюжины превосходных пиявок.

Синьор Карабас-Барабас проворчал:

— К черту-дьяволу, никаких пиявок! Можете сушиться у огня сколько влезет.

Дуремар стал спиной к очагу.

Сейчас же от его зеленого пальто пошел пар и запахло тиной.

— Плохо идет торговля пиявками, — сказал он опять. — За кусок холодной свинины и стакан вина я готов вам приставить к ляжке дюжину прекраснейших пиявочек, если у вас ломота в костях...

— К черту-дьяволу, никаких пиявок! — закричал Карабас-Барабас. — Ешьте свинину и пейте вино.

Дуремар начал есть свинину, лицо у него сжималось и растягивалось, как резиновое. Поев и выпив, он попросил щепотку табаку.

— Синьор, я сыт и согрет, — сказал он. — Чтобы отплатить за ваше гостеприимство, я вам открою тайну.

Синьор Карабас-Барабас посопел трубкой и ответил:

— Есть только одна тайна на свете, которую я хочу знать. На все остальное я плевал и чихал.

— Синьор, — опять сказал Дуремар, — я знаю великую тайну, ее сообщила мне черепаха Тортила.

При этих словах Карабас-Барабас выпучил глаза, вскочил, запутался в бороде, полетел прямо на испуганного Дуремара, прижал его к животу и заревел, как бык:

— Любезнейший Дуремар, драгоценнейший Дуремар, говори, говори скорее, что тебе сообщила черепаха Тортила!

Тогда Дуремар рассказал ему следующую историю:

— Я ловил пиявок в одном грязном пруду около Города дураков. За четыре сольдо в день я нанимал одного бедного человека, — он раздевался, заходил в пруд по шею и стоял там, покуда к его голому телу не присасывались пиявки.

Тогда он выходил на берег, я собирал с него пиявок и опять посылал его в пруд.

Когда мы выловили таким образом достаточное количество, из воды вдруг показалась змеиная голова.

— Послушай, Дуремар, — сказала голова, — ты перепугал все население нашего прекрасного пруда, ты мутишь воду, ты не даешь мне спокойно отдыхать после завтрака... Когда кончится это безобразие?

Я увидел, что это обыкновенная черепаха, и, несколько не боясь, ответил:

— Покуда не выловлю всех пиявок в вашей грязной луже...

— Я готова откупиться от тебя, Дуремар, чтобы ты оставил в покое наш пруд и больше никогда не приходил.

Тогда я стал издеваться над черепахой:

— Ах ты, старый плавучий чемодан, глупая тетка Тортила, чем ты можешь от меня откупиться? Разве своей костяной крышкой, куда прячешь лапы и голову... Я бы продал твою крышку на гребешки...

Черепаха позеленела от злости и сказала мне:

— На дне пруда лежит волшебный ключик... Я знаю одного человека, — он готов сделать все на свете, чтобы получить этот ключик...

Не успел Дуремар произнести эти слова, как Карабас-Барабас завопил что есть мочи:

— Этот человек — я! Я! Я! Любезнейший Дуремар, так отчего же ты не взял у черепахи ключик?

— Вот еще! — ответил Дуремар и собрал морщинами все лицо, так что оно стало похоже на вареный сморчок. — Вот еще! — променять превосходнейших пиявок на какой-то ключик...

Короче говоря, мы разругались с черепахой, и она, подняв из воды лапу, сказала:

— Клянусь — ни ты и никто другой не получают волшебного ключика. Клянусь — его получит только тот человек, кто заставит все население пруда просить меня об этом...

С поднятой лапой черепаха погрузилась в воду.

— Не теряя ни секунды, бежать в Страну дураков! — закричал Карабас-Барабас, торопливо засовывая конец бороды в карман, хватая шапку и фонарь. — Я сяду на берег пруда. Я буду умильно улыбаться. Я буду умолять лягушек, головастиков, водяных жуков, чтобы они просили черепаху... Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил. Я стану на колени перед самым маленьким лягушонком... Ключик должен быть у меня! Я пойду в город, я войду в один дом, я проникну в комнату под лестницей... Я отыщу маленькую дверцу, — мимо нее все ходят, и никто не замечает ее. Всуну ключик в замочную скважину...

— В это время, понимаешь, Буратино, — рассказывал Пьеро, сидя под мимозой на прелых листьях, — мне так стало интересно, что я весь высунулся из-за занавески.

Синьор Карабас-Барабас увидел меня.

— Ты подслушиваешь, негодяй! — И он кинулся, чтобы схватить меня и бросить в огонь, но опять запутался в бороде и со страшным грохотом, опрокидывая стулья, растянулся на полу.

Не помню, как я очутился за окном, как перелез через изгородь. В темноте шумел ветер и хлестал дождь.

Над моей головой черная туча осветилась молнией, и в десяти шагах позади я увидел бегущих Карабаса-Барабаса и продавца пиявок... Я подумал: «Погиб», споткнулся, упал на что-то мягкое и теплое, схватился за чьи-то уши...

Это был серый заяц. Он со страху заверещал, высоко подскочил, но я крепко держал его за уши, и мы поскакали в темноте через поля, виноградники, огороды.

Когда Заяц устал и садился, обиженно жуя раздвоенной губой, я целовал его в лобик.

— Ну пожалуйста, ну еще немножко поскачем, серенький...

Заяц вздыхал, и опять мы мчались неизвестно куда — то вправо, то влево...

Когда тучи разнесло и взошла луна, я увидел под горой городишко с покосившимися в разные стороны колокольнями.

По дороге к городу бежали Карабас-Барабас и продавец пиявок. Заяц сказал:

— Эхе-хе, вот оно, Заячье счастье! Они идут в Город дураков, чтобы нанять полицейских собак. Готово, мы пропали!

Заяц упал духом. Уткнулся носом в лапки и повесил уши.

Я просил, я плакал, я даже кланялся ему в ноги. Заяц не шевелился.

Но когда из города выскочили галопом два курносых Бульдога с черными повязками на правых лапах, Заяц мелко задрожал всей кожей, — я едва успел вскочить на него верхом, и он дал отчаянного стрекача по лесу...

Остальное ты сам видел, Буратино.

Пьеро окончил рассказ, и Буратино спросил его осторожно:

— А в каком доме, в какой комнате под лестницей находится дверца, которую отпирает ключик?

— Карабас-Барабас не успел рассказать об этом... Ах, не все ли нам равно, — ключик на дне озера... Мы никогда не увидим счастья...

— А это ты видел? — крикнул ему в ухо Буратино. И, вытащив из кармана ключик, повертел им перед носом Пьеро. — Вот он!

Буратино и Пьеро приходят к Мальвине, но им сейчас же приходится бежать вместе с Мальвиной и пуделем Артемоном

Когда солнце поднялось над скалистой горной вершиной, Буратино и Пьеро вылезли из-под куста и побежали через поле, по которому вчера ночью Летучая Мышь увела Буратино из дома девочки с голубыми волосами в Страну дураков.

На Пьеро смешно было смотреть, — так он спешил поскорее увидеть Мальвину.

— Послушай, — спрашивал он через каждые пятнадцать секунд, — Буратино, а что, она мне обрадуется?

— А я почему знаю...

Через пятнадцать секунд опять:

— Послушай, Буратино, а вдруг она не обрадуется?

— А я почему знаю...

Наконец они увидели белый домик с нарисованными на ставнях солнцем, луной и звездами.

Из трубы поднимался дымок. Выше его плыло небольшое облако, похожее на кошачью голову.

Пудель Артемон сидел на крыльце и время от времени рычал на это облако.

Буратино не очень хотелось возвращаться к девочке с голубыми волосами. Но он был голоден и еще издалека потянул носом запах кипяченого молока.

— Если девчонка опять надумает нас воспитывать, напьемся молока, — и нипочем я здесь не останусь.

В это время Мальвина вышла из домика. В одной руке она держала фарфоровый кофейник, в другой — корзиночку с печеньем.

Глаза у нее все еще были заплаканные, — она была уверена, что крысы утащили Буратино из чулана и съели.

Только она уселась за кукольный стол на песчаной дорожке, — лазоревые цветы заколебались, бабочки поднялись над ними, как белые и желтые листья, и появились Буратино и Пьеро.

Мальвина так широко раскрыла глаза, что оба деревянных мальчика могли бы свободно туда прыгнуть.

Пьеро при виде Мальвины начал бормотать слова — столь бессвязные и глупые, что мы их здесь не приводим.

Буратино сказал как ни в чем не бывало:

— Вот я его привел, — воспитывайте...

Мальвина наконец поняла, что это не сон.

— Ах, какое счастье! — прошептала она, но сейчас же прибавила взрослым голосом: — Мальчики, ступайте немедленно мыться и чистить зубы. Артемон, проводи мальчиков к колодцу.

— Ты видел, — проворчал Буратино, — у нее бзик в голове — мыться, чистить зубы! Кого угодно со света сживет чистотой...

Все же они помылись. Артемон кисточкой на конце хвоста почистил им курточки...

Сели за стол. Буратино набивал еду за обе щеки. Пьеро даже не надкусил ни кусочка пирожного; он глядел на Мальвину так, будто она была сделана из миндального теста. Ей это наконец надоело.

— Ну, — сказала она ему, — что вы такое увидели у меня на лице? Завтракайте, пожалуйста, спокойно.

— Мальвина, — ответил Пьеро, — я давно уже ничего не ем, я сочиняю стихи...

Буратино затрясся от смеха.

Мальвина удивилась и опять широко раскрыла глаза.

— В таком случае почитайте ваши стишки.

Хорошенькой рукой она подперла щеку и подняла хорошенькие глаза к облаку, похожему на кошачью голову.

Пьеро начал читать стишки с таким завыванием, будто он сидел на дне глубокого колодца:

Мальвина бежала в чужие края,
Мальвина пропала, невеста моя...
Рыдаю, не знаю — куда мне деваться...
Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?

Не успел Пьеро прочитать, не успела Мальвина похвалить стишки, которые ей очень понравились, как на песчаной дорожке появилась Жаба.

Страшно выпучив глаза, она проговорила:

— Сегодня ночью выжившая из ума черепаха Тортила рассказала Карабасу-Барабасу все про золотой ключик...

Мальвина испуганно вскрикнула, хотя ничего не поняла. Пьеро, рассеянный, как все поэты, произнес несколько бестолковых восклицаний, которые мы здесь не приводим. Зато Буратино сразу вскочил и начал засовывать в карманы печенье, сахар и конфеты.

— Бежим как можно скорее. Если полицейские собаки приведут сюда Карабаса-Барабаса — мы погибли.

Мальвина побледнела, как крыло белой бабочки. Пьеро, подумав, что она умирает, опрокинул на нее кофейник, и хорошенькое платье Мальвины оказалось залитым какао.

Подскакивший с громким лаем Артемон — а ему-то приходилось стирать Мальвинины платья — схватил Пьеро за шиворот и начал трясти, куда Пьеро не проговорил, заикаясь:

— Довольно, пожалуйста...

Жаба глядела выпученными глазами на эту суету и опять сказала:

— Карабас-Барабас с полицейскими собаками будет здесь через четверть часа.

Мальвина побежала переодеваться. Пьеро отчаянно заламывал руки и пробовал даже бросаться навзничь на песчаную дорожку. Артемон тащил узлы с домашними вещами. Двери хлопали. Воробьи отчаянно тараторили на кусте. Ласточки проносились над самой землей. Сова для увеличения паники дико захохотала на чердаке.

Один Буратино не растерялся. Он навьючил на Артемона два узла с самыми необходимыми вещами. На узлы посадили Мальвину, одетую в хорошенькое дорожное платье. Пьеро он велел держаться за собачий хвост. Сам стал впереди:

— Никакой паники! Бежим!

Когда они, — то есть Буратино, мужественно шагающий впереди собаки, Мальвина, подпрыгивающая на узлах, и позади Пьеро, начиненный вместо здравого смысла глупыми стихами, — когда они вышли из густой травы на гладкое поле, из леса высунулась всклокоченная борода Карабаса-Барабаса. Он ладонью защитил глаза от солнца и оглядывал окрестность.

Страшный бой на опушке леса

Синьор Карабас держал на привязи двух полицейских собак. Увидев на ровном поле беглецов, он разинул зубастый рот.

— Ага! — закричал он и спустил собак.

Свирепые псы сначала стали кидать задними лапами землю. Они даже не рычали, они даже глядели в другую сторону, а не на беглецов, — так гордились своей силой.

Потом псы медленно пошли к тому месту, где в ужасе остановились Буратино, Артемон, Пьеро и Мальвина.

Казалось, все погибло. Карабас-Барабас косолапо шел вслед за полицейскими псами. Борода его поминутно вылезала из кармана куртки и путалась под ногами.

Артемон поджал хвост и злобно рычал. Мальвина трясла руками:

— Боюсь, боюсь!

Пьеро опустил рукава и глядел на Мальвину, уверенный, что все кончено.

Первым опомнился Буратино.

— Пьеро, — закричал он, — бери за руку девчонку, бегите к озеру, где лебеди! Артемон, скидывай тюки, снимай часы, — будешь драться!

Мальвина, едва только услышала это мужественное распоряжение, соскочила с Артемона и, подобрав платье, побежала к озеру. Пьеро — за ней.

Артемон сбросил тюки, снял с лапы часы и бант с кончика хвоста. Оскалил белые зубы и прыгнул влево, прыгнул вправо, расправляя мускулы, и тоже стал с оттяжкой кидать задними ногами землю.

Буратино взобрался по смолистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на поле, и оттуда закричал, завыл, запищал во всю глотку:

— Звери, птицы, насекомые! Наших бьют! Спасайте ни в чем не виноватых деревянных человечков!

Полицейские Бульдоги будто бы только сейчас увидели Артемона и разом кинулись на него. Ловкий пудель увернулся и зубами тяпнул одного пса за огрызок хвоста, другого — за ляжку.

Бульдоги неуклюже повернулись и снова кинулись на пуделя. Он высоко подскочил, пропустив их под собой, и опять успел ободрать одному бок, другому — спину.

В третий раз бросились на него Бульдоги. Тогда Артемон, опустив хвост по траве, помчался кругами по полю, то подпуская близко полицейских псов, то кидаясь в сторону перед самым их носом.

Курносые Бульдоги теперь по-настоящему обозлились, засопели, бежали за Артемоном не спеша, упрямо, готовые лучше сдохнуть, но добраться до горла суетливого пуделя.

Тем временем Карабас-Барабас подошел к итальянской сосне, схватился за ствол и начал трясти:

— Слезай, слезай!

Буратино руками, ногами, зубами уцепился за ветку. Карабас-Барабас затряс дерево так, что закачались все шишки на ветвях.

На итальянской сосне шишки — колючие и тяжелые, величиной с небольшую дыню. Наладить такой шишкой по голове — так ой-ой!

Буратино едва держался на качающейся ветке. Он видел, что Артемон уже высунул язык красной тряпкой и скачет все медленнее.

— Отдавай ключик! — заорал Карабас-Барабас, разинув пасть.

Буратино пополз по ветке, добрался до здоровенной шишки и начал перекусывать стебель, на котором она висела. Кара-

бас-Барабас тряхнул сильнее, и тяжелая шишка полетела вниз, — бах! — прямо ему в зубастую пасть.

Карабас-Барабас даже присел.

Буратино отодрал вторую шишку, и она — бах! — Карабасу-Барабасу прямо в темя, как в барабан.

— Наших бьют! — опять закричал Буратино. — На помощь ни в чем не виноватым деревянным человечкам!

Первыми на помощь прилетели стрижи, — бреющим полетом начали стричь воздух перед носом у Бульдогов.

Псы напрасно щелкали зубами, — стриж не муха: как серая молния — ж-жик мимо носа!

Из облака, похожего на кошачью голову, упал черный Коршун — тот, что обыкновенно приносил Мальвине дичь; он вонзил когти в спину полицейской собаки, взмыл на великолепных крыльях, поднял пса и выпустил его...

Пес, визжа, шлепнулся кверху лапами.

Артемон сбоку налетел на другого пса, ударил его грудью, повалил, укусил, отскочил...

И опять помчались по полю вокруг одинокой сосны Артемон и за ним помятые и покусанные полицейские псы.

На помощь Артемону шли жабы. Они тащили двух ужей, ослепших от старости. Ужам все равно нужно было помирать — либо под гнилым пнем, либо в желудке у цапли. Жабы уговорили их погибнуть геройской смертью.

Благородный Артемон решил теперь вступить в открытый бой.

Сел на хвост, оскалил клыки.

Бульдоги налетели на него, и все втроем покатались клубком.

Артемон щелкал челюстями, драл когтями. Бульдоги, не обращая внимания на укусы и царапины, ждали одного: добраться до Артемонова горла — мертвой хваткой. Визг и вой стояли по всему полю.

На помощь Артемону шло семейство ежей: сам Еж, Ежиха, Ежова теща, две Ежовы незамужние тетки и маленькие еженята.

Летели, гудели толстые черно-бархатные шмели в золотых плащах, шипели крыльями свирепые шершни. Ползли жужелицы и кусачие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно накинудись на ненавистных полицейских собак.

Еж, Ежиха, Ежова теща, две Ежовы незамужние тетки и маленькие еженята сворачивались клубком и со скоростью крокетного шара ударяли иголками Бульдогов в морду.

Шмели, шершни с налета жалили их отравленными жалами. Серьезные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту.

Жужелицы и жуки кусали за пупок.

Коршун клевал то одного пса, то другого кривым клювом в череп.

Бабочки и мухи плотным облачком толклись перед их глазами, застилая свет.

Жабы держали наготове двух ужей, готовых умереть геройской смертью.

И вот, когда один из Бульдогов широко разинул пасть, чтобы вычихнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой Уж бросился головой вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод. То же случилось и с другим Бульдогом: второй слепой Уж кинулся ему в пасть. Оба пса, исколотые, изжаленные, исцарапанные, задыхаясь, начали беспомощно кататься по земле. Благородный Артемон вышел из боя победителем.

Тем временем Карабас-Барабас вытащил наконец из огромного рта колючую шишку.

От удара по темени у него выпучились глаза. Пошатываясь, он опять схватился за ствол сосны. Ветер развевал его бороду.

Буратино заметил, сидя на самой верхушке, что конец бороды Карабаса-Барабаса, приподнятой ветром, приклеился к смолистому стволу.

Буратино повис на суку и, дразнясь, запищал:

— Дяденька, не догонишь, дяденька, не догонишь!

Спрыгнул на землю и начал бегать кругом сосны. Карабас-Барабас, протянув руки, чтобы схватить мальчишку, побежал за ним, пошатываясь, кругом дерева.

Обежал раз, вот-вот уж, кажется, и схватил скрюченными пальцами удирающего мальчишку, обежал другой, обежав в третий раз... Борода его обматывалась вокруг ствола, плотно приклеивалась к смоле.

Когда борода окончилась и Карабас-Барабас уперся носом в дерево, Буратино показал ему длинный язык и побежал к Лебединому озеру — искать Мальвину и Пьеро. Потрепанный Артемон

*Буратино начал бегать вокруг дерева.
Карабас бегал за ним, борода его обматывалась вокруг смолистого ствола и приклеивалась.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

на трех лапах, поджав четвертую, ковылял за ним хромой собачьей рысью.

На поле остались два полицейских пса, за жизнь которых, по-видимому, нельзя было дать и дохлой сухой мухи, и растерянный доктор кукольных наук синьор Карабас-Барабас, плотно приклеенный бородой к итальянской сосне.

В пещере

Мальвина и Пьеро сидели на сырой теплой кочке в камышах. Сверху их прикрывала паутиновая сеть, замусоренная стрекозиными крыльями и высосанными комарами.

Маленькие голубые птички, перелетая с камышины на камышину, с веселым изумлением поглядывали на горько плачущую девочку.

Издалека доносились отчаянные вопли и визг, — это Артемон и Буратино, очевидно, дорого продавали свою жизнь.

— Боюсь, боюсь! — повторяла Мальвина и листочком лопуха в отчаянии закрывала мокрое лицо.

Пьеро пытался утешать ее стихами:

Мы сидим на кочке,
Где растут цветочки, —
Желтые, приятные,
Очень ароматные.

Будем жить все лето
Мы на кочке этой,
Ах, — в уединении,
Всем на удивление...

Мальвина затопала на него ногами:

— Вы мне надоели, надоели, мальчик! Сорвите свежий лопух — видите же, — этот весь промок и в дырках.

Внезапно шум и визг вдали затихли. Мальвина медленно всплеснула руками:

— Артемон и Буратино погибли...

И бросилась лицом на кочку, в зеленый мох.

Пьеро бестолково затоптался около нее. Ветер тихо посвистывал метелками камыша. Наконец послышались шаги. Несомненно, это шел Карабас-Барабас, чтобы грубо схватить и засунуть в свои бездонные карманы Мальвину и Пьеро. Камыш раздвинулся, — и появился Буратино: нос торчком, рот до ушей. За ним прихрамывал ободранный Артемон, навьюченный двумя тюками...

— Тоже — захотели со мной драться! — сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. — Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас-Барабас — тьфу! Девчонка, полезай на собаку, мальчишка, держись за хвост. Пошли...

И он мужественно зашагал по кочкам, локтями раздвигая камыш, — кругом озера на ту сторону...

Мальвина и Пьеро не смели даже спросить его, чем кончился бой с полицейскими собаками и почему их не преследует Карабас-Барабас.

Когда добрались до того берега озера, благородный Артемон начал скулить и хромать на все лапы. Надо было сделать привал, чтобы перевязать ему раны. Под огромными корнями сосны, растущей на каменистом пригорке, увидели пещеру. Туда втащили тюки, и туда же вполз Артемон. Благородная собака сначала облизывала каждую лапу, потом протягивала ее Мальвине. Буратино рвал Мальвинину старую рубашку на бинты, Пьеро их держал, Мальвина перевязывала лапы.

После перевязки Артемону поставили градусник, и собака спокойно заснула.

Буратино сказал:

— Пьеро, катись к озеру, принеси воды.

Пьеро послушно поплелся, бормоча стихи и спотыкаясь, по дороге потерял крышку, едва принес воды на дне чайника.

Буратино сказал:

— Мальвина, слетай-ка набери веток для костра.

Мальвина с укоризной взглянула на Буратино, пожалала плечиком — и принесла несколько сухих стебельков.

Буратино сказал:

— Вот наказание с этими хорошо воспитанными...

Сам принес воды, сам набрал веток и сосновых шишек, сам развел у входа в пещеру костер, такой шумный, что закачались ветви на высокой сосне... Сам сварил какао на воде.

— Живо! Садись завтракать...

Мальвина все это время молчала, поджав губы. Но теперь она сказала очень твердо, взрослым голосом:

— Не думайте, Буратино, что если вы дрались с собаками и победили, спасли нас от Карабаса-Барабаса и в дальнейшем вели себя мужественно, то вас это избавляет от необходимости мыть руки и чистить зубы перед едой...

Буратино так и сел, — вот тебе раз! — выпучил глаза на девчонку с железным характером.

Мальвина вышла из пещеры и хлопнула в ладоши:

— Бабочки, гусеницы, жуки, жабы...

Не прошло и минуты — прилетели большие бабочки, испачканные цветочной пылью. Приползли гусеницы и угрюмые навозные жуки. На животах пришлепали жабы...

Бабочки, вздыхая крыльями, сели на стены пещеры, чтобы внутри было красиво и обсыпавшаяся земля не попадала в кушанье.

Навозные жуки скатывали в шарики весь мусор на полу пещеры и выкидывали их прочь.

Жирная белая Гусеница вползла на голову Буратино и, свесившись с его носа, выдавила немного пасты ему на зубы. Хочешь не хочешь, пришлось их почистить.

Другая Гусеница почистила зубы Пьеро.

Появился заспанный барсук, похожий на мохнатого поросенка... Он брал лапой коричневых гусениц, выдавливал из них коричневую пасту на обувь и хвостом отлично вычистил все три пары башмаков — у Мальвины, Буратино и Пьеро. Почистив, зевнул:

— А-ха-ха, — и ушел вперевалку.

Влетел суетливый, пестрый, веселый удод с красным хохолком, который вставал дыбом, когда он чему-нибудь удивлялся.

— Кого причесать?

— Меня, — сказала Мальвина. — Завейте и причешите, я растрепана...

— А где же зеркало? Послушайте, душечка...

Тогда пучеглазые жабы сказали:

— Мы принесем...

Десять жаб зашлепали животами к озеру. Вместо зеркала они приволокли Зеркального Карпа, такого жирного и сонного, что ему было все равно, куда его тащат под плавники. Карпа поставили на хвост перед Мальвиной. Чтобы он не задыхался, ему в рот лили из чайника воду. Суетливый удод завил и причесал Мальвину. Осторожно взял со стены одну из бабочек и припудрил ею девчонкин нос.

— Готово, душечка...

И — ф-фр-р! — пестрым клубком вылетел из пещеры.

Жабы утащили Зеркального Карпа обратно в озеро. Буратино и Пьеро — хочешь не хочешь — вымыли руки и даже шею. Мальвина разрешила сесть завтракать.

После завтрака, смахнув крошки с колен, она сказала:

— Буратино, мой друг, в прошлый раз мы с вами остановились на диктанте. Продолжим урок...

Буратино захотелось выскочить из пещеры куда глаза глядят. Но нельзя же было бросить беспомощных товарищей и больную собаку! Он проворчал:

— Письменных принадлежностей не взяли...

— Неправда, взяли, — простонал Артемон. Дополз до узла, зубами развязал его и вытащил пузырек с чернилами, пенал, тетрадь и даже маленький глобус.

— Не держите вставочку судорожно и слишком близко к перу, иначе вы испачкаете пальцы в чернилах, — сказала Мальвина. Подняла хорошенькие глаза к потолку пещеры на бабочек и...

В это время послышался хруст веток, грубые голоса — мимо пещеры прошли продавец лечебных пиявок Дуремар и волочащий ноги Карабас-Барабас.

На лбу у директора кукольного театра багровела огромная шишка, нос распух, борода — в клочьях и вымазана в смоле.

Охая и отплеываясь, он говорил:

— Они далеко не могли убежать. Они где-нибудь здесь, в лесу.

Несмотря ни на что, Буратино решает вывести у Карабаса-Барабаса тайну золотого ключика

Карабас-Барабас и Дуремар медленно прошли мимо пещеры.

Во время боя на равнине продавец лечебных пиявок в страхе сидел за кустом. Когда все кончилось, он подождал, пока Артемон и Буратино не скроются в густой траве, и тогда только с большими трудностями отодрал от ствола итальянской сосны бороду Карабаса-Барабаса.

— Ну и отделал же вас мальчишка! — сказал Дуремар. — Придется вам приставить к затылку две дюжины самых лучших пиявок...

Карабас-Барабас заревел:

— Сто тысяч чертей! Живо в погоню за негодяями!

Карабас-Барабас и Дуремар пошли по следам беглецов. Они раздвигали руками траву, осматривали каждый куст, обшаривали каждую кочку.

Они видели дымок костра у корней старой сосны, но им и в голову не пришло, что в этой пещере скрывались деревянные человечки да еще зажгли костер.

— Этого негодяя Буратино разрежу перочинным ножом на кусочки! — ворчал Карабас-Барабас.

Беглецы притаились в пещере.

Что теперь делать? Бежать? Но Артемон, весь забинтованный, крепко спал. Пес должен был спать двадцать четыре часа, чтобы зажили раны.

Неужели же бросить благородную собаку одну в пещере?

Нет, нет, спастись — так всем вместе, погибать — так всем вместе.

Буратино, Пьеро и Мальвина в глубине пещеры, уткнувшись носами, долго совещались. Решили: прождать здесь до утра, вход

в пещеру замаскировать ветками и для скорейшего выздоровления Артемону сделать питательную клизму.

Буратино сказал:

— Я все-таки хочу во что бы то ни стало узнать у Карабаса-Барабаса, где эта дверца, которую открывает золотой ключик. За дверцей хранится что-нибудь замечательное, удивительное... И оно должно принести нам счастье.

— Боюсь без вас оставаться, боюсь, — простонала Мальвина.

— А Пьеро вам на что?

— Ах, он только читает стишки...

— Я буду защищать Мальвину, как лев, — проговорил Пьеро хриплым голосом, каким разговаривают крупные хищники, — вы меня еще не знаете...

— Молодчина Пьеро, давно бы так!

И Буратино пустился бежать по следам Карабаса-Барабаса и Дуремара.

Он их вскоре увидел. Директор кукольного театра сидел на берегу ручья, Дуремар ставил ему на шишку компресс из листьев конского щавеля. Издалека было слышно свирепое урчание в пустом желудке у Карабаса-Барабаса и скучное попискивание в пустом желудке у продавца лечебных пиявок.

— Синьор, нам необходимо подкрепиться, — говорил Дуремар, — поиски негодяев могут затянуться до глубокой ночи.

— Я бы съел сейчас целого поросеночка да парочку уток, — мрачно ответил Карабас-Барабас.

Приятели побрели к харчевне «Трех Пескарей» — ее вывеска виднелась на пригорке. Но скорее, чем Карабас-Барабас и Дуремар, припустился туда Буратино, пригибаясь к траве, чтобы его не заметили.

Около дверей харчевни Буратино подкрался к большому Петуху, который, найдя зернышко или кусочек цыплячьей кишки, гордо встряхивал красным гребешком, шаркал когтями и с тревогою звал кур на угощение:

— Ко-ко-ко!

Буратино протянул ему на ладони крошки миндального пирожного:

— Угощайтесь, синьор главнокомандующий.

Петух строго взглянул на деревянного мальчишку, но не удержался и клюнул его в ладонь.

— Ко-ко-ко!

— Синьор главнокомандующий, мне нужно бы пройти в харчевню, но так, чтобы хозяин меня не заметил. Я спрячусь за ваш великолепный разноцветный хвост, и вы доведете меня до самого очага. Ладно?

— Ко-ко! — еще более гордо произнес Петух.

Он ничего не понял, но, чтобы не показать, что ничего не понял, важно пошел к открытой двери харчевни. Буратино схватил его под крылья за бока, прикрылся его хвостом и на корточках про-

брался на кухню, к самому очагу, где суестился плешивый хозяин харчевни, крутя на огне вертела и сковороды.

— Пошел прочь, старое бульонное мясо! — крикнул на Петуха хозяин и так поддал ногой, что Петух — ку-дах-тах-тах! — с отчаянным криком вылетел на улицу к перепуганным курам.

Буратино, незамеченный, шмыгнул мимо ног хозяина и присел за большим глиняным кувшином.

В это время слышались голоса Карабаса-Барабаса и Дуремара. Хозяин, низко кланяясь, вышел им навстречу.

Буратино влез внутрь глиняного кувшина и там притаился.

Буратино узнает тайну золотого ключика

Карабас-Барабас и Дуремар подкреплялись жареным поросеночком. Хозяин подливал вина в стаканы.

Карабас-Барабас, обсасывая поросячью ногу, сказал хозяину:

— Дрянь у тебя вино, налей-ка мне вон из того кувшина! — и указал костью на кувшин, где сидел Буратино.

— Синьор, этот кувшин пуст, — ответил хозяин.

— Врешь, покажи.

Тогда хозяин поднял кувшин и перевернул его. Буратино изо всей силы уперся локтями в бока кувшина, чтобы не вывалиться.

— Там что-то чернеется, — прохрипел Карабас-Барабас.

— Там что-то белеется, — подтвердил Дуремар.

— Синьоры, чирей мне на язык, прострел мне в поясницу, кувшин пуст!

— В таком случае ставь его на стол — мы будем кидать туда кости.

Кувшин, где сидел Буратино, поставили между директором кукольного театра и продавцом лечебных пиявок. На голову Буратино посыпались обглоданные кости и корки.

Карабас-Барабас, выпив много вина, протянул к огню очага бороду, чтобы с нее капала налипшая смола.

— Положу Буратино на ладонь, — хвастливо говорил он, — другой ладонью прихлопну — мокрое место от него останется.

— Негодяй вполне этого заслуживает, — подтверждал Дуремар, — но сначала к нему хорошо бы приставить пиявок, чтобы они высосали всю кровь...

— Нет! — стучал кулаком Карабас-Барабас. — Сначала я отниму у него золотой ключик...

В разговор вмешался хозяин, — он уже знал про бегство деревянных человечков.

— Синьор, вам нечего утомлять себя поисками. Сейчас я позову двух расторопных ребят, — покуда вы подкрепляетесь вином, они живо обыщут весь лес и притащат сюда Буратино.

— Ладно. Посылай ребят, — сказал Карабас-Барабас, подставляя к огню огромные подошвы. И так как он был уже пьян, то во всю глотку запел песню:

Мой народец странный,
Глупый, деревянный.
Кукольный владыка,
Вот кто я, поди-ка...
Грозный Карабас,
Славный Барабас...
Куклы предо мною
Стелются травкою.

Будь ты хоть красotka —
У меня есть плетка,
Плетка в семь хвостов,
Плетка в семь хвостов.
Погрожу лишь плеткой —
Мой народец кроткий
Песни распевает,
Денежки собирает
В мой большой карман,
В мой большой карман...

Тогда Буратино завывающим голосом проговорил из глубины кувшина:

— Открой тайну, несчастный, открой тайну!

Карабас-Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и выпучился на Дуремара.

— Это ты?

— Нет, это не я...

— Кто же сказал, чтобы я открыл тайну?

Дуремар был суеверен; кроме того, он тоже выпил много вина. Лицо у него посинело и сморщилось от страха, как гриб сморчок. Глядя на него, и Карабас-Барабас застучал зубами.

— Открой тайну, — опять завыв таинственный голос из глубины кувшина, — иначе не сойдешь с этого стула, несчастный!

Карабас-Барабас попытался вскочить, но не мог даже и приподняться.

— Как-ка-какую та-та-тайну? — спросил он заикаясь.

Голос ответил:

— Тайну черепахи Тортилы.

От ужаса Дуремар медленно полез под стол. У Карабаса-Барабаса отвалилась челюсть.

— Где находится дверь, где находится дверь? — будто ветер в трубе в осеннюю ночь, провыл голос.

— Отвечу, отвечу, замолчи, замолчи! — прошептал Карабас-Барабас. — Дверь — у старого Карло в каморке, за нарисованным очагом...

Едва он произнес эти слова, со двора вошел хозяин.

— Вот надежные ребята, за деньги они приведут к вам, синьор, хоть самого черта.

И он указал на стоящих на пороге лису Алису и кота Базилио. Лиса почтительно сняла старую шляпу:

— Синьор Карабас-Барабас подарит нам на бедность десять золотых монет, и мы отдадим вам в руки негодяя Буратино, не сходя с этого места.

Карабас-Барабас залез под бороду в жилетный карман, вынул десять золотых.

— Вот деньги, а где Буратино?

Лиса несколько раз пересчитала монеты, вздохнула, отдавая половину коту, и указала лапой:

— Он в этом кувшине, синьор, у вас под носом.

Карабас-Барабас схватил со стола кувшин и бешено швырнул его о каменный пол. Из осколков и кучи обглоданных костей выскочил Буратино. Пока все стояли, разинув рты, он как стрела кинулся из харчевни на двор — прямо к Петуху, который гордо рассматривал то одним глазом, то другим дохлого червячка.

— Это ты меня предал, старый котлетный фарш! — свирепо вытянув нос, сказал ему Буратино. — Ну, теперь лупи что есть духу.

И он плотно вцепился в его генеральский хвост. Петух, ничего не понимая, растопырил крылья и пустился бежать на голенастых ногах. Буратино — в вихре — за ним: под гору, через дорогу, по полю, к лесу.

Карабас-Барабас, Дуремар и хозяин харчевни опомнились наконец от удивления и выбежали вслед за Буратино. Но сколько они ни оглядывались, его нигде не было видно, только вдалеке по полю лупил что есть духу Петух. Но так как всем было известно, что он дурак, то на этого Петуха никто не обратил внимания.

Буратино первый раз в жизни приходит в отчаяние, но все кончается благополучно

Глупый Петух умирался, едва бежал, разинув клюв. Буратино отпустил наконец его помятый хвост.

— Ступай, генерал, к своим курам...

И один пошел туда, где сквозь листву блестело Лебединое озеро.

Вот и сосна на каменистом пригорке, вот и пещера. Вокруг разбросаны наломанные ветки. Трава примята следами колес.

У Буратино отчаянно забилося сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни...

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял, — это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем-то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком, — нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стихи, — Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы увидеть снова друзей.

Около его головы бесшумно поднялся рыхлый бугорок земли, вылез бархатный Крот с розовыми ладонями, пискляво чихнул три раза и сказал:

— Я слеп, но я отлично слышу. Сюда подъезжала тележка, запряженная овцами. В ней сидел Лис, губернатор Города дураков, и сыщики.

Губернатор приказал:

— Взять негодяев, которые поколотили моих лучших полицейских при исполнении обязанностей! Взять!

Сыщики ответили:

— Тяф! — бросились в пещеру, и там началась отчаянная возня. Твоих друзей связали, кинули в тележку вместе с узлами и уехали.

Что за польза была лежать, уткнувшись носом в землю! Буратино вскочил и побежал по следам колес. Обогнул озеро, вышел на поле с густой травой. Шел, шел... У него не было никакого плана в голове. Надо спасти товарищей, — вот и все. Дошел до обрыва, откуда позапрошлой ночью сорвался в лопухи. Внизу увидел грязный пруд, где жила черепаха Тортила. По дороге к пруду спускалась тележка; ее тащили две худые, как скелеты, овцы с ободранной шерстью.

На козлах сидел жирный Кот, с надутыми щеками, в золотых очках, — он служил при губернаторе тайным нашептывателем в ухо. Позади него — важный Лис, губернатор. На узлах лежали Мальвина, Пьеро и весь забинтованный Артемон, — всегда такой расчесанный хвост его волочился кисточкой по пыли.

Позади тележки шли два сыщика — добермана-пинчера.

Вдруг сыщики подняли собачьи морды и увидели наверху обрыва белый колпачок Буратино.

Сильными прыжками пинчеры начали взбираться по крутому косогору. Но прежде чем они доскакали до верха, Буратино — а ему уже никуда не скрыться, не убежать — сложил руки над головой и — ласточкой — с самого крутого места кинулся вниз, в грязный пруд, затянутый зеленой ряской.

Он описал в воздухе кривую и, конечно, угодил бы в пруд под защиту тетки Тортилы, если бы не сильный порыв ветра.

Ветер подхватил легонького деревянного Буратино, закружил, завертел его двойным штопором, швырнул в сторону, и он, падая, шлепнулся прямо в тележку, на голову губернатора Лиса.

Жирный Кот в золотых очках от неожиданности свалился с козел, и так как он был подлец и трус, то притворился, что упал в обморок.

Губернатор Лис, тоже отчаянный трус, с визгом кинулся удирать по косогору и тут же залез в барсучью нору. Там ему пришлось несладко: барсуки сурово расправляются с такими гостями.

Овцы шарахнулись, тележка опрокинулась, Мальвина, Пьеро и Артемон вместе с узлами покатались в лопухи.

Все это произошло так быстро, что вы, дорогие читатели, не успели бы сосчитать всех пальцев на руке.

Доберманы-пинчеры огромными прыжками кинулись вниз с обрыва. Подскочив к опрокинутой тележке, увидели жирного Кота в обмороке. Увидели в лопухах валяющихся деревянных человечков и забинтованного пуделя.

Но нигде не было видно губернатора Лиса.

Он исчез, — будто сквозь землю провалился тот, кого сыщики должны охранять как зеницу ока.

Первый сыщик, подняв морду, издал собачий вопль отчаяния.

Второй сыщик сделал то же самое:

— Ай, ай, ай, ай-у-у-у!

Они кинулись и обыскали весь косогор. Снова тоскливо взвыли, потому что им уже мерещились плетка и железная решетка.

Униженно виляя задами, они побежали в Город дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым, — так по дороге они придумали в свое оправдание. Буратино потихоньку ощупал себя — ноги, руки были целы. Он пополз в лопухи и освободил от веревок Мальвину и Пьеро.

Мальвина, не говоря ни слова, обхватила Буратино за шею, но поцеловать не могла — помешал его длинный нос.

У Пьеро по локоть были оторваны рукава, белая пудра осыпалась со щек, и оказалось, что щеки у него обыкновенные — румяные, несмотря на его любовь к стихам.

— Я здорово дрался, — грубым голосом сказал он. — Кабы мне не дали подножку — нипочем бы меня не взять.

Мальвина подтвердила:

— Он дрался, как лев.

Она обхватила Пьеро за шею и поцеловала в обе щеки.

— Довольно, довольно лизаться, — проворчал Буратино, — бежим. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили ее по косогору наверх.

— Пустите, я сам пойду, мне так унижительно, — стонал забинтованный пудель.

— Нет, нет, ты слишком слаб.

Но едва они взобрались до половины косогора, наверху показались Карабас-Барабас и Дуремар. Лиса Алиса показывала лапой на беглецов, кот Базилио щетинил усы и отвратительно шипел.

— Ха-ха-ха, вот так ловко! — захохотал Карабас-Барабас. — Сам золотой ключик идет мне в руки!

Буратино торопливо придумывал, как выпутаться из новой беды. Пьеро прижал к себе Мальвину, намереваясь дорого продать жизнь. На этот раз не было никакой надежды на спасение.

Дуремар хихикал наверху косогора.

— Большую собачку пуделя, синьор Карабас-Барабас, вы мне отдайте, я ее брошу в пруд пиявочкам, чтобы мои пиявочки разжирели.

Толстому Карабасу-Барабасу лень было спускаться вниз, он манил беглецов пальцем, похожим на сардельку:

— Идите, идите ко мне, деточки...

— Ни с места! — приказал Буратино. — Погибать — так весело! Пьеро, говори какие-нибудь свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи во всю глотку...

Мальвина, несмотря на некоторые недостатки, была хорошим товарищем. Она вытерла слезы и засмеялась очень обидно для тех, кто стоял наверху косогора.

Пьеро сейчас же сочинил стихи и завыл неприятным голосом:

Лису Алису жалко —
Плачет по ней палка.
Кот Базилио нищий —
Вор, гнусный котище.

Дуремар, наш дурачок, —
Безобразнейший сморчок.
Карабас ты Барабас,
Не боимся очень вас...

В то же время Буратино кривлялся и дразнился:

— Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бо-
чонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись
к нам, — я тебе наплюю в драную бороду!

В ответ Карабас-Барабас страшно зарычал, Дуремар поднял тощие руки к небу.

Лиса Алиса криво усмехнулась:

— Разрешите свернуть шеи этим нахалам?

Еще минута, — и все было бы кончено... Вдруг со свистом примчались стрижи:

— Здесь, здесь, здесь!

Над головой Карабаса-Барабаса пролетела сорока, громко тараторя:

— Скорее, скорее, скорее!

И наверху косогора появился старый папа Карло. Рукава у него были засучены, в руке — сучковатая палка, брови нахмурены...

Он плечом толкнул Карабаса-Барабаса, локтем — Дуремара, дубинкой вытянул по спине лису Алису, сапогом швырнул в сторону кота Базилио...

После этого, нагнувшись и глядя с косогора вниз, где стояли деревянные человечки, сказал радостно:

— Сын мой Буратино, плутишка, ты жив и здоров, — иди же скорее ко мне!

*Папа Карло сидел в своей каморке и горевал...
Вдруг в окно влетел Петух, на нем Буратино,
за Петухом прыгнул Артемон, на нем Мальвина и Пьеро.
Иллюстрация из книжки-картинки «Золотой ключик, или
Приключения Буратино» (сокращенный вариант).
Сказку сократил для малышей А. Н. Толстой*

Буратино наконец возвращается домой вместе с папой Карло, Мальвиной, Пьеро и Артемоном

Неожиданное появление Карло, его дубинка и нахмуренные брови навели ужас на негодяев.

Лиса Алиса уползла в густую траву и там дала стрекача, иногда лишь останавливаясь, чтобы поежиться после удара дубинкой. Кот Базилио, отлетев шагов на десять, шипел от злости, как проткнутая велосипедная шина.

Дуремар подобрал полы зеленого пальто и полез с косогора вниз, повторяя:

— Я ни при чем, я ни при чем... — но на крутом месте сорвался, покатился и с ужасным шумом и плеском шлепнулся в пруд.

Карабас-Барабас остался стоять, где стоял. Он только втянул всю голову до макушки в плечи; борода его висела как пакля.

Буратино, Пьеро и Мальвина взобрались наверх. Папа Карло брал их поодиночке на руки, грозил пальцем:

— Вот я вас ужо, баловники! — и клал за пазуху.

Потом он спустился на несколько шагов с косогора и присел над несчастной собакой. Верный Артемон поднял морду и лизнул Карло в нос.

Буратино тотчас высунулся из-за пазухи:

— Папа Карло, мы без собаки домой не пойдем.

— Э-хе-хе, — ответил Карло, — тяжеленько будет, ну да уж как-нибудь донесу вашего песика.

Он взвалил Артемона на плечо и, отдуваясь от тяжелого груза, полез наверх, где, все так же втянув голову, выпучив глаза, стоял Карабас-Барабас.

— Куклы мои... — проворчал он.

Папа Карло ответил ему сурово:

— Эх ты! С кем на старости лет связался, — с известными всему свету жуликами, с Дуремаром, с котом, с лисой. Маленьких обижаете! Стыдно, доктор!

И Карло пошел по дороге в город. Карабас-Барабас со втянутой головой шел за ним следом.

— Куклы мои, отдай!

— Нипочем не отдавай! — завопил Буратино, высовываясь из-за пазухи.

Так шли, шли... Миновали харчевню «Трех пескарей», где в дверях кланялся плешивый хозяин, показывая обеими руками на шипящие сковородки.

Около дверей взад и вперед, взад и вперед расхаживал Петух с выданным хвостом и возмущенно рассказывал о хулиганском поступке Буратино. Куры сочувственно поддакивали:

— Ах-ах, какой страх! Ух-ух, наш Петух!

Карло поднялся на холм, откуда было видно море, кое-где покрытое матовыми полосками от веяния ветерка, у берега — старый городок песочного цвета под знойным солнцем и полотняная крыша кукольного театра.

Карабас-Барабас, стоя в трех шагах позади Карло, проворчал:

— Я тебе дам за куклу сто золотых монет, продай.

Буратино, Мальвина и Пьеро перестали дышать — ждали, что скажет Карло.

Он ответил:

— Нет! Если бы ты был добрым, хорошим директором театра, я бы тебе, так и быть, отдал маленьких человечков. А ты хуже всякого крокодила. Не отдам и не продам, убирайся.

Карло спустился с холма и, уже более не обращая внимания на Карабаса-Барабаса, вошел в городок.

Там на пустой площади неподвижно стоял полицейский.

От жары и скуки у него повисли усы, веки слиплись, над треугольной шляпой кружились мухи.

Карабас-Барабас вдруг засунул бороду в карман, схватил Карло сзади за рубашку и заорал на всю площадь:

— Держите вора, он украл у меня куклы!

Но полицейский, которому было жарко и скучно, даже и не пошевелился. Карабас-Барабас подскочил к нему, требуя арестовать Карло.

— А ты кто такой? — лениво спросил полицейский.

— Я доктор кукольных наук, директор знаменитого театра, кавалер высших орденов, ближайший друг Тарабарского короля, синьор Карабас-Барабас...

— А ты не кричи на меня, — ответил полицейский.

Покуда Карабас-Барабас с ним препирался, папа Карло, торопливо стуча палкой по плитам мостовой, подошел к дому, где он жил. Отпер дверь в полутемную каморку под лестницей, снял с плеча Артемона, положил на койку, из-за пазухи вынул Буратино, Мальвину и Пьеро и посадил их рядышком на стол.

Мальвина сейчас же сказала:

— Папа Карло, прежде всего займитесь больной собакой. Мальчики, немедленно мыться...

Вдруг она в отчаянии всплеснула руками:

— А мои платья! Мои новенькие туфельки, мои хорошенькие ленточки остались на дне оврага, в лопухах!

— Ничего, не горюй, — сказал Карло, — вечером я схожу принесу твои узлы.

Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы. Оказалось, что раны почти уже зажили и собака не могла пошевелиться только потому, что была голодна.

— Тарелочку овсяной болтушки да косточку с мозгом, — проstonал Артемон, — и я готов драться со всеми собаками в городе.

— Ай-ай-ай, — сокрушался Карло, — а у меня дома ни крошки, и в кармане ни сольдо...

Мальвина жалобно всхлипнула. Пьеро тер кулаком лоб, соображая.

— Я пойду на улицу читать стихи, прохожие надают мне кучу сольдо.

Карло покачал головой:

— И будешь ты ночевать, сынок, за бродяжничество в полицейском отделении.

Все, кроме Буратино, приуныли. Он же хитро улыбался, вертелся так, будто сидел не на столе, а на перевернутой кнопке.

— Ребята, довольно хныкать! — Он соскочил на пол и что-то вытащил из кармана. — Папа Карло, возьми молоток, отдели от стены дырявый холст.

И он задранным носом указал на очаг, и на котелок над очагом, и на дым, нарисованные на куске старого холста.

Карло удивился:

— Зачем, сынок, ты хочешь сдирать со стены такую прекрасную картину? В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая баранья похлебка с чесноком, и мне становится немного теплее.

— Папа Карло, даю честное кукольное слово, — у тебя будет настоящий огонь в очаге, настоящий чугунный котелок и горячая похлебка. Сдери холст.

Буратино сказал это так уверенно, что папа Карло почесал в затылке, покачал головой, покряхтел-покряхтел, — взял клещи и мо-

лоток и начал отдирать холст. За ним, как мы уже знаем, все было затянуто паутиной и висели дохлые пауки.

Карло старательно обмел паутину. Тогда стала видна небольшая дверца из потемневшего дуба. На четырех углах на ней были вырезаны смеющиеся рожицы, а посередине — пляшущий человечек с длинным носом.

Когда с него смахнули пыль, Мальвина, Пьеро, папа Карло, даже голодный Артемон воскликнули в один голос:

— Это портрет самого Буратино!

— Я так и думал, — сказал Буратино, хотя он ничего такого не думал и сам удивился. — А вот и ключ от дверцы. Папа Карло, открой...

— Эта дверца и этот золотой ключик, — проговорил Карло, — сделаны очень давно каким-то искусным мастером. Посмотрим, что спрятано за дверцей.

Он вложил ключик в замочную скважину и повернул... Раздалась негромкая, очень приятная музыка, будто заиграл органчик в музыкальном ящике...

Папа Карло толкнул дверцу. Со скрипом она начала открываться.

В это время раздались торопливые шаги за окном, и голос Карабаса-Барабаса проревел:

— Именем Тарабарского короля — арестуйте старого плута Карло!

Карабас-Барабас врывается в каморку под лестницей

Карабас-Барабас, как мы знаем, тщетно старался уговорить сонного полицейского, чтобы он арестовал Карло. Ничего не добившись, Карабас-Барабас побежал по улице.

Развевающаяся борода его цеплялась за пуговицы и зонтики прохожих.

Он толкался и лязгал зубами. Вслед ему пронзительно свистели мальчишки, запускали в спину ему гнилыми яблоками.

Карабас-Барабас вбежал к начальнику города. В этот жаркий час начальник сидел в саду, около фонтана, в одних трусах и пил лимонад.

У начальника было шесть подбородков, нос его утонул в розовых щеках. За спиной его, под липой, четверо мрачных полицейских то и дело откупоривали бутылки с лимонадом.

Карабас-Барабас бросился перед начальником на колени и, бородой размазывая слезы по лицу, завопил:

— Я несчастный сирота, меня обидели, обокрали, избили...

— Кто тебя, сироту, обидел? — отдуваясь, спросил начальник.

— Злейший враг, старый шарманщик Карло. Он украл у меня три самые лучшие куклы, он хочет сжечь мой знаменитый театр, он подожжет и ограбит весь город, если его сейчас же не арестовать.

В подкрепление своих слов Карабас-Барабас вытащил горсть золотых монет и положил в туфлю начальника.

Короче говоря, он такое наплел и наврал, что испуганный начальник приказал четверем полицейским под липой:

— Идите за почтенным сиротой и сделайте все нужное именем закона.

Карабас-Барабас побежал с четырьмя полицейскими к каморке Карло и крикнул:

— Именем Тарабарского короля арестуйте вора и негодяя!

Но двери были закрыты. В камере никто не отозвался. Карabas-Барabas приказал:

— Именем Тарабарского короля ломайте дверь!

Полицейские нажали, гнилые половинки дверей сорвались с петель, и четыре бравых полицейских, гремя саблями, с грохотом свалились в камеру под лестницей.

Это было в ту самую минуту, когда в потайную дверцу в стене, нагнувшись, уходил Карло.

Он скрылся последним. Дверца — дзынь! — захлопнулась. Тихая музыка перестала играть. В камере под лестницей валялись только грязные бинты и рваный холст с нарисованным очагом.

Карабас-Барабас подскочил к потайной дверце, заколотил в нее кулаками и каблуками:

— Тра-та-та-та!

Но дверца была прочна.

Карабас-Барабас разбежался и ударил в дверцу задом.

Дверца не поддавалась.

Он затопал на полицейских:

— Ломайте проклятую дверь именем Тарабарского короля!

Полицейские ощупывали друг у друга — кто нашлепку на носу, кто шишку на голове.

— Нет, здесь работа очень тяжелая, — ответили они и пошли к начальнику города сказать, что ими все сделано по закону, но старому шарманщику, видимо, помогает сам дьявол, потому что он ушел сквозь стену.

Карабас-Барабас рванул себя за бороду, повалился на пол и начал реветь, выть и кататься как бешеный по пустой каморке под лестницей.

Что они нашли за потайной дверью

Пока Карабас-Барабас катался как бешеный и рвал на себе бороду, Буратино впереди, а за ним Мальвина, Пьеро, Артемон и — последним — папа Карло спускались по крутой каменной лестнице в подземелье.

Папа Карло держал огарок свечи. Ее колеблющийся огонек отбрасывал от Артемоновой лохматой головы или от протянутой руки Пьеро большие тени, но не мог осветить темноты, куда спускалась лестница.

Мальвина, чтобы не зареветь от страха, щипала себя за уши.

Пьеро, — как всегда, ни к селу ни к городу — бормотал стишки:

Пляшут тени на стене —
Ничего не страшно мне.
Лестница пускай крута,
Пусть опасна темнота, —
Все равно подземный путь
Приведет куда-нибудь...

Буратино опередил товарищей — его белый колпачок едва был виден глубоко внизу.

Вдруг там что-то зашипело, упало, покатилося, и донесся его жалобный голос:

— Ко мне, на помощь!

Мгновенно Артемон, забыв раны и голод, опрокинул Мальвину и Пьеро, черным вихрем кинулся вниз по ступенькам.

Лязгнули его зубы. Гнусно взвизгнуло какое-то существо.

Все затихло. Только у Мальвины громко, как в будильнике, стучало сердце.

Широкий луч света снизу ударил по лестнице. Огонек свечи, которую держал папа Карло, стал желтым.

— Глядите, глядите скорее! — громко позвал Буратино.

Мальвина задом наперед торопливо начала слезать со ступеньки на ступеньку, за ней запрыгал Пьеро. Последним, нагнувшись, сходил Карло, то и дело теряя деревянные башмаки.

Внизу, там, где кончалась крутая лестница, на каменной площадке сидел Артемон. Он облизывался. У его ног валялась задушенная крыса Шушара.

Буратино обеими руками приподнимал истлевший войлок, — им было занавешено отверстие в каменной стене. Оттуда лился голубой свет.

Первое, что они увидели, когда пролезли в отверстие, — это расходящиеся лучи солнца. Они падали со сводчатого потолка сквозь круглое окно.

Широкие лучи с танцующими в них пылинками освещали круглую комнату из желтоватого мрамора. Посреди нее стоял чудной красоты кукольный театр. На занавесе его блестел золотой зигзаг молнии.

С боков занавеса поднимались две квадратные башни, раскрашенные так, будто они были сложены из маленьких кирпичиков. Высокие крыши из зеленой жести ярко блестели.

На левой башне были часы с бронзовыми стрелками. На циферблате против каждой цифры нарисованы смеющиеся рожицы мальчика и девочки.

На правой башне — круглое окошко из разноцветных стекол.

Над этим окошком, на крыше из зеленой жести, сидел Говорящий Сверчок. Когда все, разинув рты, остановились перед чудным театром, Сверчок проговорил медленно и ясно:

— Я предупреждал, что тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения, Буратино. Хорошо, что все кончилось благополучно, а могло кончиться и неблагоприятно... Так-то...

Голос у Сверчка был старый и слегка обиженный, потому что Говорящему Сверчку в свое время все же попало по голове молотком и, несмотря на столетний возраст и природную доброту, он не мог забыть незаслуженной обиды. Поэтому он больше ничего не прибавил, — дернул усиками, точно смахивая с них пыль, и медленно уполз куда-то в одинокую щель — подальше от суеты.

Тогда папа Карло проговорил:

— А я-то думал — мы тут по крайней мере найдем кучу золота и серебра, — а нашли всего-навсего старую игрушку.

Он подошел к часам, вделанным в башенку, постучал ногтем по циферблату, и, так как сбоку часов на медном гвоздике висел ключик, он взял его и завел часы...

Раздалось громкое тиканье. Стрелки двинулись. Большая стрелка подошла к двенадцати, маленькая — к шести. Внутри башни загудело и зашипело. Часы звонко пробили шесть...

Тотчас на правой башне раскрылось окошко из разноцветных стекол, выскочила заводная пестрая птица и, затрепетав крыльями, пропела шесть раз:

— К нам — к нам, к нам — к нам, к нам — к нам...

*Все спустились по крутой лестнице в подземелье.
Посередине пещеры стоял чудесный кукольный театр. Наверху били часы.
Вариант рисунка для открытки, 1955 г.*

Птица скрылась, окошко захлопнулось, заиграла шарманочная музыка. И занавес поднялся...

Никто, даже папа Карло, никогда не видывал такой красивой декорации.

На сцене был сад. На маленьких деревьях с золотыми и серебряными листьями пели заводные скворцы величиной с ноготь. На одном дереве висели яблоки, каждое из них не больше гречишного зерна. Под деревьями прохаживались павлины и, приподнимаясь на цыпочках, клевали яблоки. На лужайке прыгали и бодались два козленка, а в воздухе летали бабочки, едва заметные глазу.

Так прошла минута. Скворцы замолкли, павлины и козлята пятились за боковые кулисы. Деревья провалились в потайные люки под пол сцены.

На задней декорации начали расходиться тюлевые облака. Показалось красное солнце над песчаной пустыней. Справа и слева, из боковых кулис, выкинулись ветки лиан, похожие на змей, — на одной действительно висела змея Удав. На другой раскачивалось, схватившись хвостами, семейство обезьян.

Это была Африка.

По песку пустыни под красным солнцем проходили звери.

В три скачка промчался гривастый Лев, — хотя был он не больше котенка, но страшен.

Переваливаясь, проковылял на задних лапах плюшевый Медведь с зонтиком.

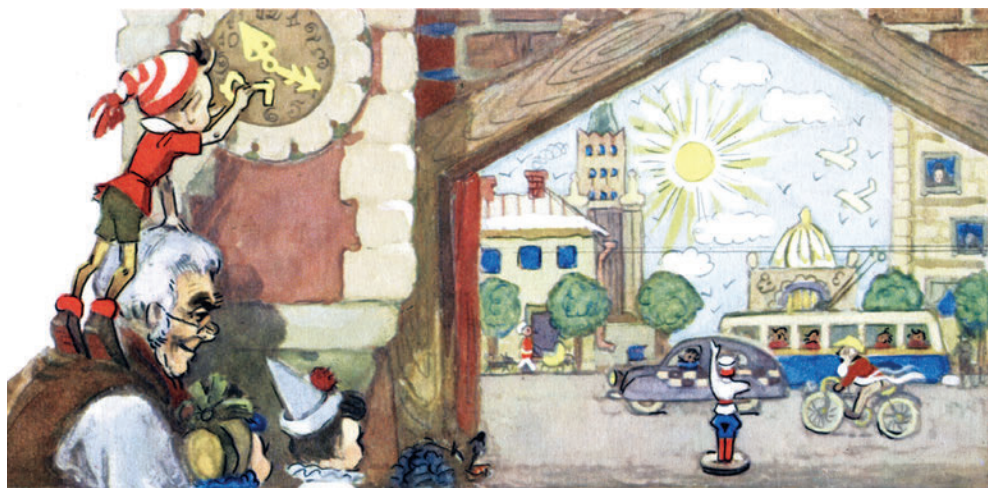
Прополз отвратительный Крокодил, — его маленькие дрянные глазки притворялись добренькими. Но все же Артемон не поверил и зарычал на него.

Проскакал Носорог, — для безопасности на его острый рог был надет резиновый мячик.

Пробежал Жираф, похожий на полосатого, рогатого верблюда, изо всей силы вытянувшего шею.

Потом шел Слон, друг детей, — умный, добродушный, — помахивал хоботом, в котором держал соевую конфету.

Последней протрусила бочком страшно грязная дикая собака Шакал. Артемон с лаем кинулся на нее, — папе Карло с трудом удалось оттащить его за хвост от сцены.

Звери прошли. Солнце вдруг погасло. В темноте какие-то вещи опустились сверху, какие-то вещи надвинулись с боков. Раздался звук, будто провели смычком по струнам.

Вспыхнули матовые уличные фонарики. На сцене была городская площадь.

Двери в домах раскрылись, выбежали маленькие человечки, полезли в игрушечный трамвай. Кондуктор зазвонил, вагоновожатый завертел ручку, мальчишка живо прицепился к колбасе, милиционер засвистел, — трамвай укатился в боковую улицу между высокими домами.

Проехал велосипедист на колесах не больше блюдечка для варенья. Пробежал газетчик, — вчетверо сложенные листки отрывного календаря — вот какой величины были у него газеты.

Мороженщик прокатил через площадку тележку с мороженым. На балкончики домов выбежали девочки и замахали ему, а мороженщик развел руками и сказал:

— Все съели, приходите в другой раз.

Тут занавес упал, и на нем опять заблестел золотой зигзаг молнии.

Папа Карло, Мальвина, Пьеро не могли опомниться от восхищения. Буратино, засунув руки в карманы, задрал нос, сказал хвастливо:

— Что — видели? Значит, недаром я мокнул в болоте у тетки Тортилы... В этом театре мы поставим комедию — знаете какую? «Золотой ключик, или Необыкновенные приключения Буратино и его друзей». Карабас-Барабас лопнет с досады.

Пьеро потер кулаками наморщенный лоб:

— Я напишу эту комедию роскошными стихами.

— Я буду продавать мороженое и билеты, — сказала Мальвина. — Если вы найдете у меня талант, попробую играть роли хорошеньких девочек...

— Пойдите, ребята, а учиться когда же? — спросил папа Карло.

Все враз ответили:

— Учиться будем утром... А вечером играть в театре...

— Ну то-то, деточки, — сказал папа Карло, — а уж я, деточки, буду играть на шарманке для увеселения почтенной публики, а если станем разъезжать по Италии из города в город, буду править лошадей да варить баранью похлебку с чесноком...

Артемон слушал, задрал ухо, вертел головой, глядел блестящими глазами на друзей, спрашивал: а ему что делать?

Буратино сказал:

— Артемон будет заведовать бутафорией и театральными костюмами, ему дадим ключи от кладовой. Во время представления он может изображать за кулисами рычание льва, топот носорога, скрип крокодиловых зубов, вой ветра — посредством быстрого верчения хвоста — и другие необходимые звуки.

— Ну а ты, ну а ты, Буратино? — спрашивали все. — Кем хочешь быть при театре?

— Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!

Новый кукольный театр дает первое представление

Карабас-Барабас сидел перед очагом в отвратительном настроении. Сырые дрова едва тлели. На улице лил дождь. Дырявая крыша кукольного театра протекала. У кукол отсырели руки и ноги, на репетициях никто не хотел работать, даже под угрозой плетки в семь хвостов. Куклы уже третий день ничего не ели и зловеще перешептывались в кладовой, висая на гвоздях.

С утра не было продано ни одного билета в театр. Да и кто пошел бы смотреть у Карабаса-Барабаса скучные пьесы и голодных, оборванных актеров!

На городской башне часы пробили шесть. Карабас-Барабас мрачно побрел в зрительный зал, — пусто.

— Черт бы побрал всех почтеннейших зрителей, — проворчал он и вышел на улицу. Выйдя, взглянул, моргнул и разинул рот так, что туда без труда могла бы влететь ворона.

Напротив его театра перед большой новой полотняной палаткой стояла толпа, не обращая внимания на сырой ветер с моря.

Над входом в палатку на помосте стоял длинноносый человечек в колпачке, трубил в хрипучую трубу и что-то кричал.

Публика смеялась, хлопала в ладоши, и многие заходили внутрь палатки.

К Карабасу-Барабасу подошел Дуремар; от него, как никогда, пахло тинной.

— Э-хе-хе, — сказал он, собирая все лицо в кислые морщины, — никуда дела с лечебными пиявками. Вот хочу пойти к ним, — Дуремар указал на новую палатку, — хочу попроситься у них свечи зажигать или мести пол.

— Чей этот проклятый театр? Откуда он взялся? — прорычал Карабас-Барабас.

— Это сами куклы открыли кукольный театр «Молния», они сами пишут пьесы в стихах, сами играют.

Карабас-Барабас заскрипел зубами, рванул себя за бороду и зашагал к новой полотняной палатке. Над входом в нее Буратино выкрикивал:

— Первое представление замечательной, увлекательной комедии из жизни деревянных человечков! Истинное происшествие о том, как мы победили всех своих врагов при помощи остроумия, смелости и присутствия духа.

У входа в кукольный театр в стеклянной будочке сидела Мальвина с красивым бантом в голубых волосах и не поспевала раздавать билеты желающим посмотреть веселую комедию из кукольной жизни.

Папа Карло в новой бархатной куртке вертел шарманку и весело подмигивал почтеннейшей публике.

Артемон тащил за хвост из палатки лису Алису, которая прошла без билета.

Кот Базилио, тоже безбилетный, успел удрать и сидел под дождем на дереве, глядя вниз злыми глазами.

Буратино, надув щеки, затрубил в хрипучую трубу:

— Представление начинается! — и сбежал по лесенке, чтобы играть первую сцену комедии, в которой изображалось, как бедный папа Карло выстреливает из полена деревянного человечка, не предполагая, что это принесет ему счастье.

Последней приползла в театр черепаха Тортила, держа во рту почетный билет на пергаментной бумаге с золотыми уголками.

Представление началось. Карабас-Барабас мрачно вернулся в свой пустой театр. Взял плетку в семь хвостов. Отпер дверь в кладовую.

— Я вас, паршивцы, отучу лениться! — свирепо зарычал он. — Я вас научу заманивать ко мне публику!

Он щелкнул плеткой. Но никто не ответил. Кладовая была пуста. Только на гвоздях висели обрывки веревочек.

Все куклы — и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в остроконечных шапках со звездами, и горбуны с носами как огурец, и арапы, и собачки, — все, все куклы удрали от Карабаса-Барабаса.

Со страшным воем он выскочил из театра на улицу. Он увидел, как последние из его актеров удирали через лужи в новый театр, где весело играла музыка, раздавался хохот, хлопанье в ладоши.

Карабас-Барабас успел только схватить бумазейную собачку с пуговицами вместо глаз. Но на него откуда ни возьмись налетел Артемон, повалил, выхватил собачку и умчался с ней в палатку, где за кулисами для голодных актеров была приготовлена горячая баранья похлебка с чесноком.

Карабас-Барабас так и остался сидеть в луже под дождем.

КАРЛО КОЛЛОДИ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПИНОККИО**

Перевод с итальянского
Нины Петровской

Переделал и обработал
Алексей Толстой

Иллюстрации
Чарльза Фолкарда

Титульный лист книги К. Коллоди «Пиноккио. История марионетки»
на английском языке, 1911 г.

Столяру, по прозвищу Вишня, попалось в мастерской полено, которое смеялось и плакало как ребенок

Жил да был...

Король? Ну нет, — ошиблись. Жило да было полено, самое обыкновенное полено для топки печей в зимнюю пору, и, уже не знаю как, попало оно. в мастерскую столяра Антона, по прозвищу Вишня.

Звали Антона так потому, что нос у него был красный с сизым налетом, совсем как спелая вишня.

Увидав полено, Антон ужасно обрадовался и сказал, потирая руки:

— Вот штука хороша. Сейчас смастерю из него ножку, почищу стол.

Сказано — сделано. Антон взял рубанок и начал было строгать. Но вдруг в ужасе отскочил — тоненький-тоненький голосок пропищал:

— Ой! Потихе, пожалуйста!

Выпучив глаза, Вишня стал оглядывать мастерскую. Нет никого. Заглянул под скамейку, и там никого, открыл шкаф — никого, посмотрел в корзине со стружками — тоже никого. Высунул нос за дверь — ни души и на улице.

— Что такое? Вот так штука!

Подождал-подождал, засмеялся и почесал в затылке:

— Значит, это мне просто показалось.

Опять взял рубанок и стругнул как следует...

— Ой! Больно! — заплакал тот же таинственный голосок.

На этот раз Вишня сильно испугался. Глаза у него вылезли на лоб, язык повис до подбородка. Наконец он чуть-чуть пришел в себя и проворчал, все еще дрожа со страха:

— Ну, если это кто-нибудь выдумал подшутить надо мной, тогда берегись. Эге!

Схватил полено и изо всей силы начал колотить им об пол. Потом прислушался, не плачут ли опять. Подождал две минуты, пять минут, десять минут, — ничего не слышать.

— Понял, — сказал он, ероша на голове парик, — это мне опять померещилось. Ну, Антон Вишня, — за работу.

Чтобы прогнать жуть, он стал мурлыкать под нос песенку. Постругал, постругал. Вот и ножка готова! Вишня стал было ее полировать, но вдруг тот же таинственный голосок пискнул насмешливо:

— Ой, ой, не щиплитесь, пожалуйста!

Тут Вишня упал на пол как подкошенный, и нос у него от страха стал совсем синий.

Антон дарит недоструганную ножку своему другу

В дверь постучали.

— Войдите, пожалуйста, — слабым голосом сказал Вишня, еще сидя на полу.

В мастерскую вошел его приятель, очень веселый старичок по имени Карло.

Соседние мальчишки дразнили его Рыжиком, потому что он носил рыжий парик. Карло ужасно обижался на это прозвище.

— Здравствуй, Антон! — сказал Карло. — Что это ты делаешь на полу?

— Учю муравьев считать...

— Ну, бог на помощь!

— Что занесло тебя в наши края, дружище?

— Ноги, голубчик! Ноги! — сказал Карло. — Вот хотел попросить тебя об одном одолжении?

— Рассказывай, о каком одолжении хотел меня просить.

— Видишь ли, я задумал, — опять сказал Карло, — смастерить деревянного Петрушку, но Петрушку особенного, Который будет танцевать, драться на шпагах и прыгать сквозь обручи. Вот я возьму его и пойду бродить по свету, зарабатывать себе на хлеб. Хватит и на стаканчик винца, как ты полагаешь? А? Ловко ведь придумано?

— Прекрасно, Рыжик, придумано, — запищал откуда-то тоненький голосок.

Услыхав слово «Рыжик», Карло покраснел, как перечный стручок и закричал на Антона:

- Ты что это ругаешься, негодяй!
- Кто тебя ругал, бог с тобой...
- Ты назвал меня Рыжиком!
- Нет, не я!
- Нет, ты!
- Нет, не я!
- Ты!
- Нет!
- Ты!

От слов недолго и до дела. Старики вцепились друг другу в парики и начали тузить друг друга.

Наконец парик Рыжика очутился в руках Антона, а Антонов парик в зубах у Рыжика.

- Отдай мне мой парик, — сказал Антон.
- Нет, ты отдай мой парик, — сказал Рыжик, — тогда помиримся.

Старики надели каждый свой парик, пожали друг другу руки и поклялись в вечной дружбе. Когда мир был заключен, Антон спросил:

- Ты, кум, чего-то хотел у меня попросить. Проси, не стесняйся.

— Я, кум, хотел попросить у тебя кусочек дерева для моего Петрушки.

Вишня обрадовался.

«Отвяжусь я от этого проклятого полена», — подумал он и, взяв со станка полено, протянул его куму:

— На вот, возьми!

Но полено вдруг вырвалось из рук Антона и само принялось колотить Рыжика.

— Ах вот какие твои подарки! — закричал Рыжик.

— Ей-богу, это не я!

— Значит, я сам себя бью?

— Это полено тебя колотит.

— Я знаю, что полено меня колотит, я знаю, что ты меня давно собирався убить.

— Вот дурак беспамятный!

— От дурака слышу!

— Не ругай меня дураком, а то и я тебя обругаю... Рыжик!

— Осел!

— Рыжик!

— СКотина!

— Рыжик!

— Скверная обезьяна!

— Рыжик!

Услышав в третий раз «Рыжик», Карло принялся колотить кума. После этой второй потасовки у Антона оказался исцарапанный нос, а у Карло не хватало двух пуговиц на куртке.

Старики устали, запыхались и, протянув друг другу руки, второй раз поклялись в дружбе, кончилось дело тем, что, взяв полено под мышку и прихрамывая, Карло направился домой.

... Взяв полено под мышку и прихрамывая, Карло направился домой

Карло, вернувшись домой, сейчас же принимается мастерить Петрушку

Карло жил в полутемной каморке под лестницей. Стояли в ней безногое кресло, узенькая койка да разломанный столик. В глубине виднелся затопленный камин. Но огонь в камине был нарисованный, также был нарисован над огнем кипящий чугунок.

Карло вошел в каморку и принялся за дело.

«Как бы мне назвать Петрушку? — раздумывал он. — Назову-ка его Пиноккио. Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство — всех их звали Пиноккио. Отец — Пиноккио, мать — Пиноккио, дети — Пиноккио, все они жили прекрасно... Самый богатый из них просил милостыню.

Так Карло назвал Петрушку Пиноккио и принялся за дело: вырезал на полене волосы, потом лоб, потом глаза.

Но представьте себе его изумление, когда глаза вдруг сами зашлись и уставились ему в лицо.

Карло перепугался, но не подал виду, а только ласково спросил:
— Деревянные глазки, почему вы на меня уставились?

Но Петрушка молчал. Карло продолжал строгать. Выточил нос, но только кончил вытачивать, — вдруг нос принялся расти и вырос такой длинный, что Карло даже крикнул:

— Вот так носище!

И стал было спиливать его, но не тут-то было: нос так и остался носищем. Карло принялся за рот, но не успел его вырезать как следует, — вдруг рот стал хохотать как сумасшедший.

— Перестань! — крикнул Карло.

Петрушка дал ему ногой пинка прямо в нос

Рот перестал хохотать, но изо рта высунулся длинный-предлинный язык и стал дразниться. Не обращая уже внимания на эти проказы, Карло продолжал прилежно работать: строгать, точить, ковырять Петрушку. Сделал подбородок, шею, плечи, туловище, руки. Но едва кончил стругать руки, — хват! — руки стащили парик с его головы.

— Отдай парик! — закричал Карло.

А Петрушка уже нахлобучил себе парик на голову по самые глаза и — хохочет, заливаясь.

Видя все это, Карло ужасно огорчился и, обратившись к Петрушке, сказал:

— Я еще мастерить тебя не кончил, а ты уже за проказы принялся. Это очень плохо с твоей стороны!

Карло сказал все это и даже вытер глаза рукавом, — так ему стало обидно. Теперь оставалось сделать только ноги. Петрушка дал ему ногой пинка прямо в нос.

«Я этого не заслужил, — подумал Карло. — Но ничего не поделаешь, надо кончать работу». Он поставил Петрушку на пол, и стал учить его ходить. Пиноккио выучился ходить очень скоро, стал бегать, прыгать, а потом — скок, скок! — и за дверь.

Карло за ним... Но где уж тут... Петрушка прыгал, как заяц, только ножки деревянные постукивали по камням.

— Держи его! Держи его! — завопил Карло.

Прохожие, видя бегущего Петрушку, только хохотали от восторга. К счастью, на углу улицы стоял городской. Заслышав крик и хохот, городской подумал, что должно быть у кого-нибудь убежал из конюшни жеребенок, и решил его поймать во что бы то ни стало.

Он расставил огромные ноги, стал посреди улицы и ждал. Увидав полицейского, Петрушка хотел прошмыгнуть у него между ног, — но не тут-то было. Полицейский поймал его и, защемя двумя пальцами нос Пиноккио, сдал его с рук на руки Карло.

Карло хотел было надрать уши шалунишке, но представьте себе, — ушей у Пиноккио и не оказалось: второпях Карло забыл сделать уши. Тогда, схватив озорника за шиворот, Карло потащил его домой.

— погоди, разделаюсь я с тобой, разбойник.

Пиноккио, испугавшись, бросился на землю и не двигался, как мертвый. Собралась толпа. Стали судить да рядить:

— Бедняжка, — жалели одни, — конечно, он боится идти домой, старик избьет его до полусмерти.

Другие говорили:

— Карло — это ехидный старикашка: он только притворяется хорошим человеком, а с детьми зверь! Он убьет несчастного Петрушку. Искрошит его в куски.

Одним словом, прохожие такого наболтали, что полицейский отпустил Пиноккио и повел в тюрьму старого Карло. Бедняга шел и выл, как теленок:

— Ой, ой, ой! Себе на горе сделал я проклятого Петрушку!

Встреча Пиноккио с Говорящим Сверчком

Итак, Карло ни за что ни про что потащили в тюрьму, а плутишка Пиноккио вприпрыжку, как заяц, за Которым гонятся охотники, перемахивая через плетни, лужи и канавы, побежал домой. Дверь оставалась незапертой. Он юркнул вовнутрь и бросился, отдуваясь, прямо на пол.

— Ух, слава богу! Удрал!

Но радость его длилась недолго. В комнате он был не один, — слышалось какое-то потрескивание:

— Кри-кри-кри-кри!

— Кто здесь? — спросил Пиноккио.

— Я!

Пиноккио оглянулся и увидел огромного Сверчка, медленно ползущего по стене.

— Кто ты такой? Как сюда попал?

— Я Говорящий Сверчок и живу в этой комнате больше ста лет.

— Но сейчас я здесь хозяин, убирайся отсюда!

— Я уйду, — покорно ответил Сверчок, — но прежде мне нужно поговорить с тобой об очень важных вещах.

— Говори, только поскорее!

Сверчок поскреб ножками по стене и сказал с укоризной:

— Детей, убегающих из родного дома, ожидают в жизни большие несчастья. Погоди, придет время — раскаешься!

— Болтай, пустомеля! — захохотал Пиноккио. — Завтра чуть свет убегу отсюда куда глаза глядят. А то еще, чего доброго, пошлют в школу учиться. Я не дурак. Гораздо веселее гоняться за бабочками, лазить по деревьям, разорять птичьи гнезда...

— Эх ты, дурачок! — сказал Сверчок и покачал головкой. — Жаль, жаль мне тебя.

— Молчи! — закричал Пиноккио. — Очень мне нужны твои наставления!

Но Сверчок не обиделся и продолжал спокойно:

— Если тебе не хочется учиться, — выбери какое-нибудь ремесло. Мало ли их есть на свете! Будешь зарабатывать на хлеб.

— Мне нравится одно на свете — пить, есть, спать и ничего не делать!

— Ах, прольешь ты горькие слезы когда-нибудь.

— Это почему это?

— Потому что ты дурачок...

— Это почему это я дурачок?

— Потому что у тебя деревянная голова.

Пиноккио схватил со станка молоток и пустил его в голову Сверчку. Бедный Сверчок только пискнул в последний раз — кри-кри — и упал кверху лапками.

Настала ночь. У Пиноккио целый день крошки не было во рту. Проголодался он ужасно и пошел к камину, над Которым весело кипел Котелок. Сунул было туда нос: нет ли съестного в Котелке? Но и камин и Котелок были поддельные, нарисованные. Нос от этого у Петрушки вытянулся еще пальца на четыре.

Пиноккио стал шарить по ящикам. Хоть бы корочку хлеба найти, хоть косточку, обглоданную кошкой, хоть ложечку вчерашней похлебки. Но ничего-то у Карло не было запасено на ужин, — положительно ни крошечки, ни кусочка. Голод не тетка. Петрушка зевал, раздирал рот до ушей, зевал и плевал, а в животе урчало да урчало.

Наконец он расплакался, стал причитывать:

— Прав был Говорящий Сверчок, зачем я убежал из дому?

Если бы папу Карло не посадили в тюрьму, он бы дал мне поесть, яичко бы облупил, каши бы дал с маслом... Ой, есть хочется!

В это время он увидел, что в корзинке со стружками что-то бежится...

Пиноккио кинулся:

— Батюшки! Яйцо! — Он схватил его, щупал, гладил, целовал.

— Эх, жалко, масла нет, вот бы яишенку поджарить!

— Сварить его разве? Нет! Так проглочу, сырым!

Пиноккио разбил скорлупку — и сейчас же из яйца пискнул тоненький голосок:

— Спасибо, Пиноккио.

Это был хорошенький Цыпленок. Он вылез из яйца, расправил крылышки и выскочил в окно — только его и видели!

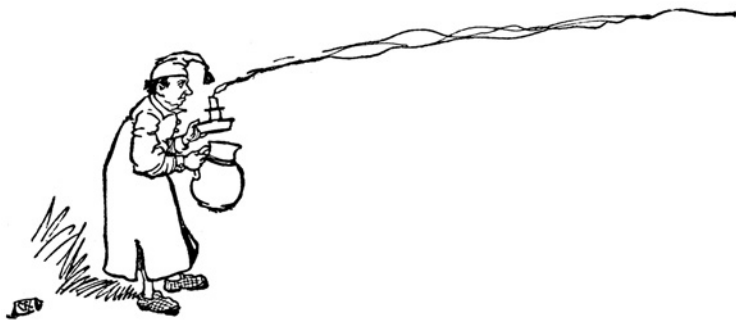
Пиноккио разинул рот и заревел, стал топтать ногами.

— Прав, прав был Говорящий Сверчок! Ой, как есть хочется!

*Была холодная, ветреная зимняя ночь.
Деревья шумели, ставни хлопали. Пиноккио дрожал от страха*

Пиноккио засыпает, положив ноги на решетку очага, и просыпается без ног

Была холодная, ветреная зимняя ночь. Деревья шумели, ставни хлопали. Пиноккио дрожал от страха.

— Нет, — решил он, — я тут не останусь. Побегу в деревню, там кто-нибудь приютит бедного Петрушку, дадут, может быть, кусочек хлеба.

Пиноккио пошел на деревню, но на деревне все спали. Лавки были закрыты, огни погашены. В отчаянии он дернул звонок у какой-то двери. Сейчас же в окошко высунулся старик в ночном колпаке и сердито спросил:

— Что за негодяй звонит в такой поздний час?

— Подайте милостыньку бедному Петрушке!

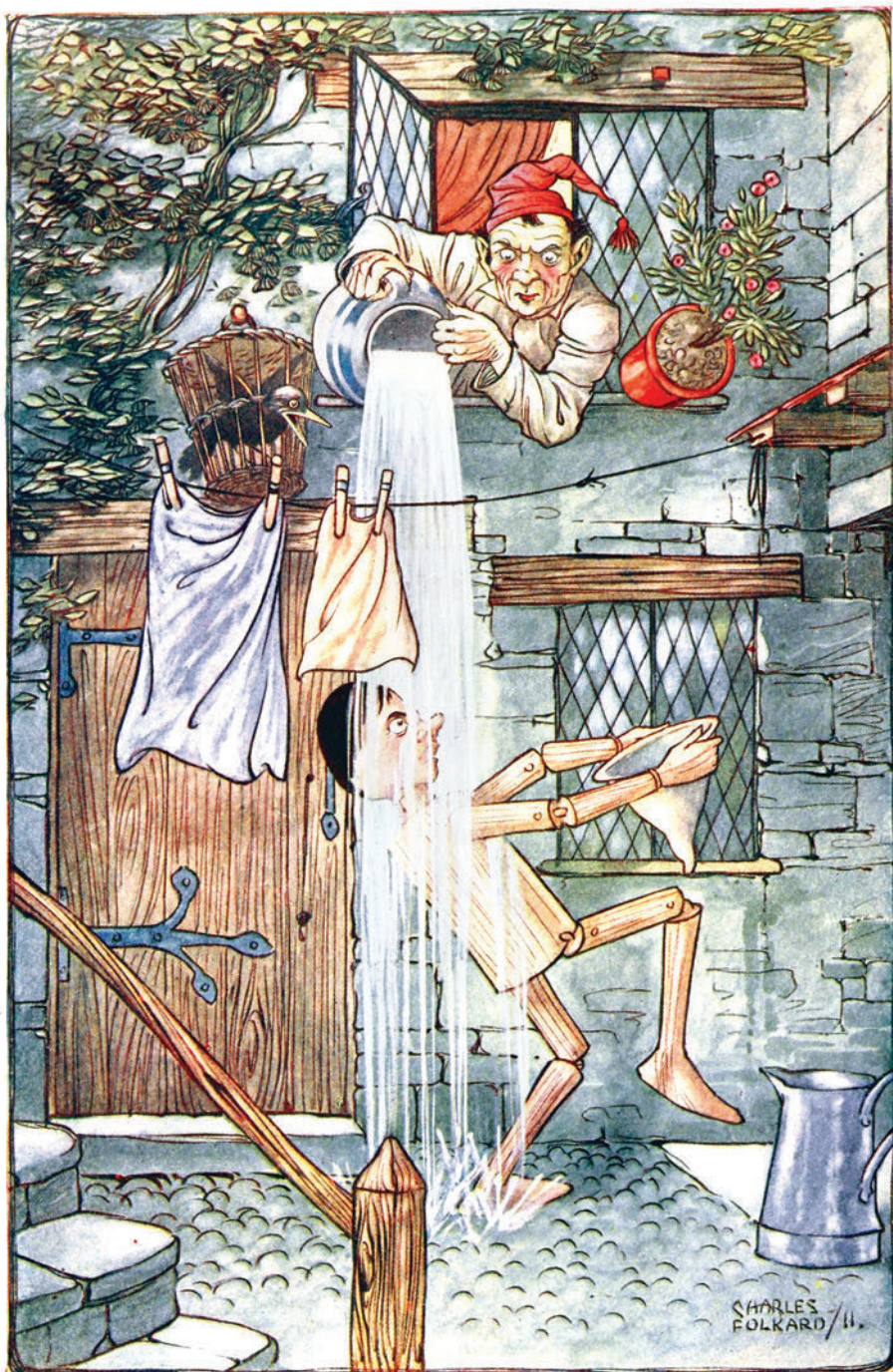
— Сейчас! Сейчас! — ответил старик, думая, что это один из тех шалунов, Которые забавляются тем, что будят добрых людей по ночам.

Через минутку он опять появился в окне.

— Держи шапку!

Но у Пиноккио шапки не было. Он подошел под самое окно и поднял голову, — и старик с головы до ног окатил его из ведра студенной водой. Пиноккио вернулся домой как мокрая курица, шатаясь от голода. Сел на табуретку, положил ноги на решетку очага и заснул как убитый. Пиноккио храпел, а деревянные ноги его тлели да тлели в очаге, пока не обуглились до колен. Разбудил его утром стук в дверь.

— Кто там? — спросил Пиноккио, протирая глаза.

*Он подошел под самое окно и поднял голову, —
и старик с головы до ног окатил его из ведра студеной водой*

— Отвори! Это я, — Карло!
Пиноккио спросонок вскочил и тут же упал на пол, — ноги его сгорели.

— Отопри! — кричал Карло.
— Папа, милый, не могу, у меня кто-то отъел ноги.
— Кто отъел?
— Должно быть, Кот отъел, — заревел Пиноккио, видя Кота, игравшего со стружками.

— Врешь ты все... Отпирай! — сердился Карло.

— Не могу, папа. Ей-богу, у меня ног нет! Теперь всю жизнь буду ползать на коленях! Ой, ой, ой!

Карло, думая, что Пиноккио опять затевает какую-то проделку, полез в окно, ворча:

— погоди! Я тебе задам, озорник!

Но, увидав Пиноккио на полу без ног, Карло схватил его на руки и стал его осыпать поцелуями.

— Как же ты умудрился сжечь ножки, сынишка мой милый?

— Не знаю, папа! Гроза была, ветер, дождик, а Говорящий Сверчок сказал: «Так тебе и надо, потому что ты злой и непослушный». Я сказал ему тогда: «Берегись, Сверчок!» А он сказал: «У тебя деревянная голова!» Тогда я запустил в него молотком. Но я не виноват. А старик в ночном колпаке крикнул из окошка: «Держи шапку!» — и облил меня водой, а я только хлебца хотел попросить... Вернулся я домой голодный, положил ноги на очаг. Они сгорели...

Пиноккио рыдал и кричал так громко, что, наверно, было слышно верст за пять от этого места.

Из всего рассказа Карло понял только то, что Петрушка умирает с голоду. Он вытащил из кармана три груши и сказал:

— Эти груши я припас себе на завтрак, все равно — ешь, мне не жалко.

— Если вы желаете, чтобы я съел груши, тогда очистите их, — сказал Пиноккио.

— Очистить груши? — удивился Карло. — Вот уж никогда не думал, что ты такой привередливый! Это нехорошо! Дети должны есть все, что им дают. Неизвестно еще, как тебе придется жить на свете! Всяко бывает!

— Груши с кожей я есть не стану, — сказал Пиноккио.

Карло ничего на это не ответил, вынул из кармана ножик, очистил груши, а кожуру положил тут же, на стол.

Съев первую грушу, Пиноккио хотел было бросить сердцевину, но Карло удержал его за руку:

— Не бросай, ничего не нужно бросать, все в жизни пригодится. Всяко бывает!

— Ну уж сердцевину-то я есть не стану.

— Кто знает? Всяко бывает! Может быть, и съешь, — спокойно повторил Карло.

Три сердцевинки он положил тут же, на уголок стола, около кожицы. Съев в один миг все три груши, Пиноккио стал опять зевать с голода.

— Есть хочу!

— Но у меня больше ничего нет, голубчик.

— Как ничего больше нет?

— Вот только кожа да сердцевинки!

— Ну ладно...

Пиноккио принялся за кожу и сердцевинки, и от них не осталось ни крошки...

— Вот видишь, — сказал Карло. — Всяко бывает.

Карло делает Пиноккио новые ноги

После завтрака Пиноккио снова ударился в слезы:

— Как же я теперь буду жить без ног?

Но Карло все еще немного сердился и заставил Петрушку плакать до полудня.

— Сделаю тебе новые ноги, — ведь опять убежишь?

— Нет и нет, — клялся Пиноккио. — Я теперь послушный, шелковый...

— Все говорят, что шелковые, когда им что-нибудь нужно.

— Я не такой, папа Карло. Я научусь ремеслу, буду вашей опорой в старости, я хороший.

Наконец Карло сжалился, — не говоря ни слова, взял два куска дерева, и принялся выстругивать новые ноги. Через час они были готовы. Две хорошенькие, резвые ножки! Лучше даже прежних.

Карло подмигнул и сказал:

— Ну, Пиноккио, ложись спать, утро вечера мудренее. Пиноккио лег и сейчас же притворился спящим. Но он отлично видел, как Карло стал прилаживать и приклеивать ему ноги, да так хорошо их приклеил, что никто бы и не догадался, что это не те ноги, какие у него были раньше. Пиноккио соскочил со стола и начал скакать по комнате как сумасшедший.

— Ах, папа Карло, вы не можете себе представить, как я вам благодарен, я даже непременно пойду завтра в школу учиться.

— Очень хорошо сделаешь, братец.

— Но как же я пойду голый?

Карло сказал: — Эге!

У бедного Карло грошика не было в кармане, где уж там покупать одежду Петрушке. Он подумал-подумал и сделал ему курточку

из цветной бумаги, сапожки из бересты и шапочку из хлебного мякиша.

Пиноккио погляделся вместо зеркала в ведро с водой и остался очень доволен.

— Но как же я пойду без азбуки, папа Карло?

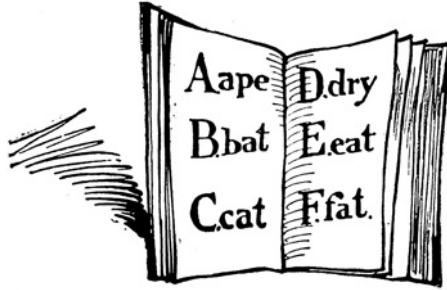
— Да, азбуку надо купить.

— Поди купи!

— Купи? Купишек нет! Ну ничего, — сказал Карло, — подожди!

Накинул на плечи старую, заплатанную куртку и пошел на улицу. Он скоро вернулся, неся в руках азбуку, но без куртки на плечах, ее не было — исчезла.

- Где же ваша куртка? — спросил Пиноккио.
- Продал.
- Зачем?

— А на что мне куртка? Обойдусь!
Пиноккио все понял и, бросившись папе Карло на шею, стал целовать его. Карло опять вытер глаза рукавом.

Издали слышались веселые звуки флейт и барабана

Пиноккио продает азбуку и покупает билет в кукольный театр

С азбукой под мышкой Пиноккио бежал в школу и думал о разных хороших вещах.

«Сегодня я научусь читать, а завтра — писать, а послезавтра — считать... Потом начну зарабатывать деньги и сразу разбогатею. Сейчас же куплю папе Карло суконную куртку... Что суконную... Золотую куплю, с бриллиантовыми пуговицами. Хороший человек папа Карло — в такой холод продал единственную свою куртку, купил мне азбуку».

Пиноккио шел и сам с собою разговаривал, а издали слышались веселые звуки флейт и барабана.

— Пи-пи-пи-пи — трум, трум, трум! — пи-пи-пи-пи...

Он остановился. Играли, очевидно, в маленькой деревушке, в той, что стоит на берегу моря.

«Какая прекрасная музыка. Жалко, что мне нужно идти в школу, — подумал Пиноккио. — Разве сбежать разузнать, что это там за пи-пи-пи — трум, трум, трум! — пи-пи-пи? Ладно, — школа и завтра не убежит, пойду послушаю, что это за пи-пи-трум...»

И он пустился бежать рысью по переулку к берегу.

В деревушке у моря, на площади, вокруг размалеванного балагана уже собралась огромная толпа.

— Что это за балаган? — спросил Пиноккио у мальчишки.

— Прочти афишу — узнаешь.

— Я ведь потому тебя и спрашиваю, что не умею читать.

— Вот осел, читать не умеет. Ну, слушай, я тебе прочту:

БОЛЬШОЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

— А скоро начнется представление?

— Сейчас начнется.

— А сколько стоит вход?

— Четыре сольдо.

Пиноккио дрожал от любопытства, но денег у него не было.

— Одолжи мне, пожалуйста, четыре сольдо до завтра, — попросил он мальчишку.

— Дал бы я тебе четыре сольдо, — ответил мальчишка насмешливо, — дал бы я тебе четыре сольдо, жалко, деньги дома оставил.

— Вот что! Купи у меня за четыре сольдо курточку.

Мальчишка обидно засмеялся.

— Из цветной-то бумаги! Хороша курточка, да она размокнет от первого дождя.

— Ну, тогда сапоги купи!

— Печку что ли мне твоими сапогами растапливать?

— Ну, возьми шапку!

— Вот так шапка. Да ведь она... Да ведь она из мякиша. Это чтоб мне мыши голову отъели?

Пиноккио был в отчаянии. У него еще не хватало духу сделать последнее предложение. Наконец он решился и на это:

— Возьми у меня за четыре сольдо азбуку.

— На, получай деньги!

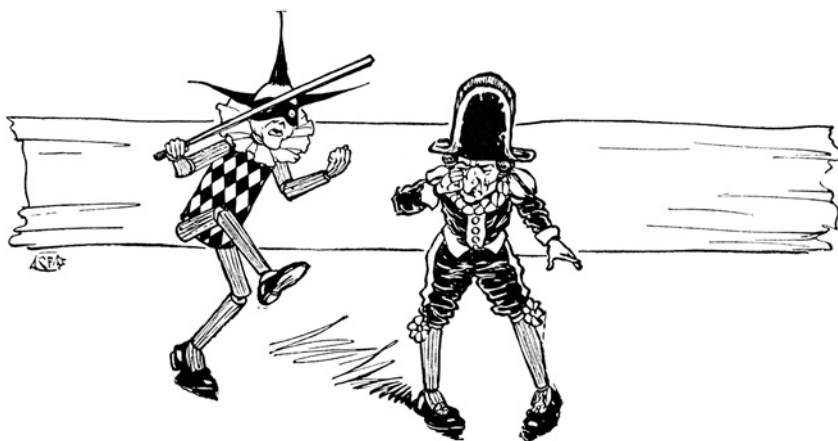

Наконец он решился и на это:
— Возьми у меня за четыре сольдо азбуку.

*Балаган весь гудел от восторга,
точно перед зрителями были не куклы, а живые люди*

Куклы узнают братушку, деревянного Петрушку

Пиноккио взял билет и вошел в кукольный театр. Представление уже началось. На сцене по правилам кукольной комедии ссорились Паяц и Арлекин и уже готовились начать потасовку. Балаган весь гудел от восторга, точно перед зрителями были не куклы, а живые люди.

Но вдруг неожиданно Арлекин, совсем не из своей роли, кинулся к рампе и закричал на весь театр:

- Пиноккио!!!
- Пиноккио! Это Пиноккио! — закричал Паяц.
- Это он! Это он! — закричали хором все куклы, перескакивая через рампу. — Пиноккио! Братец Пиноккио!

Пиноккио одним прыжком махнул через стулья, через кресла прямо на лысину капельмейстеру¹ и с лысины прыгнул на сцену. Невозможно вообразить себе всех объятий, поцелуев, дружеских щипков, Которыми встретили его деревянные куклы.

Это было очень трогательное зрелище, но публика уже кричала в нетерпенье:

- Довольно! Продолжайте! Продолжайте комедию!

Но куклы ничего не хотели знать и, подняв Пиноккио на плечи, торжественно понесли его по сцене.

Услышав весь этот гвалт, из-за сцены вышел человек такой ужасной наружности, что можно было содрогнуться при одном взгляде на это чудовище!

¹ *Капельмейстер* — дирижер хоровой капеллы или оркестра.

*Пиноккио одним прыжком махнул через стулья, через кресла
прямо на лысину капельмейстеру и с лысины прыгнул на сцену*

*Но куклы ничего не хотели знать
и, подняв Пиноккио на плечи, торжественно понесли его по сцене*

Его длинная, черная, как чернила, борода тащилась по полу, огромный рот лязгал зубами, точно это был не человек, а крокодил, глаза горели, как два красные фонаря, а в руках он держал бич, свитый из змеиных и лисьих хвостов.

Лишь только он появился, куклы замерли на местах, окаменели от ужаса.

— Как ты смел помешать представлению?! — грозно закричал страшный человек на Пиноккио.

— Я не виноват, — извините.

— Ладно, после разберемся!

Когда пьеса кончилась и занавес опустился, страшный человек пошел в кухню, где на вертеле уже жарился целый баран ему на ужин, и, увидав, что не хватает дров, кликнул Арлекина и Паяца:

— Принесите-ка мне этого молодчика Пиноккио. Он висит на сцене на гвоздике. Он сделан из сухого дерева, и, если подкинуть его в печку, мой баран отлично дожарится.

Арлекин и Паяц ни за что не хотели идти, но хозяин так грозно посмотрел на бедных кукол, что они бросились со всех ног и чуть не плача принесли в кухню отчаянно рыдающего Петрушку.

— Я не хочу умирать! Папа Карло, спаси меня!

Человек со страшной бородой чихает и прощает Пиноккио

Директор кукольного театра — страшилище с черной бородой, покрывавшей, как фартуком, его грудь и живот до самой земли, был человек, в сущности говоря, совсем не злой. Когда куклы притасили Пиноккио, не хотевшего умирать, человек со страшной бородой пожалел его от души, но долго не показывал вида, что жалеет... не показывал, не показывал, да вдруг как чихнет:

— Ап-чхи!

Арлекин, услышав это, обрадовался и сейчас же шепнул на ухо Пиноккио:

— Он чихнул! Это хороший знак. Значит, он тебя пожалел!

Иные люди, когда жалеют — плачут или делают вид, что плачут.

Директор кукольного театра всегда в этих случаях — чихал, и куклы отлично знали, что это значит.

Чихнув еще раз, человек с бородой, все еще притворяясь злым, грубо закричал на Пиноккио:

— Не реви! У меня от твоего рева в животе урчит! Ап-чхи!

— Будьте здоровы! — сказал Пиноккио.

— Спасибо! А что, родители твои живы? Ап-чхи!

— Папа жив, а мамы у меня никогда не было...

— Воображаю, каково было бы узнать твоему папе, что я тебя сжег в печке!.. Жаль мне твоего папу. Ап-чхи! Ап-чхи!

— Будьте здоровы!

— Спасибо! Но нужно пожалеть и меня! Что я буду есть сегодня, если баран не дожарится, а я бы тобой отлично подтопил печку! Ну, ничего, подброшу другую куклу из труппы! Полицейские! — скомандовал бородач.

На зов сейчас же пришли два полицейских, длинные-длинные, тонкие-тонкие, — в касках и с обнаженными саблями.

— Возьмите Арлекина, свяжите его покрепче и бросьте в печку!

У Арлекина от ужаса подкосились ноги, и он упал на пол как мертвый.

Пиноккио при виде этого ужасного зрелища бросился к ногам директора кукольного театра и, обливая слезами его бороду, стал умолять:

— Пощадите его! Пожалейте!

— Тут ни о какой жалости не может быть разговора. Я пощадил тебя, значит, должен бросить в печку Арлекина, иначе баран не дожарится...

*Пиноккио при виде этого ужасного зрелища бросился к ногам
директора кукольного театра и, обливая слезами его бороду,
стал умолять: — Пощадите его! Пожалейте!*

Тогда Пиноккио вскочил, выпрямился и бросил на пол шапочку из хлебного мякиша.

— Я знаю, что мне делать... Солдаты, вяжите меня, бросайте в огонь! Я не хочу, чтоб из-за меня погиб мой верный друг Арлекин.

Эти слова вызвали слезы у всей труппы. Плакали даже деревянные солдаты...

Директор кукольного театра сначала был неумолим. Но мало-помалу слезы кукол растрогали его. Чихнув раз пятьдесят подряд, он неожиданно сказал Пиноккио:

— Ты хороший товарищ! Поди, я тебя поцелую!

Пиноккио сейчас же вскарабкался по бороде и поцеловал страшилище в кончик носа.

— Ну, видно, придется поужинать недожаренным бараном! Ничего не поделаешь! Но берегитесь в другой раз, дьяволята! — погрозил бородач куклам.

Все куклы бросились от радости на сцену, зажгли огни и как безумные прыгали и плясали до самого рассвета.

Бородач дарит Пиноккио пять золотых и отпускает его домой

На другой день бородач позвал Пиноккио и спросил:

— Как зовут твоего отца? Чем он занимается?

— Бедствует!

— Как так бедствует?

— У него никогда в кармане гроша нет, куртку последнюю с плеч снял, чтобы мне азбуку купить.

— Ах, бедняга! Ну вот что: беги сейчас домой, кланяйся отцу, передай ему — на! — подарок.

И человек со страшной бородой протянул Пиноккио пять золотых. Пиноккио поблагодарил, расцеловался со всеми куклами, зажал деньги в кулак и побежал домой.

Но не пробежал он и полверсты, как навстречу ему попались хромая Лиса и слепой Кот. Лиса ковыляла на трех лапах, а Кот был слеп на оба глаза. Калеки водили друг друга по дорогам, выпрашивали на пропитание.

— Здравствуй, Пиноккио, — приветливо поклонившись, сказала Лиса.

— Ты откуда знаешь, что я Пиноккио?

— Ах, мы очень хорошо знакомы с твоим отцом, — прямо сердечные друзья... Вчера смотрю — стоит он около своего дома, в одной рубашке, трясется от холода...

— Бедный, бедный папа Карло, — вздохнул Пиноккио, — ну, теперь, слава богу, он больше не будет трястись от холода.

— Почему? — спросила Лиса и с любопытством заглянула в глаза Пиноккио.

— А потому, что я страшно разбогател.

— Ты?! Разбогател? Лиса засмеялась, а за ней и Кот фыркнул со смеха в усы.

— Нечего зубы скалить! А это видела? — И Пиноккио ткнул под нос Лисе горсть золотых.

Увидев деньги, Лиса невольно протянулась к ним больной лапой, а Кот вдруг широко раскрыл слепые глаза, и они сверкнули, как зеленые фонари.

Но Пиноккио ничего этого не заметил.

— Что же ты с этими деньгами делать будешь? — спросила Лиса.

— Куплю папе Карло золотую куртку с бриллиантовыми пуговицами, а себе куплю азбуку.

— Азбуку, — да на что она тебе?

— Буду ходить в школу, учиться...

— Ах, ах, — сказала Лиса, — не доведет тебя до добра это ученье, вот я — училась, училась и — гляди — на трех лапах бегаю.

— Это верно, — сказал Кот, — через это проклятое ученье я глаз лишился.

На заборе в это время сидела Ворона, слушала, слушала, что говорят Кот и Лиса, и каркнула:

— Не слушай их, Пиноккио, обманывают...

Но не успела докаркать, — Кот подскочил, как резиновый мячик, сшиб лапой ворону с забора и в одну минуту свернул ей голову. Затем умылся и опять представился, будто он слепой. Пиноккио эти шутки не понравились.

— За что ты ее, Кот? Что она тебе сделала?!

— А за то, что не суйся не в свои дела! — сказал Кот.

Прошли они втроем еще с полверсты. Лиса сказала Пиноккио:

— Хочешь, чтобы у тебя денег вдвое больше стало? Что вдвое, — впятеро, в тысячу раз больше?

— Еще бы не хотеть! А как это делается?

— Очень просто! Пойдем с нами.

— Куда?

— В Страну дураков.

На заборе в это время сидела Ворона,
слушала, слушала, что говорят Кот и Лиса, и каркнула:
— Не слушай их, Пиноккио, обманывают...

Пиноккио немного подумал:

— Нет, не могу. Я сейчас около дома, папа Карло ждет меня со вчерашнего дня... Домой пойду.

— Ну иди, иди, пожалуйста, — сказала Лиса, — тем хуже для тебя.

— Тем хуже для тебя! — повторил Кот.

— Сам себе ты враг.

— Ты сам себе враг, — повторил Кот.

— Твои пять золотых превратились бы в две тысячи...

— Как это так? — Пиноккио остановился, разинул рот.

— Я тебе сейчас объясню. В Стране дураков есть волшебное поле. Оно называется Поле чудес. На этом поле выкопай ямку и положи в нее, например, один золотой, сверху затруси землицей, потом брось щепотку соли, полей хорошенько и поди спать. Ночью твой золотой даст росток, а к утру вырастет в прекрасное дерево, и на ветках у него, как гроздья, будут висеть золотые монеты.

— А если зарюю я все пять золотых, — сколько же их вырастет наутро?

— Считай по пальцам: из каждого золотого вырастет пятьсот, помножь пятьсот на пять. Значит, утром у тебя будет две тысячи пятьсот золотых.

Пиноккио подпрыгнул:

— Вот так здорово! Идемте скорее в Страну дураков... Как только вырастут деньги — две тысячи возьму себе, а пятьсот подарю вам.

— Нам подаришь? — обиделась Лиса. — Боже сохрани, нам ничего не надо, мы только для тебя стараемся.

*Какая уж там еда: все думал, как завтра разбогатеет,
как обрадуется папа Карло*

Харчевня «Вареного Рака»

Шли, шли, шли и наконец дошли до харчевни «Вареного Рака». Устали вдребезги, еле ноги волочили.

Лиса предложила:

— Закусить бы нам не мешало, отдохнуть немного, а, чуть свет, пойдем на Поле чудес.

Пиноккио, Лиса и Кот уселись за стол в харчевне и заказали обед. Кот съел пять жареных карасей и курицу, а Лиса слопала жареного зайца и двух куропаток. Меньше всех ел Пиноккио, — он спросил горсточку орешков да кусочек хлебца, но и того не доел.

Какая уж там еда: все думал, как завтра разбогатеет, как обрадуется папа Карло.

После ужина Лиса сказала хозяину:

— Приготовьте две комнаты: одну для господина Пиноккио, другую для меня с товарищем. Нам нужно отдохнуть перед дорогой. Но как стукнет полночь, буди нас всех! Понял?

Пиноккио заснул как убитый, снилось ему Поле чудес. На деревьях гроздьями, как виноград, висели золотые монеты. Он уже протягивал к ним руки — вот-вот схватит... В эту минуту в дверь постучали.

— Вставайте, господин Пиноккио, полночь пробила!

— Товарищи встали?

— Товарищи ваши давно уж ушли.

— Как так ушли?

— Кот, видите ли, получил неприятное известие из дому: его младший сынишка обморозил лапки, лежит при смерти.

— Они вам заплатили за ужин?

— Нет, ничего не платили...

Пиноккио почесал в затылке и спросил:

— А что, они ничего не просили мне передать?

— Просили передать, что ждут вас на рассвете на Поле чудес.

Пиноккио расплатился с хозяином, — дал ему целый золотой, оделся и вышел.

Было так темно, что пришлось пробираться ощупью. Вся деревня спала. Только ночные птицы задевали крыльями за длинный нос Пиноккио и с удивлением спрашивали:

— Кто это? Кто это?

Было черно, как в чернильнице, только на стволе какого-то дерева трепетала бледная, светящаяся тень. Пиноккио остановился, посмотрел на тень, спросил с опаской:

— Кто здесь?

— Это я, — призрак Говорящего Сверчка, Которого ты убил молотком, — ответила слабым голосом тень. — Я ждал тебя! Я хочу в последний раз дать тебе добрый совет: пойди сейчас же к папе Карло и отдай ему четыре золотые монеты. Он в отчаянии, он думает, что тебя в живых уж нет. Послушайся меня, Пиноккио.

— Ах, как все это мне надоело! Да пойми ты: завтра мы с папой Карло станем богачами! — сказал Пиноккио.

— Не верь Коту и Лисе. Они тебя обманывают. Иди домой, Пиноккио.

— Пойду я не домой, а пойду я к Коту и Лисе на Поле чудес, — сказал Пиноккио. — А ты пропади — кыш!

— Хорошо, я пропаду, Пиноккио. Но ты меня еще вспомнишь не один раз. Ох, бойся разбойников на этой дороге! Бойся...

И бледно-голубоватая тень растаяла в темноте. Стало темнее прежнего.

Пиноккио встречает по дороге разбойников

Не успел Пиноккио пройти и десяти шагов, как вдруг сбоку в темных кустах зашуршали прошлогодние листья. Пиноккио присел от страха.

К нему вприпрыжку бесшумно бежали две черные фигуры, в мешках, с прорезанными дырками для рук, ног и глаз.

— Разбойники! Накликал проклятый Сверчок!

Пиноккио живо сунул золотые монеты в рот, под язык, и пустился бежать. Но разбойники тотчас схватили его за руки и в один голос закричали:

— Кошелек или жизнь!

Пиноккио, конечно, не мог ничего ответить, — мешали монеты под языком.

— Я бедный Петрушка, — показывал он жестами. — У меня нет ни гроша.

Но разбойники знать ничего не хотели.

— Не притворяйся, — давай деньги!

Пиноккио в отчаянии разводил руками. Приседал, крутил носом.

— Деньги! — крикнул разбойник, тот, что был повыше ростом. — Деньги давай, а то голову отрежу!

— Ой, ой, ой! — крикнул Пиноккио и золотые зазвенели у него под языком.

— Ага! Негодяй! Вот у него где деньги, ага! — завyli разбойники. — Выплюнь, выплюнь, тебе говорят...

Но Пиноккио сжал рот, молчал, тарачился.

— Ну, погоди, ты у нас выплунешь деньги! — И один разбойник схватил Пиноккио за нос, а другой за ноги, и они стали тащить его в разные стороны. — Выплюнь деньги!

Пиноккио стиснул зубы, старания разбойников были напрасны. Тогда один из них, поменьше ростом, вытащил из-за пазухи нож и начал разжимать им зубы Пиноккио. И совсем было разжал, но Пиноккио изо всей силы укусил разбойника за руку. И вообразите себе его удивление, когда он увидел, что это была кошачья лапа.

Разбойник завопил от страшной боли. Пиноккио вырвался, вскарабкался, как белка, на забор, перелез на другую сторону, спрыгнул на землю и пустился бежать по пустынному полю.

Разбойники кинулись за ним в погоню.

Пробежав с версту, Пиноккио упал на землю, задыхаясь от усталости. Но разбойники уже были близко. Тогда он огляделся, полез на дерево, влез на самую верхушку.

Разбойники сейчас же полезли за ним, но доползли только до середины и свалились на землю, как два мешка, — видимо, они не умели лазить по деревьям.

Свалились, почесались и начали совещаться. Один побежал за хворостом, другой раздул огонь, и скоро под деревом запылал

большой костер. Дым стал есть глаза Пиноккио. Тогда он одним прыжком перепрыгнул на вершину другой сосны, соскользнул на землю и опять побежал по полю. Разбойники завывали и пустились в погоню.

Разбойники преследуют Пиноккио

Рассветало. Пиноккио все бежал и бежал... И — вдруг — ужас! — перед ним — грязная канава, полная воды. Он приостановился — раз, два, три! — и перемахнул через канаву. Разбойники — за ним, но поскользнулись и оба шлепнулись в воду, как лягушки, только брызги полетели.

Петрушка услышал: «Шлеп, шлеп!» — и подумал: «Утонули, голубчики!»

Но не успел передохнуть, оглянулся: опять разбойники бежали за ним как ни в чем не бывало, только грязная вода текла с них ручьями.

Пиноккио выбивался из последних сил, еле бежал, высунув язык. Страшные разбойники в мешках вот-вот готовы были его схватить. Вдруг он увидел за рощицей беленький домик и свернул к нему. Разбойники несколько отстали. Вот и домик... Пиноккио кинулся к двери и постучал... Еще постучал, еще и еще... Ответа не было. Он колотил в дверь кулаками и ногами — никого! Разбойники опять показались за деревьями.

— Помогите! — закричал Пиноккио, сел на ступеньки и заплакал.

В это время в окне домика появилась хорошенькая девочка с голубыми волосами, с закрытыми глазами, с ручками, скрещенными на груди, с восковым личиком. Раскрыв посиневшие губки, она сказала:

— Не стучи! В этом доме никого нет. Все умерли.

— Отопри! За мной гонятся разбойники! — крикнул ей Пиноккио.

— Я не могу тебе отпереть, потому что я тоже умерла. Меня скоро повезут на кладбище.

Пиноккио, разинул было рот от изумления, но в это время две черные руки схватили его за горло:

— Ага! Теперь не уйдешь, голубчик!

Пиноккио задрожал, и под языком у него зазвенели золотые монеты.

— Дзинь! Дзинь! Дзинь!

— Теперь ты откроешь рот! — зарычали разбойники.

И один из них ударил Пиноккио ножом по спине. Но Пиноккио — вы это не забыли — был деревянный, и нож отскочил от его спины, не причинив никакого вреда.

Тогда разбойники решили его повесить. Завязали на веревке петлю, надели петлю Пиноккио на шею, веревку перекинули через ветку большого дуба и со страшным хохотом повесили бедного Пиноккио. Затем сели на землю и стали ждать, когда Пиноккио откроет рот. Прошло очень много времени. Пиноккио все висел да висел, покачивался, но рта так и не открывал.

Разбойники потеряли терпение.

— Прощай, дружок, повиси до завтра! — сказали они зловыми голосами и ушли.

Настал вечер. Холодный ветер трепал дубовые ветки. Бедный Пиноккио раскачивался, а петля на шее затягивалась все туже и туже.

Да, ничего не поделаешь, надо было, видимо, умирать. А так хотелось жить бедному Пиноккио!

— Папа Карло, если бы ты был здесь!

Девочка с голубыми волосами вынимает Пиноккио из петли

В это время девочка с голубыми волосами опять высунулась из окна, пожалась от холода, посмотрела на висящего на ветке дуба Пиноккио и три раза хлопнула в ладоши.

Сейчас же на дереве тяжело захлопал крыльями Коршун и слетел с ветки.

— Что вам угодно, Волшебница? — спросил он, почтительно опуская клюв.

Нужно вам сказать, что девочка с голубыми волосами была очень могущественная Волшебница, Которая несколько тысяч лет жила в этом лесу.

— Видишь несчастного Петрушку, Который висит на сучке? — сказала она Коршуну. — У тебя крепкий клюв, и ты без труда распутаешь узел. Вынь его из петли и положи осторожно на траву под дубом!

Коршун улетел, повозился и минуты через две вернулся.

— Я исполнил ваше приказание, — сказал он, почтительно склоняя клюв.

— Он еще жив?

— Дышит. Ничего — отдышится, ничего — мальчишка здоровый.

Волшебница отпустила Коршуна и опять хлопнула два раза в ладоши. На зов появился великолепный пудель на задних лапах. Был он одет кучером: в курточке шоколадного цвета с бриллиантовыми пуговицами и двумя огромными карманами для костей, Которые ему бросали за обедом, в красных бархатных штанах, в шелковых

*На зов появился великолепный пудель на задних лапах.
Был он одет кучером: в курточке шоколадного цвета
с бриллиантовыми пуговицами*

чулочках и в туфельках с пряжками. На голове у него был кудрявый парик и треуголка со страусовыми перьями. Сзади в разрезе штанов болтался голубой шелковый мешочек. В него он прятал хвост, когда шел дождь.

— Вот что, Медор, — сказала Волшебница, — запряги сейчас же колясочку и поезжай, видишь, к тому дубу, там лежит бедный умирающий Петрушка. Подними его осторожно, положи в колясочку на подушку и привези сюда! Понял?

Пудель, не теряя времени, вильнул хвостом и побежал в каретный сарай.

Скоро небольшая колясочка, запряженная сотней белых мышей, с пуделем на козлах выезжала из ворот. Через четверть часа она вернулась обратно. Волшебница взяла на руки и понесла в дом бесчувственного Пиноккио. В спальне она сейчас же уложила его в кровать и послала за докторами. Один за другим явились три врача: Ворон, Сова и Кузнечик, — самый умный и опытный из всех врачей в этой стране.

Ворон первым подошел к больному, пощупал его пульс, потом кончик носа, потом ноги и мрачно проговорил:

— Я полагаю, что пациент уже умер, но если, к несчастью, еще не умер, то, наверное, жив.

— Мне было бы неприятно противоречить моему товарищу, — сказала Сова, — но, по-моему, Пиноккио жив, если, к несчастью, уже не умер.

Кузнечик осмотрел Пиноккио и сказал:

— Гм... Лицо этого мальчишки мне знакомо...

Пиноккио, лежавший до этого времени неподвижно, вдруг задрожал всем телом.

— Этот мальчишка... — продолжал Кузнечик, — большой плут... Пиноккио приоткрыл глаза и сейчас же снова зажмурился.

— ...Он лгунишка...

Пиноккио зарылся лицом в подушки.

— ...Невероятный шалун... он заставляет страдать папу Карло.

Пиноккио зарыдал. Кузнечик хихикнул.

— Когда покойник плачет, значит, он жив! — мрачно сказал Ворон.

*Один за другим явились три врача: Ворон, Сова и Кузнечик, —
самый умный и опытный из всех врачей в этой стране*

Пиноккио просит сахару, но не желает принимать лекарство

Наконец врачи вышли из комнаты. Волшебница пощупала Пиноккио лоб, затем взяла стакан, размешала в нем белый порошок и поднесла ко рту Пиноккио:

- Выпей, мой дорогой, через несколько дней ты будешь здоров. Пиноккио зарыдал. Кузнечик хихикнул.
- Оно сладкое или горькое?
- Горькое, но тебе будет лучше.
- Горькое я пить не буду.
- Пей! Потом я тебе дам кусочек сахару.
- А где кусочек сахару?
- Вот он, пей скорей!
- Сначала дайте мне сахару, а потом я выпью гадкое лекарство.
- Ты обещаешь?
- Да!

Пиноккио сгрыз сахар в одну минуту, но лекарство пить все-таки не захотел.

— Оно противное, меня тошнит, дайте мне еще кусочек сахару, тогда я, может быть, выпью...

Волшебница дала ему кусочек сахару.

- Ну, теперь пей.
- Не могу!
- Почему?
- Мне мешает подушка на ногах.

Волшебница убрала подушку.

— Закройте дверь!

Волшебница закрыла дверь.

— Одним словом, — закричал Пиноккио, — я не хочу пить эту гадость!

— Но ты расквасеешься! Ты серьезно болен и можешь умереть.

— Ну так что за беда — и умру.

В эту минуту дверь в комнату страшно медленно отворилась, и один за другим вошли четыре черные кролика. На плечах они несли маленький гробик.

— Что вам от меня нужно?! — закричал Пиноккио, в ужасе приподнимаясь на постели.

— Мы пришли за тобой! Ты же хотел умереть, — ответил один из кроликов.

— О Волшебница! Милая Волшебница! — закричал Пиноккио, — Дайте мне скорее гадкое лекарство! — И он выпил лекарство одним духом.

Кролики захихикали и понесли гробик обратно.

Через несколько минут Пиноккио выздоровел совершенно и прыгал по комнате, как коза. Волшебница очень обрадовалась и позвала его к себе:

— Теперь расскажи мне, как на тебя напали разбойники.

Когда Пиноккио кончил рассказывать, как за ним гнались разбойники, Волшебница спросила:

— А куда же девались золотые монеты?

— Я их потерял (а золотые преспокойно лежали у Пиноккио в кармане курточки) .

Но едва только Пиноккио соврал — нос его, и без того длинный, вытянулся пальца на два.

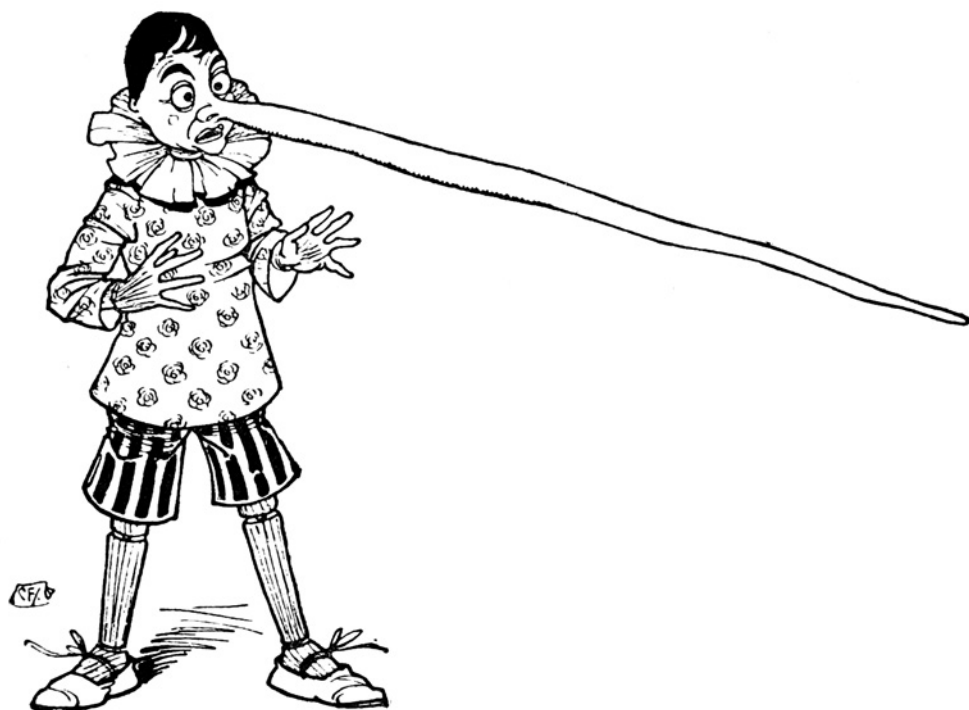
— Где же ты их потерял?

— В лесу!

Нос вырос еще длиннее.

— Если ты их потерял здесь, в лесу, — сказала Волшебница, — мы их непременно найдем. В моем лесу ничего не пропадает.

— Ах нет, постойте! Я теперь только вспомнил. Они у меня были во рту, и я их проглотил вместе с лекарством.

После того как он соврал в третий раз, нос его так вытянулся, что уперся в стену, и Пиноккио почти не мог двигаться, натываясь носом то на кровать, то на стол, то на дверь.

Волшебница хохотала как сумасшедшая.

— Ничего смешного нет, — проворчал Пиноккио, и стал красный, как рак, от стыда.

Видя, что Пиноккио раскаивается, Волшебница хлопнула в ладоши. В окно влетело множество маленьких птичек. Они в одну минуту расклевали нарост на носу Пиноккио, и нос стал лучше прежнего.

*Они в одну минуту расклевали нарост на носу Пиноккио,
и нос стал лучше прежнего*

Пиноккио идет встречать отца

Пиноккио очень понравилось в доме у Волшебницы. Он спросил нельзя, ли ему остаться пожить здесь подольше.

— Оставайся, мой дорогой, — сказала Волшебница, — я уже послала к папе Карло сказать, что ты здесь. Он, думать надо, сам придет к вечеру.

Пиноккио подскочил от радости:

— Я пойду его встречать.

— Хорошо, только смотри не заблудись в лесу.

Пиноккио побежал. Около дуба, где его давеча повесили на сучке, он приостановился: где-то совсем близко слышались знакомые голоса.

— Пиноккио! Какими судьбами? — воскликнула Лиса, выбегая из-за кустов и обнимая старого друга.

— Пиноккио, дружище, — повторил за ней Кот, протягивая ему лапу, — какими судьбами?

Пиноккио рассказал им о нападении разбойников. Лиса и Кот сочувственно покачивали головами. Во время разговора Пиноккио заметил, что у Кота здорово укушена передняя лапа, будто бы человеческими зубами.

— Это тебя кто? — спросил он Кота.

Кот замялся, а Лиса поспешно сказала:

— Так, в лесу, знаете ли, встретили мы одного Волка... Голодный, конечно... Нам и самим есть нечего... Ну, дали ему последнее, что было. А он — даже рассказывать неприятно, — хотел нас обоих съесть... Вот Коту лапу отгрыз... Ну, бог его простит...

Рассказав это, Лиса и Кот прослезились.

Затем спросили Пиноккио, что он тут, в лесу, делает.

— Жду папу Карло. Он должен прийти сюда с минуты на минуту.

— А где твои золотые?

— В кармане все четыре, пятый я заплатил за ужин в харчевне.

— Ах, ах, подумать только... — сказала Лиса, — ведь у тебя завтра было бы их две с половиной тысячи. Почему ты не хочешь их посеять на Поле чудес?

— Сейчас нельзя. Я пойду туда в другой раз, мне некогда.

— Но тогда будет поздно, дружок!

— Почему?

— Потому что это Поле чудес купил один крестьянин, и с завтрашнего дня он никому там не позволит сеять.

— А далеко оно отсюда?

— Версты две, не больше. Пойдем с нами! Ты посеешь золотые, подождешь полчасика и соберешь их целые пригоршни, вернешься к отцу с набитыми карманами.

Пиноккио опять пришли на память советы Говорящего Сверчка, но он был чрезвычайно легкомысленный мальчишка и думал недолго, кивнул головой.

— Идем!

Лиса, Кот и Пиноккио отправились на Поле чудес. Шли, шли, шли, наконец увидели какие-то домишки.

— Как называется этот город? — спросил Пиноккио.

— Лови дураков, — ответила Лиса.

По узеньким улицам, зевая от голода, бродили паршивые собаки на иссохших, как палки, лапах; овцы без шерсти дрожали от холода; общипанные куры выпрашивали — Христа ради — хоть зернышко на пропитание, худые бабочки сидели на кочках; бесхвостые индюки от стыда прятались по подворотням; голые фазаны горько оплакивали выщипанные перышки. А мимо всех этих бедняков и калек разъезжали в роскошных экипажах сороки-воровки, хитрые лисицы и другие прохвосты.

— А где же Поле чудес? — спросил Пиноккио.

— Сейчас, сейчас, еще два шага.

Они прошли через странный город и очутились в поле, как две капли воды похожем на обыкновенные деревенские поля.

— Вот оно! — сказала Лиса. — Теперь вырой ямку и положи золотые.

Пиноккио вырол ямку, положил на дно ее золотые, сверху забросал землей и посыпал солью.

— Теперь поди на речку, зачерпни два ведра воды и полей посею, а я посторожу.

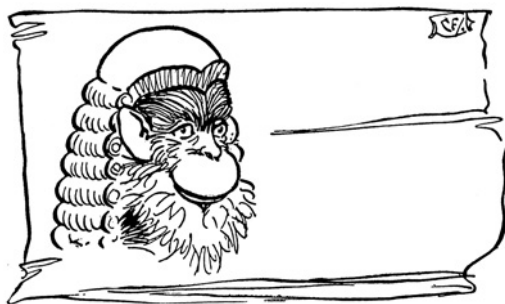
У Пиноккио не было ведра. Он зачерпнул воды в башмаки, полил ямку и спросил Лису:

— А теперь что?

— Ничего, — сказала Лиса. — Теперь мы пойдем по делам, а ты погуляй в городе и приходи сюда через полчаса. Дерево вырастет, и на ветках будут висеть золотые монеты. Собирай да клади в карман.

Пиноккио не знал, как и благодарить добрых друзей.

У Пиноккио крадут золотые монеты

Пиноккио пошел бродить по городу: скука, грязь.

«Эх, скорее бы полчаса прошло! А что, — думал он, — а что, если вместо двух с половиной тысяч да там их будет целых пять? А если десять? А вдруг — сто? Тогда куплю дворец, целый полк деревянных солдатиков, будет у меня полная кладовая пирогов, тортов со сливками... Тысяча пудов шоколада...»

Он не вытерпел и побежал обратно. Вот наконец и поле... Но что-то не видно никакого дерева...

Пиноккио подошел к тому месту, где вырыл ямку, — как есть ничего нет. Задумался Пиноккио, поскреб в затылке. Стоял как дурак и вдруг услышал: неподалеку кто-то насмешливо смеется. Пиноккио поднял голову. На ветке дуба сидел огромный бесхвостый общипанный Попугай и хохотал как сумасшедший.

— Чего ты смеешься, дурак? — рассердился Пиноккио.

— Смешно, потому что я чешусь и сам себя щекочу под крыльями...

Пиноккио ничего не ответил нахалу, пошел к речке, зачерпнул в башмаки воды и полил землю над ямой.

А Попугай так и покатывался со смеху.

— Невежа! Чего скалишь зубы?

— Смеюсь над дураками, Которых так легко провести за нос!

— Надо мной смеешься?

— Над тобой, конечно! Наконец-то ты угадал! Ну где же это видано, чтобы деньги сажали, точно фасоль или тыкву?! Я тоже однажды поверил такому вранью и, видишь, поплатился почти всеми моими перышками.

— Что ты, дурак несчастный, болтаешь, — сказал Пиноккио, холодея от страха.

— Ха-ха-ха, Пиноккио, — покатывался Попугай, — пока ты был в городе, Лиса с Котом вырыли твои денежки и удрали со всех ног.

Все еще не веря, Пиноккио бросился разрывать ямку. Рыл, рыл, вырыл огромную яму, а золотые — ау! — как сквозь землю провалились.

Что есть духу побежал Пиноккио в город, прямо в суд с жалобой на грабителей. Судьей в городе Лови дураков была огромная Обезьяна из породы горилл, — старая, злющая Обезьяна с длинной седой бородой, в золотых очках без стекол. Носила она их для важности.

Пиноккио рассказал все, как было, от начала до конца.

Обезьяна выслушала его милостиво, и даже казалась растроганной его бедствиями, и, когда Пиноккио кончил, протянула ему лапу и позвонила в колокольчик.

На зов сейчас же вошли на задних лапах два Бульдога, одетые солдатами, и, взяв под козырек, вытянулись в струнку. Судья показал им пальцем на Пиноккио и сказал:

— У этого дурака украли четыре золотые монеты. Отведите-ка его в тюрьму!

Пиноккио умолял отпустить его. Он даже не понимал, за что его осудили, кричал, рвался из рук солдат, но все было напрасно. Ему заткнули рот и потащили, как поросенка.

Четыре месяца, четыре долгих, как годы, месяца, без всякой вины просидел Пиноккио в тюрьме. Может быть, сидел бы он и гораздо дольше, если бы не счастливый случай: в этой стране случилась небольшая революция, — самая пустяшная. Но все же было решено выпустить из тюрьмы всех, кто там сидел. Пиноккио освободили.

— Чего ты смеешься, дурак? — рассердился Пиноккио.

Пиноккио хочет вернуться к Волшебнице, но...

Выйдя из ворот тюрьмы, Пиноккио плюнул, выругался и сейчас же ушел из проклятого городишки. Он побежал по дороге, ведущей к владениям Волшебницы. После долгих дождей все дороги размыло, грязь была непролазная, по колено, канавы полны воды, но Пиноккио перескакивал их, как охотничья собака.

По дороге он жестоко раскаивался: «Кто во всем виноват? Сам, сам во всем виноват... Что подумает обо мне Волшебница? Что подумает бедный папа Карло? Ах, боже мой! Сроду не буду больше гадким, противным, непослушным, глупым, разиней... Ну уже теперь я исправлюсь...»

Эти размышления прервались самым неожиданным образом.

Огромная зеленая Змея, с пышущими огнем глазами, с хвостом, дымящим, как печная труба, лежала поперек дороги. Пиноккио перепугался до смерти, стрекнул в кусты, уселся на камешке и стал ждать, когда Змея уползет по своим делам. Прошел час, и два, и три, а Змея не уползала по своим делам. Тогда Пиноккио набрался храбрости, на цыпочках подошел к чудовищу и тоненьким голоском вежливо сказал:

— Извините, пожалуйста, многоуважаемая Змея, вас не затруднило бы подвинуться немножко с дороги и пропустить меня пройти?

Но слова его как от стены горох! Змея молчит лежит, как бревно.

Тогда Пиноккио тем же тоненьким голоском во второй раз сказал:

— Извините за беспокойство, многоуважаемая Змея, но я спешу домой, меня ждет папа Карло, с Которым мы не видались четыре месяца.

*Нога его попала в капкан, который был поставлен здесь для хорьков,
лазавших через этот забор в курятник*

Змея молчит, будто заснула или окоченела, — глаза закрыла и даже из хвоста перестал идти дым.

— Да она издохла! — обрадовался Пиноккио. — Мы теперь через нее перескочим!

Но не успел он поднять ногу, как Змея развернулась, будто пружина, и разинула ужасную пасть.

Пиноккио отскочил, перекувырнулся и прямо головой попал в глубокую лужу. Змея, видя, как Пиноккио барахтается в грязи, принялась хохотать, хохотать, хохотать... От хохота у нее страшно раздулся живот, до того раздулся, что Змея не могла даже пошевелиться и только хохотала...

Пиноккио вылез из лужи и пустился бежать не оглядываясь.

Бежал, бежал, видит: за изгородью висят гроздья спелого винограда... Ах, Пиноккио не надо бы тебе было смотреть на виноградные гроздья! Он перелез через забор, сорвал самую большую гроздь, и вдруг — крак! Нога его попала в капкан, Который был поставлен здесь для хорьков, лазивших через этот забор в курятник.

Пиноккио ловит крестьянин и сажает в собачью будку стеречь курятник

Напрасно Пиноккио рвался, плакал, кричал, дергался... Никто не шел на помощь. Деревня была далеко, а дорога пустынна. Темнело. От боли и страха Пиноккио почти терял сознание.

Сверкая в темноте, как крохотный зеленый фонарик, совсем близко пролетала Лучола¹.

— Лучолина, милая! — взмолился Пиноккио. — Освободи меня, избавь от этого мучения!

— Бедный мальчик! — приостановилась Лучола. — Как это ты попал в эти железные клещи?

— Я забрался сюда, чтобы сорвать веточку винограда...

— Разве это твой виноград?

— Нет... нет... Мне есть хотелось...

— То-то — есть хотелось... Пошел бы попросил, а ты — воровать...

В это время слышались совсем близко чьи-то осторожные шаги. Это хозяин виноградника шел с фонарем и смотрел, не попались ли в капканы хорьки.

Хозяин так и подпрыгнул, когда вместо хорька увидел в капкане Петрушку.

— Ага! Так это ты, значит, таскал у меня кур!

— Я не воровал ваших кур, — рыдал Пиноккио, — я хотел сорвать лишь веточку винограда!

¹ *Лучола* — жук из семейства светляков, характерной особенностью которых является наличие специальных органов свечения.

— Врешь!

Крестьянин открыл капкан, схватил Пиноккио за шиворот и понес во двор.

— Ну, — сказал он, ставя его на землю, — теперь уже поздно, и я хочу спать. Мы рассчитаемся с тобой как следует завтра! А пока, видишь, собачья будка, — сегодня сдох цепной пес, — ты останешься на эту ночь на его месте и будешь сторожить курятник.

Крестьянин надел Пиноккио на шею толстый ошейник с медными бляхами, стянул его покрепче, а длинную железную цепь прикрепил к стене.

— Если пойдет дождь, ты можешь спрятаться в будку. Там еще осталась солома, на ней два года спала бедная собачка; если услышишь воров, — лай как можно громче и буди меня!

С этими словами он вошел в домик и заперся на все засовы и замки. А бедный Пиноккио ни жив ни мертв остался один в темноте на цепи.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо, бродяга! — бранил он себя, вытирая кулаком слезы. — Не слушал бы дурных советов, не бежал бы из дому, работал бы, учился, — никто не посадил бы тебя на цепь. Ах, если бы начать всю жизнь сначала!

Облегчив горе слезами, он тихонько забрался в будку, лег на солому и заснул.

*Крестьянин надел Пиноккио на шею толстый ошейник
с медными бляхами, стянул его покрепче,
а длинную железную цепь прикрепил к стене*

Пиноккио ловит ночных воров

Пиноккио проснулся около полуночи от какого-то странного шороха. Он высунул из будки нос и увидел четырех темных зверьков, вроде кошек, Которые шепотом о чем-то совещались.

Но это были не кошки, а хорьки, большие охотники до винограда и цыплят.

Один из них подошел к будке, заглянул внутрь и сказал:

— Здравствуй, Мелампо!

— Я не Мелампо!

— А кто же ты?

— Пиноккио.

— Что тут делаешь?

— Курятник стерегу.

— А где же старый Мелампо?

— Сдох сегодня утром.

— Ах, бедный, бедный! Он был такой добряк! Но и ты, должно быть, тоже не злая собачка?

— Извините, но я вовсе не собачка.

— А кто же ты?

— Петрушка!

— Ну ладно, нам это все равно, давай заключим условие, как с покойным Мелампо, — останешься доволен.

— Какое условие?

— А вот: мы будем ходить сюда ночью раз в неделю и уносить по восемь кур. Семь — нам, а восьмую будешь получать ты, только не лай и не буди хозяина.

— Мелампо так всегда делал? — спросил Пиноккио.

— Ну да, и мы все были довольны. Теперь ложись спать и будь спокоен, уходя, мы тебе оставим к завтраму совсем ошипанную курочку. Значит, понял?

— Понял! Ладно. Идите воруйте!

Когда четыре хорька, уверенные в полной безопасности, прошмыгнули один за другим в курятник, вдруг дверь за ними неожиданно захлопнулась, — это было дело Пиноккио. Поблизости лежал камень. Он подкатил его к двери, чтобы хорьки не вылезли, и начал лаять и визжать что есть духу.

Хозяин немедленно высунулся из окна:

— Что случилось?

— Воры!

— Где?

— В курятнике.

— Сейчас, бегу!

Не прошло и минуты — хозяин вбежал в курятник, переловил хорьков, посадил в мешок и стал от радости, что наконец-то поймал лютых воров, прыгать и колотить себя сзади пятками. Затем он погладил Пиноккио по голове, похвалил за хорошую службу и спросил, кто он такой. Пиноккио рассказал ему о своих несчастьях. Хозяин даже прослезился, снял с него ошейник и сказал:

— Иди с богом!

Пиноккио оплакивает смерть девочки с голубыми волосами

Пиноккио бросился бежать со всех ног и бежал без передышки, покуда не показалась дорога, ведущая в лес Волшебницы. Вот и лесок, где встретился он с Лисой и Котом! Вон над деревьями верхушка огромного дуба, где его повесили... Но отчего же не видеть на прежнем месте домика девочки с голубыми волосами?

Сердечко у Пиноккио заныло предчувствием беды. Он выбежал на луг, где стоял прежде беленький дом Волшебницы.

А домика не было! Лежала только на лугу белая мраморная надгробная плита, на Которой печатными буквами были написаны вот эти печальные слова:

ЗДЕСЬ
ЛЕЖИТ ДЕВОЧКА
С ГОЛУБЫМИ ВОЛОСАМИ.
Она умерла от горя,
потому что
ее разлюбил и покинул
ПИНОККИО

Что тут почувствовал бедный Пиноккио, представьте себе сами!

Упав ничком на мраморную плиту, он рыдал и обливал ее слезами. Он плакал так всю ночь до утра, выплакал все слезы до последней капельки, а его рыдания только грустно повторяло эхо.

Он рыдал и говорил:

— Милая Волшебница, зачем ты умерла?! Зачем вместо тебя, такой доброй и хорошей, лучше не умер я, злой и гадкий Петрушка?! А где же теперь папа Карло? Я хочу жить с ним и больше ни-

когда от него не убегу! Милая Волшебница! Если ты меня любишь, скажи, что ты жива и встань из могилы! Ведь, если придут разбойники, они опять повесят меня, и я умру! А если не придут разбойники, — все равно, кто меня приютит на ночь? Кто мне купит новую курточку? Ой! Ой! Ой!

Он пробовал рвать волосы, рыдая, но волосы были деревянные — и даже этого утешения у него не было!

Над полем, над плитой, где плакал Пиноккио, в это время пролетал огромный белый Голубь и спросил в изумлении:

— Что ты тут делаешь, мальчик?

— Не видишь разве? Плачу! — сказал Пиноккио, поднимая голову и вытирая слезы.

Голубь спросил:

— Не знаешь ли ты случайно одного мальчишку, по имени Пиноккио?

— Пиноккио? Так ведь это я, — это я сам!

Голубь сейчас же опустился на землю. Был он огромный, величиной с индюка.

— Ты знаешь, может быть, и Карло? — спросил Пиноккио.

— Я его видел три дня тому назад на морском берегу, — ответил Голубь.

— Что он там делал?

— Мастерил маленькую лодочку, собирался переплыть море. Бедняга уже четыре месяца разыскивает тебя повсюду и наконец, вбил себе в голову, что разыщет тебя непременно за морем.

— А далеко отсюда морской берег?

— Да, с тысячу верст будет!

Пиноккио от отчаяния ткнулся носом в землю, завязил¹ нос по самые щеки.

Голубь сказал:

— Хочешь, я отнесу тебя туда? Садись на меня верхом! Не бойся?

Вне себя от счастья, Пиноккио уселся на Голубя верхом. Голубь взвился одним взмахом под облака. Пиноккио взглянул вниз, да

¹ *Завязить (разг.)* — дать застрять в чем-нибудь, погрузить, воткнуть во что-нибудь вязкое, тесное, откуда трудно вынуть.

*Вне себя от счастья, Пиноккио уселся на Голубя верхом.
Голубь взвился одним взмахом под облака*

так и обмер от ужаса и изо всех сил вцепился обеими руками в шею доброго Голубя.

Летели они целый день. К вечеру Голубь сказал:

— Я пить хочу!

— А я есть хочу!

— Тогда остановимся ненадолго в этой голубятне.

— В голубятне немножко воды и немножко конопляных зернышек.

Пиноккио никогда в жизни еще не пробовал птичьего корма, но в этот вечер конопляные зернышки показались ему самым вкусным кушаньем на свете.

Поели, отдохнули и снова пустились в путь. А на рассвете были уже на море. Голубь опустил на землю Пиноккио и, не желая слушать никаких благодарностей, взмахнул крыльями и улетел.

На берегу шумела толпа. Все кричали, протягивая руки к морю.

— Что случилось? — спросил Пиноккио у какой-то старушки.

— А вот что: один бедный старик поехал на маленькой лодочке отыскивать пропавшего сына. А видишь, какие волны! Лодочка того и гляди потонет. Вон она! Как скорлупка качается!

Пиноккио долго глядел туда, куда показывала пальцем ему старушка, и вдруг закричал:

— Да ведь это папа Карло!

Лодочка то исчезала в волнах, то взлетала на кипящие гребни. Пиноккио вскочил на камень, кричал, махал шапочкой, — и, кажется, Карло, несмотря на расстояние, узнал его и тоже махал ему шапкой и делал отчаянные знаки, точно желая сказать: «Ты видишь, меня несут волны, я не могу вернуться! Прощай!»

Огромная волна с бешенством налетела на лодочку, лодочка нырнула в глубь и больше не показывалась.

— Бедняга! Вот бедняга! — говорили рыбаки. И, сняв шапки, стали читать заупокойную молитву.

Но вдруг раздался отчаянный вопль:

— Я должен спасти папу Карло! — И какой-то мальчик бросился в море.

Пиноккио был деревянный. Он отлично плыл и нырял, как рыба. Над водой показывалась то рука, то нога, то голова, то весь он исчезал в волнах и наконец совсем скрылся из глаз.

Пиноккио прибывает волнами к Острову трудолюбия

Пиноккио, не теряя надежды спасти папу Карло, плыл всю ночь. Ох, какая это была страшная ночь! Буря, дождь, гром, молнии так и разрывали небо. Только к утру вдали показалась узкая полоска земли, — островок среди бушующих волн. Последним усилием Пиноккио поплыл туда, но буря бросала его из стороны в сторону, как щепку. Наконец после долгой борьбы его подхватила огромная волна и выбросила прямо на песок. У Пиноккио бока затрещали от удара. Но все же он пополз по песку подальше от волн, сел и чихнул раз сто подряд, — еще бы, столько воды наглотался.

Небо понемногу прояснилось, выглянуло солнце, и море успокоилось. Пиноккио разложил на камешках одежду и стал вглядываться вдаль, не видно ли лодочки. Но на сверкающей воде белыми точками маячили только далекие рыбацьи паруса.

«Хоть бы узнать, как называется этот остров и живут ли тут люди, подорожнее тех, что вешают мальчиков на сучках?» — подумал Пиноккио. Но кругом не было ни души.

Пиноккио стало так грустно, что он чуть не расплакался. Но в эту минуту вдоль берега, высунув из воды голову, проплывала по своим делам огромнейшая Рыба.

Не зная, как звать ее по имени, Пиноккио закричал:

— Послушайте, Рыба, позвольте сказать вам два слова!

— Говори, я послушаю, — ласково ответила Рыба.

В сущности говоря, это была не Рыба, а очень любезный Дельфин, — таких днем с огнем не найти по всем морям земного шара.

— Где бы тут можно было поесть, чтобы тебя самого не съели при этом?

— Да вон там, недалеко!
— А куда мне нужно идти?
— Иди прямо, как твой нос торчит, тогда не заблудишься.
— Благодарю вас, но еще скажите мне: не попадалась ли вам маленькая лодочка? Вы ведь плаваете день и ночь по морям.

— А кто в ней был?
— Папа Карло.
— Ну, дружок, этой ночью она, наверно, нырнула на дно вместе с твоим папой Карло! Его, конечно, проглотила Акула, Которая уже несколько дней шныряет тут поблизости.

— Это очень большая Акула? — спросил Пиноккио, замирая от ужаса.

— Да, не маленькая! — ответил Дельфин, поводя носом. Приблизительно величиной с пятиэтажный дом, а рот у нее такой широкий, что в него свободно войдет поезд с паровозом.

— Ой, ой, ой! — завопил в ужасе Пиноккио. — Прощайте, Дельфин, благодарю вас!

И он бросился бежать, оглядываясь, не гонится ли за ним Акула с пятиэтажный дом. Бежал он без отдыха с полчаса и увидел наконец невдалеке деревню, Которая называлась Убежище пчел-работниц.

В этой деревне все куда-то бежали, спешили, как на пожар, все были чем-то озабочены.

«Да, — подумал Пиноккио, тут люди работают день и ночь, это место не для меня».

Есть ему хотелось все больше и больше, — ужасно.

Как быть? Оставалось либо наняться в рабочие, либо просить милостыню. Пиноккио стоял и размышлял, как ему поступить; в это время мимо него, пыхтя от натуги, какой-то человек вез тяжелую тележку с углем.

— Дайте мне, пожалуйста, один сольдо, я умираю с голоду! — сказал Пиноккио и, конечно, покраснел бы, если бы щеки у него были не деревянные.

— Я тебе дам не один сольдо, а четыре, — сказал человек, — а ты мне помоги довести тележку до дому.

— Удивляюсь, — обиженно ответил Пиноккио, — за осла, что ли, вы меня принимаете?

— Я тебе дам не один сольдо, а четыре, — сказал человек, —
а ты мне помоги довести тележку до дому.

— Вот и прекрасно! — ответил человек, везущий уголь. — Если ты умираешь с голоду, а работать не хочешь, поди тогда нарежь ломтиками твою спесь и ешь ее на здоровье!

Немного погодя на дороге показался каменщик с огромным мешком извести за спиной.

— Подайте милостыньку бедному мальчику, умирающему с голоду! — запел Пиноккио.

— С удовольствием, мальчик! Я тебе дам пять сольдо, а ты понеси немножко мой мешок.

— Но он очень тяжелый. Я вовсе не собираюсь умереть с натуги.

— Эге, — сказал каменщик, — посторонись-ка с дороги!

И он ушел.

Наконец на дороге показалась девушка. Плечи ее оттягивало коромысло с двумя ведрами, полными воды.

— Дайте напиться! — чуть слышным голосом попросил Пиноккио.

— Пей, голубчик! — сказала девушка, ставя ведра на землю. Пиноккио пил с жадностью, напился и сказал совсем тихо:

— Поесть бы, живот подвело.

Добрая девушка сказала:

— Помоги-ка мне донести ведра, за это отрежу тебе большой кусок хлеба.

Пиноккио посмотрел на ведра и не сказал ни да, ни нет.

— Дам еще тебе тарелку гороху со свиной кожей...

Пиноккио опять посмотрел на ведра и промолчал.

— Дам... еще сладкую ватрушку.

Тут Пиноккио не выдержал:

— Дайте-ка ведро. Работать так работать.

Принеся ведра, Пиноккио сел за стол. Девушка дала ему хлеба, тарелку гороху со свиными шкварками и ватрушку. Пиноккио ел, — за ушами трещало. Наевшись, он обернулся к девушке, чтобы поблагодарить ее, — да так и остался с разинутым ртом и вытаращенными глазами.

— Вы похожи... вы очень похожи... бормотал он, — у Волшебницы был такой же голос... может быть, у вас тоже голубые волосы. Скажите! Это вы, это вы, моя добрая Волшебница?

Пиноккио поступает в школу

— Ну уж ладно, — сказала девушка, — если ты меня узнал, скрываться не стану: я Волшебница, я девочка с голубыми волосами...

— Значит, вы тогда притворились, что умерли?

— Может быть, притворилась, а может быть, и не притворилась.

Пиноккио скакал от радости, целовал в румяные щеки добрую Волшебницу, потом вдруг спросил:

— Послушайте, ведь совсем недавно вы были маленькой девочкой, как же вы могли так скоро вырасти?..

— На то я и Волшебница.

— Я тоже хочу как можно скорее стать взрослым.

— Ну нет, — сказала Волшебница, — вырасти ты не можешь, потому что ты деревянный...

— Но я вовсе не хочу навсегда оставаться деревянным Петрушкой, — в отчаянии запрыгал Пиноккио, — я хочу стать настоящим мальчиком.

— Ну, это не так-то легко.

— Что я должен для этого сделать?

— Во-первых, — сказала Волшебница, — перестать баловаться, шалить, не слушаться...

— Честное слово, никогда больше не буду...

— Во-вторых, — сказала Волшебница и прищурилась, — надо начать учиться, ходить в школу.

— У меня что-то живот очень заболел, — слабым голосом проговорил Пиноккио. — Может быть, об ученье мы как-нибудь в другой раз поговорим?

Волшебница поджала губы, молчала.

— Я бы рад учиться, да у меня, как только примусь учиться, живот страшно болит...

Волшебница сидела, молчала, щеки у нее начали синеть, глаза проваливаться, нос вытягивался, подбородок лез вперед, лицо становилось таким страшным, точно ей было уже не меньше тысячи лет... И вдруг она начала пропадать, сквозь нее даже стала видна спинка стула. Пиноккио ужасно перепугался и закричал:

— Да, буду я учиться... сию минуту в школу побегу, только не пропадайте...

Волшебница засмеялась и опять стала похожей на девочку с голубыми волосами.

На другой день Пиноккио пошел в школу. Но вообразите себе, как хохотали мальчишки, увидав, что в класс входит настоящий деревянный Петрушка. Его окружили, дергали за нос, толкали, щипали, хотели нарисовать чернилами усы. Но Пиноккио не растерялся, сжал кулаки и бросился колотить мальчишек. Одного сшиб пинком, другому устроил вселенскую смазь¹, третьему подшиб глаз; вертелся, брыкался, дрался, как бешеный дьяволенок.

Одним словом, товарищи поняли с кем имеют дело. После драки все захотели с ним подружиться.

Пиноккио учился в первые дни очень хорошо. Учитель его только похваливал.

¹ Устроить вселенскую смазь — перемешать все в одно таким образом, чтобы никто уже ничего не мог понять; все свалить в одну кучу, чтобы неопытный человек не мог разобраться.

Но вот однажды по дороге в школу он встретил несколько самых отчаянных мальчишек, Которые постоянно сидели на задней парте, наказанные учителем.

— Пиноккио, Пиноккио, — закричали мальчишки, — к берегу подплыла огромная Акула, величиной с дом!

— А вы не врете?

— Лопни глаза, не врем. Мы бежим смотреть ее. Хочешь с нами?

— Нет, я пойду в школу.

— Ладно тебе... Пойдем с нами. Школа не провалится, завтра пойдешь.

— Учитель рассердится...

— Ему за то и деньги платят, чтобы он целый день сердился на нас да сажал на заднюю парту... Пойдем...

Пиноккио начал колебаться.

— Вот как сделаем... — сказал он, — эту Акулу я непременно должен увидеть, по разным моим соображениям, но я посмотрю ее после уроков...

— Вот дурак, — засмеялись мальчишки, — что же ты думаешь — Акула будет тебя дожидаться? Надоест ей у берега плавать — и уйдет опять в море, тебя не спросит.

— А далеко это отсюда?

— В час обернемся, туда и обратно.

— Ладно! Бежим.

Пиноккио и лентяи мальчишки с книжками под мышкой побежали к морю. Было очень весело. Бедный Пиноккио не знал, на встречу каким ужасным несчастьям несут его ноги.

Пиноккио дерется с товарищами и...

Прибежали на берег. Пиноккио поглядел — нет никакой Акулы. Море спокойное как зеркало — никакой Акулы нет.

— Где же Акула? — спросил Пиноккио.

— Завтракает, уплыла, — ответил один мальчишка.

— Легла носом в песок соснуть немножко, — сказал другой.

Остальные засмеялись.

Только теперь Пиноккио догадался, что его провели за нос и сердито закричал:

— Это, собственно, для чего вам понадобилось выдумать дурацкую историю с Акулой?

— А для того, чтобы ты пропустил сегодня уроки! Чтобы тебя ругал учитель! Чтобы тебе досталось... Чтобы ты не зазнавался...

Мальчишки вертелись около него, показывали носы, дразнили... Пиноккио прикинулся дурачком:

— А для чего это вам, чтобы мне досталось?

— А потому, что из-за тебя нам жить не дают, мы у тебя отобьем охоту учиться...

Пиноккио взялся за живот и покатился со смеху:

— Это вы-то отбили... ужасно я вас испугался... А этого не хотите?..

И он высунул длинный-длинный язык, показал его мальчишкам. Самый старший из них подошел к Пиноккио, сжал кулаки:

— Перестань дразниться.

Тогда Пиноккио показал ему, кроме языка, еще нос.

Сейчас же обернулся к товарищам:

— Это вы видали?

Повернулся к Пиноккио:

— Проси сейчас же прощения, избежем вдребезги!

— Ку-ку, — сказал Пиноккио и высунул язык.

— Пиноккио, берегись!

— Ку-ку!

— Избею тебя, как осла!

— Ку-ку!

Вернешься домой с разбитым носом!

— Ку-ку!

— Ну, а теперь «ку-ку» получи от меня! — закричал старший мальчишка. — Вот тебе «ку-ку», съешь его за ужином.

Он подскочил и ударил Пиноккио по голове.

Пиноккио в долгу не остался, и сражение разгорелось. Он один дрался с семерыми. Деревянные ноги пригодились ему во второй

раз. Он раздавал ими здоровые пинки направо и налево и держал врагов на приличном расстоянии.

Видя, что врукопашную Петрушку не одолеть, мальчишки начали кидать в него книжками, норовили попасть прямо в голову. Но Пиноккио ловко уклонялся, а книжки одна за другой летели в море. Глупые рыбы переполошились и, высовывая головы, стаями плавали возле берега. Они думали, что книги можно есть, тербели их, дрались из-за арифметики, географии и диктанта. Привлеченный шумом, из воды вылез огромный Краб и загудел, как простуженная труба:

— Перестаньте, дураки, возиться... С ума вы сошли — шуметь на весь берег.

Но напрасно старый Краб говорил благоразумные слова! Пиноккио оглянулся и крикнул ему с насмешкой:

— Эй ты, подводная харя! Пососи лучше конфетку от хрипоты!

В это время мальчишки, побросав все книжки в море, схватились за ранец Пиноккио; вытащили оттуда толстый задачник и запустили им в Пиноккио, но задачник угодил прямо в голову одному из озорников, — его звали Евгений.

— Ой, ой, ой, мама! — закричал он и повалился на песок как подкошенный.

Мальчишки перепугались и бросились врассыпную. Пиноккио, окаменев от ужаса, глядел на раненого товарища. Потом бросился к воде, намочил платок и стал прикладывать ему к голове.

— Евгений! Милый, хороший, дорогой, открой глаза, пожалуйста, — бормотал Пиноккио. — Это не я тебя ударил. Открой глаза, ради бога!

В это время захрустели по камешкам чьи-то тяжелые шаги. Пиноккио обернулся. Подходили два полицейские.

— Что ты тут делаешь? Что случилось? Почему этот мальчишка валяется? — спросили они у Пиноккио строго.

— Это мой товарищ.

— Что с ним?

— Ему дурно.

— Эге, да какое там дурно! Ему всю голову раскроили! Это ты его так отделал, бездельник?

— Не я! Не я! — бормотал Пиноккио, стуча зубами.

— Чем его ранили?

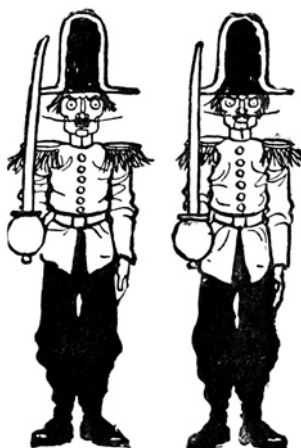
— Вот этой книжкой, — Пиноккио показал на валяющийся задачник.

— А книга чья?

— Моя...

— Ну, довольно дурака валять. Пойдем, поворачивайся!

Полицейские взяли Пиноккио под руки и повели, а на пути сказали рыбакам, чтобы подобрали Евгения и отнесли его к родителям.

Пиноккио шел между двумя полицейскими, ему казалось, что все это — страшный сон. В глазах двоилось, ноги дрожали, во рту пересохло, язык прилип к нёбу, в голове все спуталось.

«Пропал, пропал», — повторял про себя Пиноккио.

Они уже подходили к деревне. Вдруг ветер сорвал с Пиноккио шапочку, и она полетела и покатилась далеко-далеко...

— Позвольте мне поднять шапочку! — робко попросил Пиноккио.

Полицейские посмотрели друг на друга, пошевелили усами, потом необыкновенно проницательно посмотрели на Пиноккио, подумали и сказали:

— Ну ладно, беги догоняй шапку.

Пиноккио побежал, продолжал улепетывать чем дальше, тем быстрее, схватил шапку и от полицейских прямо к морю, — только пятки сверкали. Полицейские скоро смекнули, что Петрушка их провел, и побежали за ним, но запыхались. Тогда они свистнули огромного бульдога, получившего первую премию на собачьих гонках, и пустили его в погоню за Пиноккио. Люди высовывались из окон, заинтересованные небывалым приключением. Но их любопытство так и осталось неудовлетворенным, потому что Пиноккио с бульдогом подняли густой столб пыли и скрылись из глаз.

Пиноккио угрожает опасность быть зажаренным на сковороде

Во время этой бешеной скачки была одна ужасная минута, когда Пиноккио уже считал себя погибшим. Алидор — так звали бульдога — почти вцепился зубами ему в штаны, и Пиноккио уже чувствовал на спине горячее разъяренное дыхание. А берег был совсем близко, море весело играло бирюзовыми волнами в нескольких шагах. Собрав последние силы, Пиноккио сделал огромный прыжок, шлепнулся в воду и поплыл. Алидор с разбега бултыхнулся вслед за ним. Но он не умел плавать, барахтался, бил по воде лапами, чихал, — ничего не помогало. Алидора тянуло на дно. Он было совсем и нырнул туда, но последним усилием выскочил и залаял:

— Помоги! Тону!

— Ага, — обернувшись, крикнул Пиноккио, — а за штаны хватать — это тебе нравится?

— Спаси меня, милый Пиноккио, тону... Буль... буль... буль...

У Пиноккио было все же доброе сердце. Он пожалел собаку, подплыл и спросил:

— Если я тебя спасу, ты опять ведь за мной бросишься?

— Клянусь тебе! Клянусь, не брошусь... Вот тебе собачья клятва. И тонущий Алидор, клянясь, поднял над водой лапу...

Тогда Пиноккио, зная, что если собака дала собачью клятву, то скорее умрет, чем нарушит ее, схватил Алидора за ошейник, поплыл к берегу и помог несчастному выбраться на песок.

Алидор едва держался на лапах, он наглотался соленой воды и раздулся пузырем.

Вдали виднелись полицейские. Пиноккио бросился опять в воду и крикнул оттуда:

— Прощай, Алидор! Будь здоров...

— Прощай, Пиноккио, ты меня спас от смерти, я этого не забуду.

Пиноккио плыл все время близ берега. Когда полицейские скрылись из глаз, он огляделся. Между прибрежными скалами виднелся темный вход в какой-то грот, из Которого вился легкий дымок.

«В гроте, наверно, кто-нибудь развел костер, — подумал Пиноккио, — пойду погреюсь и обсохну! А там видно будет...»

Он подплыл к гроту и хотел было уже вскарабкаться внутрь его по камням, но вдруг почувствовал под ногами в воде какое-то движение. Его засасывало, тянуло вниз, в глубину. Он рванулся было, но увидел, что пойман вместе с рыбами в сеть. Рыбы отчаянно бились, сеть сотрясалась, но выхода не было, — все кончено!

Пиноккио поглядел вокруг и замер от ужаса. Из грота выходил, цепляясь за скользкие стены, не то человек, не то водяной.

Вместо волос у него спутанные водоросли спускались космами до самых плеч; весь он был зеленый — с зелеными горящими глазами, с зеленой бородой, с зелеными ногами, — зеленый, как огромная лягушка.

Вытянув сеть, Зеленый радостно зарычал:

— Вот так улов! Значит, зажарим целую сковороду рыбы, поедем... Хм, хм...

«Слава богу, что я не рыба!» — подумал Пиноккио.

Зеленое чудовище с хлопаньем и урчаньем потащило сеть в грот, где на очаге стояла огромная сковорода и в ней шипело масло.

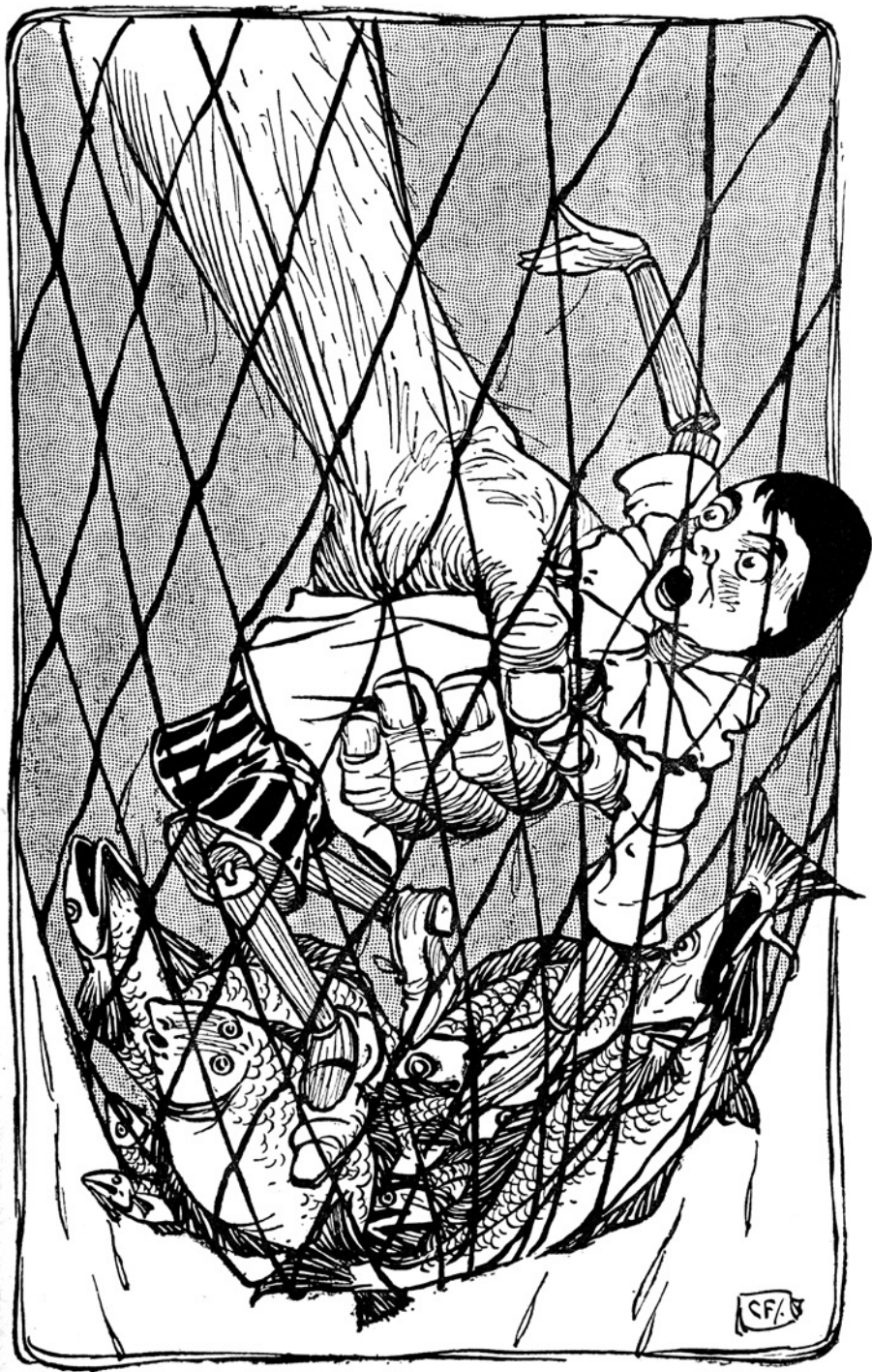
Зеленый вывалил из сети рыбу и, рыча от удовольствия, стал бросать рыбу за рыбой в ведро с водой... Эх, рыба хороша, эх, рыба жирна! Наконец дело дошло до Пиноккио. Зеленый взял его в лапы, повертел и вытаращил глаза от изумления.

— Это что же за штука такая? Никогда еще мне эдакая штука не попадалась!

Он долго разглядывал Петрушку и наконец сказал, ухмыляясь:

— Гм, гм... Это, должно быть, морской Краб.

Пиноккио ужасно обиделся, что его приняли за Краба и пропихивали:

— Это что же за штука такая?
Никогда еще мне эдакая штука не попадалась!

— Я вам вовсе не Краб, я Петрушка...

— Петрушка? Никогда я еще Петрушки не пробовал, — захотало чудовище. Сейчас узнаю, какой ты на вкус!

— Вы меня хотите съесть? Вы с ума сошли... Я же Петрушка... Пиноккио... Я учусь в школе... Я географию знаю... Я таблицу умножения учу...

— Очень хорошо, — опять захныкал Зеленый. Если ты знаешь таблицу умножения, мы тебя зажарим отдельно и съедем под помидоровым соусом.

— Отпустите меня домой, — заревел Пиноккио.

— Ты шутишь, голубчик! Чтобы я упустил случай попробовать такое редкое кушанье! Не каждый день попадаются рыбы, которые знают таблицу умножения.

Пиноккио стал еще пуще биться, рыдать и причитать...

— Зачем, зачем я не пошел в школу! Лучше бы мне было на свет не родиться! Ой, ой, ой, отпустите меня, пожалуйста!

Зеленому чудовищу надоела вся эта канитель. Он связал Петрушку и бросил его в ведро. Потом насыпал на стол муки и стал в ней обваливать рыбешек, бросая одну за другой в масло, на сковороду.

Пиноккио весь закоченел от страха. Вот она смерть!

Наконец Зеленый взял Петрушку и обвалил в муке. Пиноккио стал белый, Зеленый схватил его за ноги и...

Наконец Зеленый взял Петрушку и обвалял в муке

Пиноккио возвращается к Волшебнице

В эту ужасную минуту вбежал в грот бульдог.

— Пошел вон! — зарычало на него зеленое чудовище, замахиваясь обваленным в муке Пиноккио.

Но бульдог умильно вилял хвостом, точно говоря:

— Дай мне кусочек, тогда уйду!

— Вон! — завыл на него Зеленый и приготовился дать ему ногой пинка в зад.

Тогда собака злобно оскалилась. В это время слабый голосок запищал:

— Спаси меня, Алидор! Он меня сейчас зажарит в масле на сковородке!

Бульдог узнал голос Пиноккио. Времени терять было нельзя. Алидор выхватил из рук у чудовища обваленного в муке Пиноккио и стрелой бросился вон. Зеленый побежал за ним. Но споткнулся, зачихал и, ругаясь, вернулся в грот.

Когда Алидор был уже на пути к деревне, он оглянулся, перевел дух и осторожно поставил Петрушку на землю.

— Как мне благодарить тебя, Алидор?! — сказал Пиноккио, протирая глаза, засыпанные мукой.

— Чего же благодарить, — ты спас меня, а я тебя...

— Но как же ты попал в грот?

— Я лежал на берегу и вдруг чую — потянуло вкусно жареным маслом, а мне есть до смерти хотелось. Я, значит, прямо в грот...

— Спасибо, спасибо тебе, Алидор...

— Будет тебе...

Алидор протянул Пиноккио лапу, и тот горячо пожал ее. После этого бульдог побежал по своим делам, а Пиноккио, увидав на пороге маленькой избушки какого-то старика, подошел к нему.

— Здравствуйте, дедушка, — сказал он и низко поклонился, — не знаете ли, что случилось с мальчиком, Которому разбили голову книжкой?..

— Ничего не случилось, — ответил старичок, — надрали уши, чтобы не баловался! Что ему сделается...

Пиноккио обрадовался: значит, теперь полицейские ловить его больше не станут и в тюрьму не посадят.

Старичок в это время оглядывал его с удивлением:

— Где же это ты, братец мой, в муке извалялся, тесто, что ли, воровал?

— Это не мука, это известка, — соврал Пиноккио, — я на стройке работал, в яму упал...

Но, как только он соврал, нос его стал вытягиваться, вытягиваться и вытянулся. Старичок долго глядел ему на нос, вздохнул:

— Ну-ну, вот так хвастун...

Тогда Пиноккио рассказал ему про свои несчастья и под конец попросил какой-нибудь одежки, — весь он был истрепанный,

измазанный. Старичок опять покачал головой, видимо, пожалел Петрушку:

— Возьми, вон мешок валяется, вот тебе и одежда.

Пиноккио поблагодарил, взял мешок, прорезал в нем дыры для рук, для ног и для головы, — надел и побежал домой, к Волшебнице.

Добрался он до деревни только к ночи. Было темно, хоть глаз выколи! Дождь, ветер, гроза.

Вот и домик Волшебницы. Какое счастье! Пиноккио подбежал к двери, но тут взял его страх: и попадет же ему от Волшебницы за все проделки!

Набравшись храбрости, он постучал легонько. В доме все было тихо. Он еще постучал, посильнее, и тогда сверху, из окна, высунула рога огромная Улитка.

— Кто там стучит в такую позднюю пору?

— Волшебница дома? — спросил Пиноккио дрожащим голосом.

— Волшебница спит, не велела себя будить. Ты кто такой?

— Это я, Пиноккио.

— Ага... Знаю, знаю, — сказала Улитка, — подожди, я сейчас сойду и отопру.

— Поскорее, а то очень холодно.

— Ну, голубчик, уж извини, не могу спешить: я Улитка.

Пиноккио присел на крылечке и стал ждать.

Прошел час, прошел и другой... Дрожа от холода, промокший, голодный Пиноккио стучал зубами. Сил не было ждать. Тогда он постучал еще раз. Улитка выглянула теперь из окна уже нижнего этажа и недовольно пошевелила рогами.

— Улиточка, миленькая! Я жду два часа. Отворите, пожалуйста...

— Ползу, ползу со всех ног, скорее не могу, потерпи, — сказала Улитка, и окно захлопнулось.

Пробило полночь, пробило час, два, а Улитка все не отпирала двери.

Потеряв терпение, Пиноккио вцепился обеими руками в дверной молоток и начал колотить им изо всех сил. Но медный молоток вдруг вырвался из рук и бултыхнулся в лужу.

Он еще постучал, посильнее,
и тогда сверху, из окна, высунула рога огромная Улитка

Пиноккио в бешенстве начал колотить в дверь ногами, — весь дом затрясся от стука.

— Отворишь, врешь, чертовка рогатая, — и Пиноккио что есть силы пхнул¹ в дверь, и тут случилась ужасная беда: нога его, пробив дерево насквозь, завязла в нем, как гвоздь. Пиноккио рванулся, запищал и повис, и висел так до рассвета. Только в семь часов утра показалась на пороге Улитка.

— Что это. с твоей ногой? — засмеялась она.

— Сама видишь, что спрашиваешь? Помоги, пожалуйста...

Улитка пошевелила руками, покачала головкой — на все это ушло не меньше получаса.

— Нет, тут я ничем не могу помочь, надо столяра позвать.

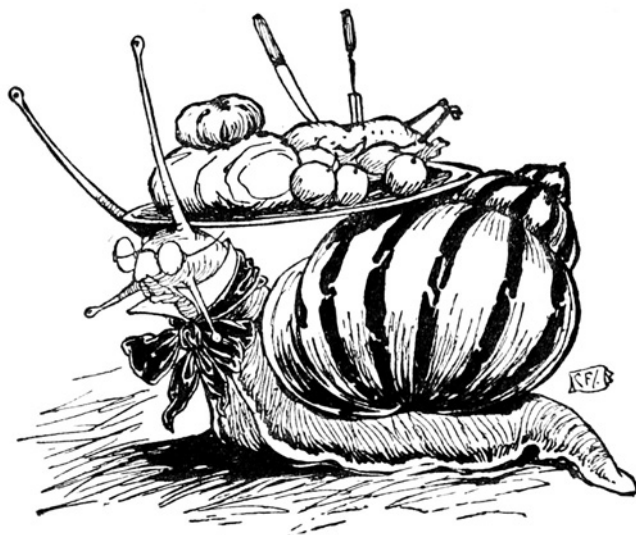
Столяр, может быть, вытащит твою ногу, если столяр попадет-ся хороший.

— Послушайте, Улитка, позовите Волшебницу.

— Нет, не могу, Волшебница не велела будить себя, а когда проснется — не знаю.

— Что же я тут целый день буду висеть?

— Не беда! Ты можешь чем-нибудь заняться от скуки. Например, можно муравьев считать, их тут много ползает.

¹ *Пхнуть (прост.)* — пихнуть, толкнуть.

— Принесите мне чего-нибудь поесть!

— Сейчас! Это можно. Поесть — это можно, я принесу.

Через три с половиной часа она вернулась с серебряным блюдом на голове; что за вкусные вещи там были: жареный Цыпленок, румяный хлеб и спелые великолепные абрикосы!

Пиноккио так и накинудся на еду. Но каково же было его огорчение, когда хлеб оказался гипсовым, Цыпленок картонным, а абрикосы восковыми. От голода и обиды он совсем изнемог и повис на двери, голова у него закружилась, закружилась...

Очнулся он у себя в комнатке. Рядом стояла Волшебница, смотрела на него. Пиноккио втянул голову в плечи, — один нос торчал у него от страха.

— И на этот раз прощаю тебе, — сказала Волшебница, — но в следующий раз — берегись!

Пиноккио клялся и божился, что будет всегда слушаться и — честное-причестное слово — завтра побежит в школу.

Пиноккио сдержал обещание. Учиться он принялся вовсю, — с шалунами не водился. Учился отлично. Из дому не бегал. К концу года он принес великолепные отметки по всем предметам.

— Завтра исполнится твое желание, — сказала Волшебница. — Завтра утром ты проснешься не деревянным Петрушкой, а настоящим мальчиком.

Пиноккио подскочил до потолка и двенадцать раз перевернулся в воздухе. Боже мой, как долго мечтал он об этом счастливом дне, и вот — счастье наступит завтра!

Волшебница решила в честь такого великого события устроить детский праздник и пригласить на него школьных товарищей Пиноккио.

Пиноккио уезжает в Страну дураков

Пиноккио попросился сбежать в город, чтобы пригласить товарищей.

— Иди, — сказала Волшебница, — но смотри возвращайся за светом!

— Одним духом слетаю, до свиданья!

Вприпрыжку, напевая песенку, побежал Пиноккио в город и побывал у всех товарищей, Которые должны были явиться к нему на праздник. Из всех друзей он любил больше всего Ромео по прозвищу Фитилек. Звали его так за необыкновенную худобу. И он, действительно, был похож на новенький тоненький лампадный фитилек. Фитилек считался самым озорным мальчишкой в школе. Наверное, Пиноккио и любил его именно за это.

Фитилек жил на окраине, и Пиноккио пошел к нему, но не застал дома. Зашел второй раз — опять нет. Третий — тоже нет. Где его искать? А найти нужно. Пиноккио обегал несколько улиц и наконец нашел приятеля в очень странном месте: Фитилек прятался под воротами какого-то нежилого домишки.

— Что ты тут делаешь? — спросил удивленный Пиноккио.

— Тише! Я жду полночи. Собираюсь бежать...

— Куда?

— Далеко, очень далеко!

— Не говори пустяков! Приходи завтра ко мне на праздник. Ты знаешь, что завтра со мной будет?

— Что?

— Завтра я превращаюсь в мальчика.

— Очень приятно! Но прийти к тебе никак не могу. Должен бежать.

- Куда?
- В Страну дураков. Бежим вместе!
- Я? Да ты с ума сошел!
- Жалко. Не хочешь — не надо, только потом раскаешься. Где ты найдешь без меня такую счастливую страну? Там нет ни школ, ни книг, ни учителей! Там в неделю семь воскресений. Вот это страна! Убегу туда сегодня же ночью. Бежим вместе!

— А что в этой Стране дураков делают? — спросил заинтересованный Пиноккио.

— Ничего не делают, играют, шалят. Бежим. А?

— Нет и нет! — твердо сказал Пиноккио. — Я обещал засветло быть дома. К тому же завтра... Нет! Нет! Прощай!

— Куда же ты так торопишься, будто на пожар! Подожди минутку.

— Не могу, Волшебница рассердится... А ты один бежишь?

— Какое там один! Нас человек сто бежит. Сюда после полуночи заедет телега и довезет нас всех до границы.

— Жалко, не увижу, как вы поедете. Жалко.

— Оставайся — увидишь.

— Не могу, я сказал уже тебе...

— Тогда прощай, кланяйся всем.

— Прощай, Фитилек!

Пиноккио отошел несколько шагов, но вернулся и спросил:

— А ты действительно уверен, что там в неделе семь воскресений?

— Фу ты, какой бестолковый. Говорю, семь.

— Да, это прекрасная страна! — задумчиво повторил Пиноккио.

Затем, совсем уже решительно на этот раз, сказал:

— Прощай! Счастливого пути!

— Прощай!

— А скоро вы поедете?

— Через два часа!

— Жаль... очень жаль. Если бы через час, я бы остался посмотреть...

— А Волшебница-то как же?

— Теперь все равно, я опоздал... Часом раньше, часом позже — все равно...

Было уже совсем темно. В это время вдалеке замелькал фонарик, зазвенели бубенчики, и тонко и сдавленно запела сигнальная труба.

— Вот она! — прошептал Фитилек.

— Кто? — шепотом спросил Пиноккио.

— Телега! Ну что, едем?

Пиноккио приезжает в Страну дураков

Телега подъехала потихоньку. Ее колеса, обернутые тряпками и паклей, катились неслышно. Везли ее двенадцать пар ослов разных мастей: серые, белые, с крапинками, с полосками. Вместо подков у них были белые кожаные сапожки. Кучер... но кучер-то уж был совсем замечательный... Круглый, жирный, как масляный шарик, лицо улыбающееся, точно румяное яблочко, голосок как кошачье мяуканье.

Из-за дома, из-за всех углов, из-за подворотни высыпали мальчишки. Увидали такого красавца на козлах и все поголовно в него сейчас же влюбились и стали прыгать в телегу. Шалуны мальчишки набились в телеге, как сельди в бочке, — ни дохнуть, ни охнуть. Но ничего! Зато было весело! Кучер засмеялся и хлестнул длинным бичом по всем 24 ослам.

— Меня-то, меня возьми! — крикнул Фитилек, вскарабкиваясь на козлы.

— Садись на козлы, — сказал веселый кучер и поглядел на Пиноккио, весь даже расплылся, как блин, от улыбки:

— А ты, деревянный мальчишка, тоже с нами едешь?

— Нет, я останусь, — решительно ответил Пиноккио.

— Ну что ж, оставайся, мне-то что...

— Пиноккио! — закричал Фитилек. — Едем, веселее будет!

— Поедем! Поедем, вот весело-то будет, — закричали мальчишки из телеги.

Пиноккио тяжело вздохнул раз, другой, третий. Подумал, подошел поближе и сказал:

— Я вас только провожу немного. Ладно? — И он полез было в телегу.

Кучер сказал:

— Куда лезешь, видишь — места нет, садись на осла верхом.

Пиноккио подошел к одному из ослов, и, только поднял ногу, чтобы сесть верхом, осел ни с того ни с сего лягнув его в живот. Пиноккио кубарем покатился на дорогу. Мальчишки захохотали как сумасшедшие, а кучер подбежал, поднял Пиноккио и — что было ужасно странно, — прошептал: «Бедняжка Пиноккио», откусил ему половину уха.

Ухо у Пиноккио было, разумеется, деревянное, поэтому он не обратил особого внимания на то, что ему откусили ухо... Гораздо обиднее было то, что смеялись мальчишки. Он подбежал к тому же ослу и ловко на этот раз вскочил на него верхом.

Поехали... Стали подниматься в горку. Пиноккио чувствовал себя очень хорошо. Но вдруг кучер ни с того ни с сего дал ему такого пинка в зад, что Пиноккио покатился с осла и шлепнулся на дорогу.

*Но вдруг кучер ни с того ни с сего дал ему такого пинка в зад,
что Пиноккио покатился с осла и шлепнулся на дорогу*

Мальчишки опять захохотали, поджимая животы, а кучер соскочил с козел, поднял Пиноккио и опять — ужасно странно — взял и откусил у него половину другого уха. Пиноккио, озадаченный, опять уселся верхом на осла. Дорога была пустынная, кругом ни души. Откуда-то все время слышался голос:

— Бедный дурачок, как ты будешь жалеть обо всем этом! Как жестоко раскаешься!

Пиноккио оглядывался. Никого нет. Мальчишки спали, повалившись друг на друга. Фитилек храпел, сидя на козлах. Кучер щелкал бичом и напевал сквозь зубы:

Все ночью спят...
Один я не сплю...

Проехали еще с полверсты, и тот же таинственный голос проговорил совсем близко:

— Берегись, Пиноккио! Тебя ждут большие несчастья! Когда-нибудь заплачешь ты, как я сейчас плачу, но поздно будет...

Пиноккио перепугался, перескочил со спины осла на шею, потрогал его за морду и очень удивился, видя, что осел плачет.

— Кучер! Кучер! — позвал он возницу. — У вас осел плачет!

— Ничего... Поплачет да и перестанет, — беспечно ответил кучер. — Немножко говорит. Научился в цирке у дрессированных собак. Ну ладно, будет болтать. Садись на свое место, дорога не близкая.

Пиноккио послушно уселся опять на осла, и они двинулись дальше.

На рассвете телега доехала до Страны дураков.

Эта прекрасная страна не была похожа ни на одну страну в мире. Жили в ней одни дети, от семи до четырнадцати лет. На улицах был невероятный шум, крик, писк, вой, хохот, — хоть уши затыкай.

Кто играл в бабки, кто в жмурки, кто в веревочку... Велосипеды, деревянные лошадки, обручи, — ни пройти ни проехать. Паяцы поют, солдатики идут на войну, маленькие карапузы гонятся за курами, дудят в дудки, ходят на четвереньках, дерутся, кувыркаются... Пыль. Возня. Дым коромыслом!

На всех площадях понастроены цирки, театры, балаганы, перед афишами и у кассы стоит толпа с утра до вечера. Все стены исписаны каракулями:

«Долой школы! Долой книги! Долой учителей!»

Мальчишки соскочили с телеги и кинулись в толпу.

Сейчас же началась дружба, игры, шалости — все, как следует.

— Вот это жизнь! — говорил с восхищением Пиноккио Фитильку. — Умирать не надо!

— Вот видишь! Значит, прав-то был я! А ты еще не хотел ехать! Связался со своей Волшебницей! Очень тебе надо было учиться...

— Правда. Спасибо тебе, Фитилек! Идем в балаган смотреть представление.

Так прошло пять месяцев. Пиноккио не знал ни школы, ни уроков, ни учителей, — только игры да забавы с утра до вечера. Лучше бы и не надо. Но его ожидала очень неприятная история...

У Пиноккио растут ослиные уши

Однажды утром Пиноккио проснулся в самом веселом расположении духа и, думая о предстоящих развлечениях, хотел почесать за ухом. Но — о ужас! — уши у него выросли за ночь в четверть аршина длиной... Папа Карло, когда его вытаскивал, сделал ему ушки маленькие, хорошенькие, чуть заметные. Все любовались ими. И вдруг... Пиноккио бросился к ведру с водой и, наклонившись, стал глядеть на себя. Осел, настоящий осел!

Пиноккио заорал не своим голосом. Не тут-то было! Уши росли да росли и покрывались прекрасной, гладкой шерстью. На этот шум прибежала хорошенькая Белочка и ласково спросила:

— Что с тобой случилось, миленький?

— Я очень опасно захворал, пощупай мне пульс.

Белочка пощупала пульс Пиноккио правой лапкой:

— Да, — сказала она, — у тебя сильный жар. Мне не хочется тебя огорчать, но ты очень серьезно болен...

— Что же со мной такое?

— Ослиная лихорадка, голубчик!

Пиноккио понял все, но притворился дурачком.

— У меня ослиная лихорадка? Что за вздор! Она бывает только у ослов!

— Это верно, но ты через два часа превратишься в осла...

— Ой! Ой! Ой! — еще громче заорал Пиноккио. — Я не хочу быть ослом! Что мне делать? Я погиб!

Он изо всех сил рвал и теребил ослиные уши, точно они были чужие.

— Я не виноват. Это все из-за Фитилька случилось!

— А зачем ты его слушал?

— Ой, ой, ой! — завыл Пиноккио. — Ну, погоди, я ему это припомню! Я ему бока наломаю.

И он бросился было бежать, чтобы наломать бока Фитильку, но вспомнил об ушах и опять стал в отчаянии рвать их. Торчат, торчат, проклятые, как у настоящего осла!

Но Пиноккио был все же догадлив. Он схватил кусок картона, смастерил из него колпак, нахлобучил его на самый нос и выбежал на улицу.

Фитилька не оказалось ни на улице, ни в переулке, ни в балагане. Точно в воду канул. Пиноккио спрашивал у всех, — никто Фитилька не видал, тогда он побежал к нему на дом и постучал.

— Кто там? — недовольным голосом спросил Фитилек.

— Я! Отопри!

Фитилек не отпирал что-то очень долго.

— Скорее!

— Сейчас! Сейчас!

Наконец дверь отворилась, и Пиноккио увидал своего друга в таком же точно бумажном колпаке.

Он ужасно обрадовался, — значит, у него тоже ослиная лихорадка, — но не подал виду и спросил:

— Как поживаешь, Фитилек?

— Прекрасно! Как сыр в масле катаюсь.

— А зачем ты колпак надел?

— Мне велел его носить доктор, потому что у меня болит коленка. А ты зачем надел?

— У меня живот что-то заболел.

Наступило неприятное молчание. Наконец Пиноккио спросил:

— У тебя никогда не болели уши?

— Сегодня немножко стреляет в правом ухе...

— А у меня в обоих.

— Покажи мне их, пожалуйста.

— Нет, ты сначала...

— Ну тогда вместе, — раз, два, три!

Шалуны разом стащили колпаки.

Видя, что их постигла одна и та же беда, мальчишки, вместо того чтобы плакать, начали хохотать как сумасшедшие.

Они хохотали, держась за животы, прыгали, скакали, казалось, что этому веселью и конца не будет.

Но вдруг Фитилек закричал:

— Ой! Поддержи меня, я падаю!

— Я тоже! — вскрикнул Пиноккио.

И оба упали на пол на руки и на ноги и забегали на четвереньках по комнате. Во время этой безумной беготни их руки и ноги превратились в ослиные лапы, спины изогнулись и покрылись шерстью, а лица вытянулись в ослиные морды. Но самая ужасная минута была впереди: вдруг они почувствовали, как сзади стало

расти по хвосту! Они принялись было плакать, но из горла раздавались хриплые звуки, ослиными голосами они оба начали кричать: «Иа! Иа! Иа!» А в эту минуту раздался оглушительный стук в дверь:

— Отворите! Это я, кучер. Отоприте, вам говорят!

Два осла и рады были бы отпереть, да только глядели на дверь, хлопали ушами.

Пиноккио ведут продавать

Потеряв терпенье, кучер вышиб дверь пинком здоровенной ноги и, войдя в комнату, довольно ухмыльнулся:

— Великолепно! Я этого давно ждал и вовремя за вами пришел...

При этих словах Пиноккио и Фитилек понурились, как настоящие ослы с опущенными ушами, с хвостом между ног.

Кучер похлопал их по спинам, потом почистил скребницей¹ и, когда шерсть у них заблестела, как шелковая, взнуздал и повел на площадь продавать.

Покупатели не заставили себя ждать. Фитилька купил крестьянин, у Которого два дня назад издох осел, а Пиноккио купил директор цирка. Покупая, сказал, что намерен его выдрессировать, научить танцевать и скакать через обручи.

Теперь нетрудно понять, что за плут был кучер, Который привез мальчишек в Страну дураков. Этот негодяй время от времени запрягал телегу и пускался по свету, разыскивая глупых мальчишек, Которые не желали учиться. В Стране дураков они один за другим превращались в ослов. Этого-то ему только и нужно было. Обманщик на своем ремесле наживал большие деньги.

Неизвестно, какая судьба постигла бедного Фитилька, но Пиноккио с первых же дней повел ужасную жизнь.

Новый хозяин, как только привел его домой, сейчас же задал корму. Это была солома! Пиноккио ее немножко пожевал и с отвращением выплюнул. Хозяин заворчал, но принес сена. То же случилось и с сеном.

¹ *Скребница* — железная щетка для чистки лошадей.

— Жри сено! — заорал на него хозяин. — Я вышибу дурь из твоей башки.

И он изо всех сил вытянул его хлыстом по спине.

— Иа! Иа! Я не могу есть ни соломы, ни сена! — хрипло кричал Пиноккио.

Хозяин отлично понимал ослиный язык.

— Цыплятами мне тебя, что ли, прикажешь кормить? — И он вытянул его во второй раз хлыстом по ногам.

Пиноккио понял, что все споры бесполезны, и замолчал.

Хозяин запер стойло и ушел. Пиноккио остался один-одинешенек, зевая от голода. Наконец, увидев, что никакой другой еды нет, принялся жевать сено, как настоящий осел.

Проснувшись на рассвете, он поискал вокруг — сена больше не было. Все съел! Стал жевать тогда солому.

— Терпение, терпение, повторял он, пережевывая солому.

— Ага, терпение, — крикнул хозяин, входя в стойло. Ты еще разговариваешь! Думаешь, что твое дело только жрать да спать? Ошибаешься, голубчик! Не для этого я тебя купил. Ты у меня будешь танцевать вальс на задних ногах и прыгать через обручи. Ну, поворачивайся, лентяй! Раз, два, — прыгай... Раз, два, — морду выше... Раз, два.

Так бедный Пиноккио, под градом ударов, вечно голодный, научился всевозможным прекрасным вещам: ходил на задних лапах, скакал через обручи, кувыркался, кланялся. И вот наконец настал день, когда директор цирка назначил первое представление с его участием. Разноцветные афиши были расклеены на всех углах.

В этот знаменитый вечер, конечно, все билеты раскупили нарасхват, и в цирке негде было упасть яблоку за час до спектакля.

Около кассы и на ступеньках цирка дети стояли толпой. Всем хотелось посмотреть знаменитого осла Пиноккио.

Как только кончилось первое отделение, директор цирка, одетый в черную куртку с позументами, в белых панталонах и высоких сапогах появился на арене и торжественно провозгласил:

— Милостивые дамы и уважаемые кавалеры! Находясь проездом в этом прекрасном городе, я позволю себе представить почтеннейшей публике знаменитого осла по имени Пиноккио, ко-

торый имел честь танцевать при дворе его звездного величества короля Никобарского.

Гром аплодисментов заглушил конец речи директора цирка.

Но цирк содрогнулся сверху донизу от восторга, когда на арене появился сам знаменитый Пиноккио. Шерсть его блестела, как атлас. Кожаные уздечки с медными бляшками горели, как золото, из-за каждого уха свешивалось по белой розе, кончик хвоста был заплетен во множество косичек с красными бантиками, грива расчесана и перевита серебряными нитями. Одним словом, появился такой нарядный ослик, что все его сразу полюбили.

Директор цирка, представляя его публике, сказал:

— Уважаемые дамы и кавалеры! Не буду вам рассказывать о тех трудностях, с Которыми я встретился во время дрессировки этого дикого осла, привыкшего скакать на свободе по полям и лесам. Посмотрите в его глаза, — сколько в них упрямства! Чтобы выдрессировать этого четвероногого злодея, мне не раз приходилось прибегать к хлысту. Он зол и непослушен, но я сумел его усмирить. Посмотрите и полюбуйтесь моим искусством!

Сделав глубокий поклон, директор цирка скомандовал:

— Вперед, Пиноккио! Раскланяйся с дамами и кавалерами!

Пиноккио, послушно согнув передние ноги, опустился на песок арены и остался так, с опущенной головой, пока директор не скомандовал снова:

— Шагом! Карьером!

Пиноккио летел, как ветер, и вдруг споткнулся, это нужно было по программе, хозяин выстрелил из пистолета холостым зарядом перед его носом, и осел упал, словно мертвый. Хозяин вынул платок и заплакал от горя. Тогда Пиноккио вскочил, положил передние ноги на плечи хозяина и поцеловал его мордой в лицо. В этом и заключался номер.

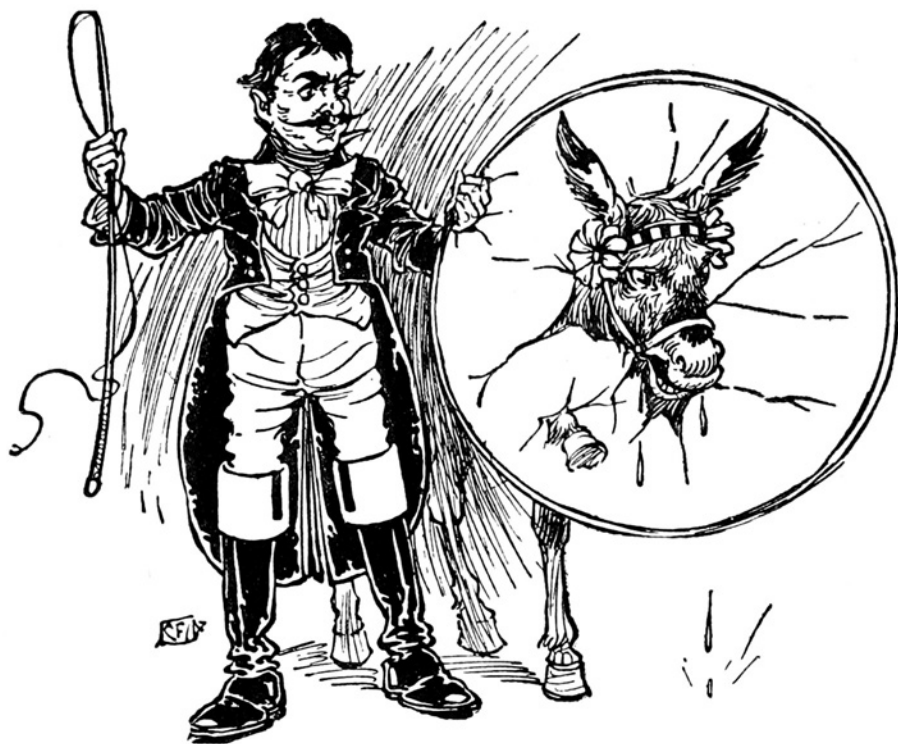
Аплодисментам, смеху, крикам восторга не было конца.

Вставая, Пиноккио поднял голову и посмотрел в публику, и... боже мой! боже мой! в одной из лож в первом ряду сидела прекрасная дама. На золотой цепочке у нее висел эмалевый медальон с портретом Пиноккио. Это была Волшебница. Пиноккио хотел закричать, пожаловаться, но из горла его выдалось только хриплое:

— Иа! Иа! Иа!

Тогда директор так хлестнул его по спине, что у бедного осла искры из глаз посыпались. Опомнившись, он посмотрел на ложу Волшебницы, но ложа была уже пуста.

Бедный Пиноккио! Глаза его наполнились слезами. Но хозяин уже весело кричал:

— Пиноккио! Покажи теперь, как ты скачешь через обручи!

Пиноккио собрал последние силы и начал скакать. Но был так огорчен, что два-три раза не мог попасть в обруч, а на третий завяз в нем и упал на арену как мешок.

Он встал, хромая, и хозяин отвел его в стойло.

Наутро позвали ветеринара, и тот нашел, что осел останется хромым на всю жизнь.

— На кой черт мне нужен хромой осел! Пойди продай его, — сказал конюху бессердечный директор цирка.

Пиноккио повели на площадь продавать. Сейчас же нашлись покупатели.

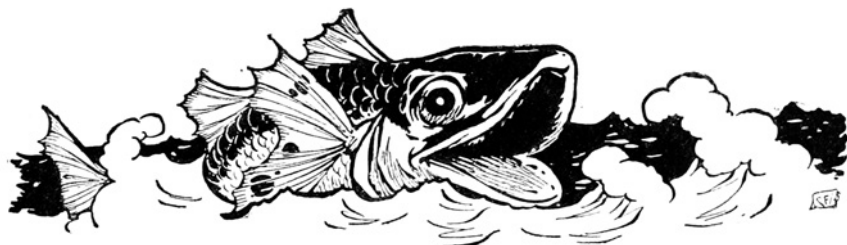
— Сколько хочешь за твоего хромого осла? — спрашивали они.

— Двадцать лир.

— Двадцать сольдо! — сказал один мужик. — И этих денег у других напросишься. Я покупаю его на шкуру, из нее выйдет хороший барабан. У нас в деревне у музыкантов нет барабана.

Торг заключили. Мужик привязал на шею Пиноккио длинную веревку, повел его на берег моря, забрался на скалу и оттуда спихнул его в воду. Держа веревку в руках, он уселся и стал ждать, когда осел потонет, чтобы потом вытащить его и с мертвого содрать шкуру.

Пиноккио превращается снова в деревянного Петрушку

Прошло около часу. Мужик подумал: «Теперь осел уже, наверное, сдох».

Он взялся за веревку. Тянул, тянул, тянул и вдруг увидел: в петле вместо мертвого осла — живой Петрушка. Мужик так и заревел с горя:

— Ой, ой, ой, а куда же мой осел делся?

— Это я — осел, — весело крикнул Пиноккио.

— Не шути так со мной... Ой, ой, ой, — пропали мои двадцать сольдо.

— Я не шучу, вы развяжите петлю, тогда все вам объясню.

Когда петля была развязана, Пиноккио отряхнулся, уселся на выступе скалы и, болтая ножками, стал рассказывать.

— Я, видите ли, Петрушка. Это — очень скучно. Но меня ожидало счастье сделаться настоящим мальчиком. А я наслушался про Страну дураков, убежал из дому и попал в беду. Однажды я превратился в осла с длинными ушами и с хвостом. То же случилось и с моим товарищем. Нас повели продавать. Меня купил директор цирка. Он сделал из меня знаменитого танцора и гимнаста. Но однажды, прыгая через обручи, я зашиб ногу. Тогда директор послал меня продавать, и вы купили...

Мужик слушал и скреб за ушами, дело принимало для него неприятный оборот.

— Значит, пропали мои двадцать сольдо. Где же я возьму теперь шкуру для барабана?

— Мало ли хромых ослов на свете!

— Не шути, мне очень досадно, — сказал мужик. — Ну что же, значит, на этом и кончается твоя история?

— Нет, история здесь вовсе не кончается. Волшебница — вы знаете, конечно, про знаменитую Волшебницу, — оказывается, она знала все, что со мной произошло, как только увидала, что вы меня бросили в воду и я тону, — послала на помощь мне целую стаю рыб. Они меня приняли за мертвого и начали есть. Кто грыз уши, кто лапы, кто кожу, кто мясо; были и такие, что начисто отгрызли хвост!

— Мне наплевать на твои сказки, — закричал мужик, совсем рассердившись. — Я заплатил за тебя двадцать сольдо и желаю их получить обратно. Понесу тебя на базар и продам на дрова!

— Ну-ка отнеси! — крикнул Пиноккио и, высунув мужику язык, прыгнул в море, и сейчас же скрылся в волнах.

Через минуту он уже виднелся далеко-далеко крохотной темной точкой на белых гребнях и весело кричал мужику:

— Когда будешь натягивать шкуру на барабан — вспомни обо мне... Проща-а-а-ай!

Пиноккио плыл наудачу куда глаза глядят и вдруг просто замер от восхищения: из воды выступала белоснежная, мраморная скала, а с вершины ее приветливо кивала головой хорошенькая голубая Козочка. Пиноккио узнал ее сейчас же и с бьющимся от радости сердчишком, напрягая все усилия, поплыл к скале. Оставалось два раза взмахнуть руками — вон она, Козочка, бьет копытцем по мрамору!

Но вдруг — огромная голова Акулы, разинув зубастую пасть, высунулась из воды. Пиноккио бросался то вправо, то влево, но Акула всюду настигала.

— Спасайся, Пиноккио! — кричала Козочка. — Спасайся! Она тебя проглотит. Берегись! Скорей! Скорей!

Вот и скала... последним отчаянным усилием Пиноккио вцепился в нее обеими руками, и Козочка протянула ему передние ножки. Но было уже поздно!

Чудовище втянуло в себя воду и Пиноккио, да с такой неслыханной силой и жадностью, что, падая в желудок Акулы, он обо что-то ударился и с четверть часа лежал без сознания.

— Спасайся, Пиноккио! — кричала Козочка. Спасайся!
Она тебя проглотит. Берегись! Скорей! Скорей!..

Наконец он пришел в себя: вокруг было темно, как в чернильнице. Пиноккио прислушался, была глубокая тишина, только равномерными порывами откуда-то налетал сильный ветер. Он долго не понимал, откуда дует этот ветер, но потом догадался, что это Акула, должно быть, страдает на старости лет отдышкой.

Пиноккио стал шарить вокруг. Выхода нет! Он проглочен, закупорен в брюхе морского чудовища! Впереди только страшная смерть.

— Помогите! Караул! Караул! — вопил он, мечась в темноте.

— Кто тут тебе может помочь, несчастный! — загудел, где-то близко глухой голос, словно оборвалась басовая гитарная струна.

— Кто там?

— Я — бедный Тонно¹, проглоченный Акулой вместе с тобой. А ты что за рыба?

— Я вовсе не рыба, я Петрушка. Но что же нам теперь делать?

— Надо смириться с горькой участью и ждать, когда Акула нас переварит.

— Но я вовсе не хочу, чтобы Акула меня переварила!

— И я тоже бы не хотел, — грустно сказал Тонно, — но что поделаешь? Может быть, лучше умереть в родном море, чем быть съеденным людьми...

— Ты как знаешь, а я убегу отсюда, — решительно сказал Пиноккио.

— Попробуй!

— И попробую... А как велика эта Акула? — в раздумье спросил Пиноккио.

— Да не маленькая.

Во время этого разговора показался слабый огонек.

— Кто это там?

— Так, какой-то сидит ждет, когда переварится.

Пиноккио подумал и сказал:

— Прощай, Тонно! Все-таки я попробую удрать отсюда.

— В добрый час, Пиноккио.

¹ *Тонно (итал.)* — тунец, огромная морская рыба, сырое мясо которой темно-красного цвета, напоминает говядину.

Пиноккио встречается с папой Карло

Скользя в темноте, Пиноккио пошел на мерцающий огонек.

Под ногами хлюпала вонючая, жирная каша. Это была рыба, уже переваренная в желудке Акулы. Содрогаясь от ужаса и отвращения, Пиноккио шел все вперед и вперед на огонек. Огонек светлел. И... но тут уже Пиноккио едва не спятил от изумления и радости. Он увидел в уголку, в складках желудка, ящик, на нем — свечу, остатки еды и сидящего перед ящиком, положив на него локти, самого папу Карло... Борода у него была совсем седая, лицо грустное...

Пиноккио задрожал и не мог выговорить ни слова.

— Папа Карло! — крикнул он, бросаясь к старику на шею.

— Пиноккио! Не верю глазам... Ты ли это?

Папа Карло щупал, вертел Петрушку, целовал его, гладил...

— Это я! Это я! — лепетал Пиноккио. — О, если бы вы знали, сколько несчастий мне пришлось пережить. Помните тот холодный день, когда вы продали куртку, чтобы купить мне азбуку? А я, гадкий, неблагодарный, не пошел в школу, а убежал в кукольный театр. Директор театра хотел меня бросить в печку, чтобы дожарить барана... Но потом дал мне пять золотых, чтобы отнести вам... По дороге я встретил Лису и Кота, — они заставили заплатить за ужин, а сами убежали. Ночью на меня напали разбойники и повесили на суку... Я совсем уже умирал, но Волшебница послала за мной коляску и перевезла в свой домик... Потом я выздоровел... Волшебница спросила меня, где золотые... Я... солгал... и у меня вырос нос...

Пиноккио вытер слезы. Рассказ длился ужасно долго. Папа Карло рыдал, опираясь локтями о ящик.

Наконец Пиноккио спросил:

— Сколько времени вы здесь в Акульем брюхе?

— Ах, и не спрашивай, — долго.

— Но как же вы не умерли с голоду? Где вы взяли свечи, спички, еду?

— Я тебе все сейчас расскажу, — проговорил папа Карло. — Помнишь, была жестокая буря в тот день, когда я поплыл за море тебя искать? Лодочка моя потонула, как скорлупка, и тут же рядом погибал торговый пароход. Команда спаслась, но пароход пошел ко дну. Акула в тот день, должно быть, очень проголодалась и глотала все, что ей ни попадалось на язык, — ящики, людей, веревки, бочонки... На мое счастье, этот пароход оказался нагруженным консервами мяса в жестяных банках, бисквитами, сухарями в коробках, бутылками с вином, стеариновыми свечками и шведскими спичками. Попал и я ей в брюхо... Поосмотрелся и, вот видишь, устроился понемножку... А свечечек-то у меня больше нет, последняя. Останемся оба в темноте!

— Тогда, папа Карло, нужно сейчас же бежать!

— Куда бежать?

— В море!

— Тебе хорошо говорить, но я плавать-то не умею.

— Это не беда, сядете на меня верхом.

С этими словами Пиноккио взял папу Карло за руку и повел его, освещая свечой отвратительную эту дорогу. Так шли они долго по желудку Акулы, вошли в горло, приостановились, осмотрелись. Нужно вспомнить то, что Акула страдала отдышкой и спала всегда с открытой пастью. Пиноккио выглянул из Акульего рта и увидел спокойное море, освещенное луной.

— Бежим! — шепнул он. — Акула дрыхнет, море как зеркало, луна, светло. Бежим!

Через горло они прошли в пасть и, осторожно придерживаясь за язык спящего чудовища, доползли уже до того места, откуда хотели броситься в море.

Но — о ужас! — Акула чихнула... и втянула их обратно в желудок. Свечка упала и погасла. Беглецы остались в глубокой темноте.

— Что же теперь делать?

— Пропали! — сказал папа Карло.

— Дайте руку! Пойдемте. Не падайте духом!

И опять Пиноккио потащил папу Карло в темноте по отвратительному желудку. Опять добрались они до Акульего рта и, цепляясь за язык, поползли через всю пасть и чуть не завязли в тройном ряду зубов. Снова впереди показалось море, ярко освещенное луной.

— Прыгаем! Держитесь крепче за меня, — быстро прошептал Пиноккио.

Море было как зеркало. Акула дрыхла, похрапывая, ее бы и пушки не разбудили. Беглецы кинулись в воду.

Пиноккио плыл, таща за собой папу Карло, задыхаясь от тяжести, но не терял мужества. Берег был еще очень далек. Папа Карло начал дрожать с головы до ног от холода и слабости.

— Ну-ка еще немножко потерпите, — крикнул Пиноккио, — сейчас — берег.

— Не могу больше... Тону... Прощай...

— Кто тут вздумал тонуть? — раздался глухой голос, похожий на звук басовой гитарной струны. И сейчас же около погибающих беглецов показался Тонно.

— Тонно, милый, спаси нас! — крикнул Пиноккио.

— Это можно... Держите меня оба за хвост покрепче. В пять минут будем на берегу. А я ведь тоже удрал вслед за вами... Хо-хо-хо...

Пиноккио и Карло не заставили себя упрашивать и крепко уцепились за хвост доброй рыбы, а затем, чтобы было удобнее, перебрались к ней на спину.

Но вот наконец и берег. Пиноккио первым соскочил на песок и в восторге закричал:

— Позволь мне расцеловать тебя, миленький Тонно!

Тонно высунул морду из воды и тотчас же после поцелуя сконфуженно нырнул в воду. Он не привык к таким нежностям.

Пиноккио становится мальчиком

— Куда же теперь мы пойдем? — спросил Карло.

— Пойдем попросимся у кого-нибудь отдохнуть и обсушиться.

Не прошли они и сотни шагов, как посреди улицы им попались два жалких нищих, выпрашивающих милостыню у прохожих. Это были Лиса и Кот. Но их и узнать-то было трудно. Кот прежде только притворялся слепым, а теперь ослеп на самом деле. Лису разбил паралич, и она была даже без хвоста, — продала его однажды старьевщику в черный, голодный день.

— Пиноккио, дорогой мой! Подай милостынюку двум несчастным калекам! — запела Лиса, протягивая облезлую лапу.

— Проходите, обманщики! — сурово ответил Пиноккио. Скажите спасибо, что в участок вас не отведу за ваши проделки...

Пиноккио и Карло продолжали путь, пока не увидали вдали жилье. Это была маленькая хорошенькая избушка с черепичной крышей, очень приветливая с виду. Беглецы постучались в дверь.

— Кто там? — спросил изнутри голосок.

— Несчастные путники без крова и хлеба, — ответил Пиноккио.

— Войдите.

Дверь не заперта. Они вошли. Никого.

— А где же хозяин? — спросил Карло.

— Я здесь, — ответил тот же голосок с потолка.

Пиноккио поднял голову и увидел сидящего на балке Говорящего Сверчка.

— Дорогой Сверчок, ты жив, значит?

— Ага, теперь ты называешь меня «дорогим», а помнишь, как запустил мне в голову молотком.

— Ах, все это верно, — вздохнул Пиноккио. — Виноват я перед тобой... Прогони нас, мы уйдем.

— Я не помню зла, — ответил Сверчок. — Оставайтесь, располагайтесь как дома.

— Это твой дом? — спросил Пиноккио.

— Мой собственный.

— Кто его тебе подарил?

— Волшебница...

Пиноккио подскочил как ужаленный:

— Где она сейчас? Она придет сюда?

— Нет, она никогда больше не вернется. Она уехала. Когда уезжала — все вздыхала печально, повторяла: «Бедный, бедный Пиноккио! Я не увижу его больше никогда. Его проглотила Акула».

Пиноккио горько заплакал. Выплакавшись, он вытер глаза, постлал для папы Карло соломки на лавку и спросил Говорящего Сверчка:

— Где бы тут достать стаканчик молока?

— Версты за три отсюда живет молочник Гвидо, сбегай к нему.

Пиноккио побежал, но молочник даром молока дать не захотел.

— Деньги заплати. Три сольдо!

— Но у меня нет ни гроша!

— А у меня нет молока!

Пиноккио повесил голову, пошел, еле передвигая ноги.

— Поймай! — остановил его молочник. — Ты умеешь вертеть колодезное колесо?

— Умею.

— Так вот, — ты будешь ходить и вертеть колесо, а я буду считать ведра. Когда будет начерпано сто ведер, дам тебе молока.

— Ладно!

Молочник повел Пиноккио в огород и научил вертеть колесо. Пиноккио вертел его, обливаясь потом, а молочник рассказывал:

— Раньше у меня это делал осел, а теперь он, кажется, собирается сдохнуть.

— Позвольте посмотреть на него.

— Пойди, пожалуй, посмотри.

В стойле лежал при последнем издыхании изнуренный голодом и непосильной работой осел.

Пиноккио пристально посмотрел ему в глаза: осел был знакомый... ужасно даже знакомый...

— Как тебя зовут, — спросил он, нагибаясь к бедняге.

— Фи-ти-лек! — промычал несчастный. Закрыв глаза и вздохнул глубоко в последний раз.

— Бедный Фитилек! — прошептал Пиноккио, вытирая рукавом слезы.

— Ты плачешь об осле, Который тебе не стоит ни гроша, а что же я должен делать, — у меня денежки пропали, — сказал молочник.

— Я плачу, потому что это мой друг.

— Что? Это осел-то твой друг?

— Ну да, школьный товарищ.

— Как? как? — захохотал молочник. — Школьный товарищ? Это осел то? Хороша была школа!

Пиноккио не сказал больше ни слова, взял молоко и побежал к отцу. С этого дня в течение пяти месяцев он бегал на ферму каждое утро на рассвете и вертел колесо за стакан молока. В свободное время днем он плел корзиночки на продажу. По вечерам учился, читал и писал. Не было чернил, — макал гусиное перо в вишневый сок, и выходило очень хорошо.

Однажды утром он сказал папе Карло:

— Пойду сегодня на рынок, хочу купить курточку, шапку и сапоги. Когда вернусь, ты меня и не узнаешь!

Когда Пиноккио вприпрыжку бежал на базар, его окликнули:

— Пиноккио!

Он остановился. Большая Улитка, шевеля рогами, сидела на плетне.

— Не узнаешь?

— Нет... Что-то не припоминаю.

— А помнишь Улитку, Которая отворила тебе дверь в домике Волшебницы.

— Вспомнил! Вспомнил! А где Волшебница? Она уехала? Далеко? Вспоминает ли меня? Увижу я ее когда-нибудь?

Однажды утром он сказал папе Карло:
— Пойду сегодня на рынок, хочу купить курточку, шапку и сапоги.
Когда вернусь, ты меня и не узнаешь!

На все эти вопросы Улитка ответила, как и подобает, совсем не спеша:

— Волшебница очень обеднела и лежит сейчас в больнице. У нее нет ни сольдо, даже есть нечего.

— Вот, послушай, — торопливо проговорил Пиноккио, — вот сорок сольдо, больше у меня нет, я хотел купить себе курточку... но мне не надо! Отнеси их Волшебнице. Завтра опять приходи на это место, я принесу еще денег.

— Спасибо, — поджав рога, сказала Улитка и взяла деньги.

Когда Пиноккио вернулся домой, Карло спросил:

— А где же новая курточка?

— Не нашел ни одной по росту.

В этот день Пиноккио работал до полуночи и вместо восьми корзин сплел шестнадцать. Заснул он как убитый, и приснилась ему Волшебница. Она ласково обнимала его за плечи и говорила:

— Милый Пиноккио! Наконец ты меня порадовал. Если останешься таким же навсегда, увидишь, какая радость тебя ожидает.

В эту минуту Петрушка проснулся, пощупал себя и вдруг закричал от радости — он был весь мягкий, не деревянный, а как все его товарищи. Он вскочил с постели, все еще протирая глаза, все еще не веря, что исполнилось его заветное желание.

Вместо тесной каморки, где он заснул вчера, он увидел светлую комнату с чистой мебелью, на табуретке около кровати лежал новенький костюмчик, шапочка и новые сапоги.

Он сейчас же оделся, засунул руки в карманы и вытащил оттуда портмоне¹ из слоновой кости. На его крышке было выгравировано золотыми буквами:

Волшебница с голубыми волосами возвращает свой долг в сорок сольдо милому Пиноккио.

Пиноккио, рассматривая подарок, нечаянно увидал себя в зеркале. Из зеркала глядел на него хорошенький голубоглазый мальчик. Это был он сам. Ему казалось, что все это сон.

¹ *Портмоне* — небольшой плоский предмет с различными функциональными отделениями, предназначенными для бережного хранения денег, бумаг, разменных монет и проч.

В соседней комнате сидел папа Карло в новой суконной куртке и работал — мастерил чудесные игрушки.

На полу около его стула сидел деревянный Петрушка. Голова его повисла набок, руки упали вдоль туловища, тонкие ножки согнулись в коленях, и никто бы не поверил, что когда-то он умел бегать, плакать и смеяться.

— А это кто? — со страхом спросил Пиноккио, показывая пальцем на Петрушку.

— А это, дружок, это — ты же сам... Но не бойся, плохие дни миновали, это — только кукла, а ты — Пиноккио... С добрым утром!

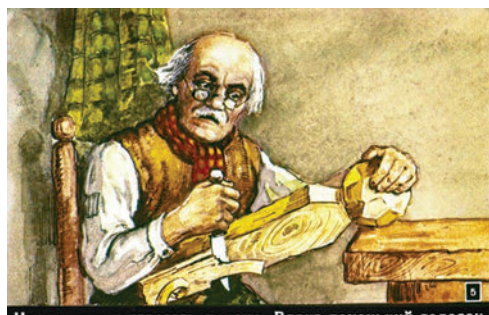
ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

Кадры из диафильма

Художник
Леонид Владимировский

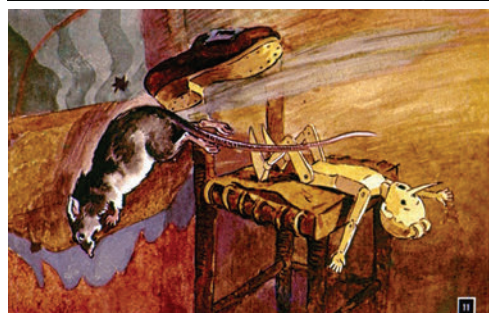

Буратино увидел очаг и котелок над огнём. Он не знал, что это нарисованное, и сунул туда нос, но только проткнул в холсте дырку. Буратино посмотрел в дырку и увидел за холстом какую-то дверцу.

Вдруг из-за холста вылезла страшная крыса Шушара и кинулась на Буратино.

К счастью, вернулся папа Карло и запустил башмаком в Шушару. Она скрипнула зубами и скрылась.

Покуда Буратино ел, папа Карло смастерил ему из бумаги курточку и штанишки, а из старого носка — колпачок с кисточкой.

Папа Карло сказал: — Я продал свою куртку и купил тебе азбуку. Ты должен ходить в школу и стать умным и благоразумным.

— Я буду умненьким и благоразумненьким, — сказал Буратино. Взял азбуку и пошёл в школу.

По дороге Буратино увидел кукольный театр Карабаса-Барабаса. Ему ужасно захотелось посмотреть кукольное представление.

Он забыл, что обещал быть умненьким и благоразумненьким. Он продал свою азбуку и купил билет в кукольный театр.

Куклы на сцене играли весёлую и смешную комедию. Буратино ужасно смеялся. Вдруг куклы увидели его и закричали: — Смотрите, — это настоящий, живой Буратино! Весёленький Буратино, иди к нам!

Буратино прыгнул на сцену. Куклы начали его обнимать, целовать, щипать, тормошить.

Тогда из-за сцены высунулся такой страшный человек, что можно было оконечить от страха. Это был Карабас-Барабас. Он зарычал: — Негодяй, ты помешал представлению моей прекрасной комедии!

Он схватил Буратино и унёс его за кулисы.

Карабас-Барабас жарил щуплёнка себе на ужин. Он сказал: — В очаге мало дров, брошу в огонь Буратино.

Куклы на коленях умоляли его пощадить Буратино. Но Карабас не слушал их: ему в нос попал пепел из очага, и он начал чихать.

Буратино сказал: — Не бросайте меня в огонь, — папа Карло умрёт от горя. Мы такие бедные, что у нас даже очаг нарисован на куске холста. — Услышав это, Карабас-Барабас сразу перестал чихать.

Он вынул из кармана и дал Буратино пять золотых червонцев. — Передай их папе Карло, пускай он лучше глаза бережёт очаг, нарисованный на куске холста. Я скоро к вам приду.

Кот и лиса думали, что он уйдет спать.
Но Буратино ждал, пока вырастет дерево.

Тогда кот остался караулить, а лиса побежала в полицейское отделение и попросила бульдога арестовать Буратино.

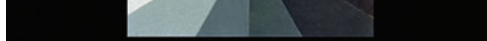
Бульдог послал двух сыщиков – доберманов пинчеров арестовать Буратино на пустыре.

Доберманы пинчеры подкрались к Буратино, схватили его и бросили в пруд.

Кот и лиса выкопали его деньги, начали делить их и так подрались, что скатились в воду.

Буратино не утонул, потому что он был деревянный. Он вылез на лист водяной лилии. Ему было холодно, очень хотелось есть, и он заплакал.

Из воды показались лягушки. Они пожалели Буратино и принесли ему лягушье угощение.

Над водой показалась страшная змеиная голова. У Буратино от страха встала дыбом кисточка на колпачке.

Но это была старая добрая черепаха Тортила. Она рассказала Буратино, что кот и лиса украли его деньги. В лапе она держала золотой ключик. — Я дарю тебе этот ключик. Его обронил в пруд Карабас-Барабас. Этим ключиком открывается волшебная дверца.

Буратино взял ключик, поблагодарил Тортилу, вылез на берег и побежал домой к папе Карло.

Буратино заблудился. Вдруг мимо него промчался заяц. На нём сидел человек, за ним гнались собаки.

Человек зацепился за ветку и упал, а собаки убежали за зайцем.

Буратино подбежал к человеку и увидел, что это Пьеро из театра Карабаса-Барабаса. Вот что рассказал ему Пьеро:

— Однажды ночью все куклы спали. Но я не спал, я думал о Мальвине, которая убежала от Карабаса-Барабаса. Перед очагом ужинали Карабас-Барабас и его друг Дуремар, продавец пива, лягушек и черепах.

Буратино показал ключик Мальвине. Она сказала: — Но мы не знаем, где находится дверца, которую он открывает.

В это время на дорожке показалась огромная добрая лягушка. Она сказала: — Карабас-Барабас узнал про то, что черепаха Тортила подарила ключик Буратино... Бегите отсюда поскорей.

Мальвина и Пьеро испугались, а Буратино ничуть не испугался. Он велел Артемону собрать узлы и взять в дорогу всё необходимое.

Мальвина села на собаку, Пьеро взялся за хвост Артемона, Буратино встал впереди, и они тронулись в путь.

Как только они вышли на гладкое поле, из-за кустов высунулся Карабас-Барабас. Он держал двух полицейских собак.

Казалось, всё погибло. Но Буратино велел Мальвине и Пьеро бежать в лес, собаке Артемону приготовиться к драке, а сам полез на сосну.

Взобравшись на сосну, Буратино начал кричать: — Птицы, звери, насекомые! На помощь маленьким человечкам!

Прилетели птицы, насекомые, прибежали разные зверюшки. Ежи начали колоть в нос полицейских собак, птицы их клевали, осы жалили. Пудель Артемон мужественно дрался один против двоих псов.

Карabas тряс сосну. Буратино бросал в него сверху большие шишки. Одна шишка попала Карabasу в разинутый рот.

Буратино соскочил с дерева и начал бегать вокруг него. Карabas бегал за ним, борода его обматывалась вокруг смолистого ствола и приклеивалась.

Наконец, Карabas упёрся носом в дерево. Буратино показал ему язык.

позвал Артемона, и они побежали искать Мальвину и Пьеро. На поле остались приклеенный к дереву Карabas и две полицейские собаки, искусанные и полуживые.

Мальвина и Пьеро спрятались в пещере. Они думали, что Буратино погиб. Мальвина плакала, Пьеро утешал её. Вдруг послышались шаги, и появился Буратино. За ним прихрамывал храбрый Артемон с узлами на спине.

Артемону перевязали раны, поставили градусник, и он спокойно заснул.

Буратино разложил костёр и варил какао. Пьеро читал стишки своего сочинения. Мальвина его слушала.

Раздались голоса Карabasа и Дуремара. Они прошли мимо пещеры. Буратино услышал, что они сговариваются пойти в харчевню. Он догадался, что там они будут говорить о золотом ключике.

Буратино потихоньку, вперёд Карабаса и Дуремара, прибежал в харчевню

и спрятался в глиняном горшке.

Карабас и Дуремар пришли в харчевню, стали есть и пить, а кости бросать в горшок, где сидел Буратино. Карабас ничего не говорил про ключик. Он только грозился отыскать Буратино и прихлопнуть его, как муху.

Тогда Буратино проговорил из горшка завывающим голосом: – Открой тайну, несчастный, открой тайну.

Карабас и Дуремар с испугу полезли под стол. А Буратино всё повторял – Открой тайну, – где находится дверь, которую открывает ключик.

Карабас, стуча зубами, ответил: – Дверь находится у старого Карло в каморке за нарисованным очагом. Замолчи, таинственный горшок.

Тут горшок на столе зашатался, покатился, разбился, из него выскочил Буратино и кинулся в дверь.

На дворе он схватил за хвост большого петуха, сел на него верхом, и они помчались, как ветер.

Карабас и Дуремар пришли в себя и кинулись в погоню, но Буратино уже и след простыл.

Папа Карло в своей каморке сидел и горевал, что погиб его умненький, благоразумненький Буратино.

Вдруг в окно влетел петух, на нём Буратино, за петухом прыгнул Артемон, на нём Мальвина и Пьеро.

Все четверо начали обнимать папу Карло, радости не было конца.

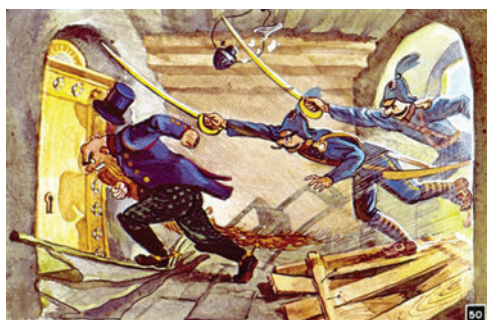
В дверь ломился Карабас-Барабас с двумя полицейскими.

Тогда Буратино сорвал холст, на котором был нарисован очаг, и все увидели таинственную дверцу.

Буратино сунул в замочную скважину золотой ключик, заиграла музыка, и дверца открылась. Он сказал: — Все за мной!

В каморку ворвался Карабас-Барабас. Но таинственная дверца захлопнулась перед его носом.

Через площадь к этому театру бежали все куклы Карабаса-Барабаса. Буратино, Мальвина и Пьеро радостно встречали их.

Карабас-Барабас схватил плётку и выбежал на площадь. Он кричал: — Назад, назад, кукольное отродье!

Откуда ни возьмись, на него налетел Артемон, сбил с ног и поставил лапу ему на грудь.

В новом кукольном театре Буратино зазывал публику. Мальвина танцевала. Пьеро подпрыгивал и перевёртылся. Папа Карло играл на новой шарманке... Всем было ужасно весело.

СОДЕРЖАНИЕ

*Алексей Толстой. Золотой ключик, или Приключения Буратино*5

Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (пер. Н. Петровской) 153

Приложение

Алексей Толстой. Приключения Буратино. Кадры диафильма . . . 287

Алексей Толстой
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

Карло Коллоди
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций,
дополнительные комментарии
А. Корсаковой

Дизайн обложки
А. Яскевича

Сдано в печать 18.10.2021
Объем 19 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 6645/21

Бумага матовая мелованная
HannoArt Bulk

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона
№ 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции,
так как данное издание классического произведения
имеет значительную историческую, художественную
и культурную ценность для общества

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

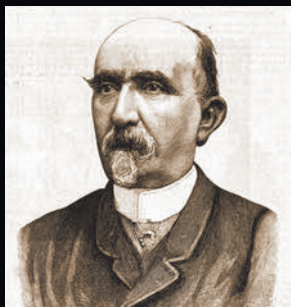
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

Впервые А. Н. Толстой познакомился с историей о Пиноккио итальянского писателя Карло Коллоди, когда в 1923 г. засел за редактуру перевода этой сказки, выполненного известной в конце XIX в. писательницей Н. И. Петровской. Сказка ему понравилась, и в 1933 г. Толстой взялся за собственное изложение приключений ожившей деревянной куклы. Однако ему не нравились нравоучения Коллоди, который то и дело наставлял своих читателей, показывая, как ошибки Пиноккио приносят всевозможные беды и несчастья. Тогда Толстой решил переделать сказку Коллоди на свой манер, и в результате на свет поя-

вился настоящий бриллиант — «Приключения Буратино» (от итал. Burattino — «кукла», «марионетка»). Фея из сказки Коллоди превратилась в Мальвину, добрый хозяин кукольного театра Манджафоко — в злобного Карабаса-Барабаса, а сам Буратино стал озорным весельчаком и неисправимым оптимистом. Вся история о его приключениях обрела необычайный динамизм.

Хорошо всем известный образ Буратино в полосатом колпачке был создан в 1953 г. талантливым рисовальщиком Л. В. Владимирским; в то время он работал главным художником на студии «Диафильм». Через три года он проиллюстрировал отдельную книгу о приключениях Буратино. Именно эти рисунки мастера украшают и данное издание. Любопытно, что моделью для создания образа Буратино художнику послужила его пятилетняя дочь.

Карло Лоренцини (Коллоди — псевдоним) родился в 1826 г. во Флоренции в небогатой семье. Его рано увлекла литература. Карло подрабатывал журналистикой, писал рассказы и очерки, издавал сатирический журнал и переводил на итальянский сказки Шарля Перро. Сочиненная им сказка о приключениях деревянной куклы принесла писателю всемирную славу. Вряд ли он ожидал такого успеха, когда первая часть этой истории была опубликована летом 1881 г. в одном из первых итальянских еженедельных детских журналов. Однако родителям и детям приключения марионетки с удлиняющимся от вранья носом понравились, хотя в них было много морализаторства, поучительных сентенций и немало жестоких сцен. Читатели требовали продолжения, и в течение двух лет Коллоди прибавлял все новые и новые части к истории о Пиноккио. К концу XX в. «Приключения Пиноккио» (от итал. pino — «сосна», occhio — «глаз») были переведены на 260 языков.

В этом издании сказку украшают рисунки английского художника Чарльза Фолкарда (1878–1963). Рано открывшийся талант рисовальщика заставил его посвятить жизнь иллюстрированию книг и журналов. Фолкард создавал целые серии рисунков к историям братьев Гримм, к басням Эзопа и арабским сказкам. Для «Приключений Пиноккио» он нарисовал более восьмидесяти рисунков, которые стали классическими.

